

Кенен АЗЕРБАЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Пяти томник

5-том

ПЕСНИ ГОР И СТЕПЕЙ

КЕЛЕШЕК

Алматы

2017

УДК 821.512.122
ББК 84 Каз-5
А35

Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме «Приобретение, издание и распространение социально важных видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

Составитель: С. Кусаинов

А35 АЗЕРБАЕВ К.
Сочинения. Пятитомник. Т.5. – Алматы: Издательство «Келешек», 2017 – 260 бет.

В данный сборник сочинений выдающегося поэта, композитора, народного акына Кенена Азербаетова вошли избранные стихи, песни и айтысы. Он является достойным продолжателем поэтических и песенных традиции Акан серэ, Биржан сала, Балуан Шолака, Суюнбая и Джамбула.

УДК 821.512.122
ББК 84 Каз-5

ISBN 978-601-03-0487-1
ISBN 978-601-03-0491-8

© Кусаинов С., (составление),
© Азербаетов. К, 2017
© «Келешек», 2017

ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ

Чудесный акын и певец Кенен Азербает все свои 92 года прожил на границе гор и бескрайней равнины — там, где с юга сразу начинается Курдайский перевал, а с севера открывается безбрежный океан казахских степей. Здесь все ему было под стать: и горная высь, и степной простор, и свежесть горного ветерка, и чистота, и прохлада родниковой воды. И все это чувствуем мы в наполненных ароматом песнях Кенена Азербаета. Здесь ему дышалось свободно, привольно, здесь посещало его поэтическое вдохновение. Здесь и песня его лилась легко, непринужденно, как хрустальная вода родника Матибулак, которая поила всю жизнь счастливо дожившего свой золотой век старейшину народной поэзии и музыки.

Я знал его сорок лет — мы часто встречались то у него, то у меня дома, ездили вместе в Тбилиси и в Москву — и могу утверждать, что ему было тесно и душно вне привычной среды, как соловью вне своего родного сада. Всякий раз, уехав ненадолго из аула в Джамбул, Алма-Ату, Москву, он рвался в родные пределы, в свой колхоз им. С.М.Кирова, в расцвет которого вложил много сил и энергии и в котором был безмерно любим и уважаем всеми.

Кто хоть раз видел Кенена при жизни, слушал его сердечную серебристого звона песню, тот никогда не забудет его необыкновенно обаятельного образа, чарующего воздействия его чудесных мелодий. Кенена знает вся страна, весь народ любит его замечательные песни, потому что, живя в колхозе у далекого Курдайского перевала, и языком своего искусства

обращался ко всему советскому народу, говорил о всей нашей социалистической Родине.

Раскинулась от края и до края
Земля моя, богатствами полна.
Тебе, народ, я песни посвящаю,
Пока звенит домбры моей струна.

Утром по радио часто передают концерты. И каждый раз, объявляя название песни, диктор называет автора текста, автора музыки и, наконец, исполнителя ее, — как минимум три фамилии. Когда передаются песни Кенена Азербаяева, нет необходимости перечислять все это, потому что и как автор текста, то есть поэт, и как автор музыки — композитор, и как певец-исполнитель, и даже как аккомпаниатор выступает сам Кенен. Объясняется это просто. Дело в том, что Кенен — акын. А акын — это представитель универсального литературно-музыкального, театрально-драматического народного искусства казахов, представитель веками складывавшейся своеобразной синкретической формы казахского песенно-поэтического творчества. Форма эта связана с ярчайшими именами: Джамбул, Биржан сал, Ахан серэ, Балуан Шолак, Жаяу Муса, Асет, Естай, Шашубай, Тайжан, Нартай и другие. Дореволюционному, да и советскому, казахскому слушателю каждый из них мог бы заменить — и заменял — целое театральное представление. Продолжателем традиций этой вот школы акынов и явился народный акын Кенен Азербаяев.

Акын-патриот, сын казахской бедноты, родился в дырявой пастушеской юрте в 1884 году в местности Матибулак нынешнего Курдайского района Джамбулской области.

Родители, да и вся родня Кенена, были потомственными кедеями-батраками. У них было общее

прозвище — «Бес жаланаяк», то есть «Пятеро босых». Отец Кенена Азербай был акыном, мать — певицей, но развивать таланты не было возможности — нужда, батрачество, неграмотность. Мать умерла, когда Кенену было семь лет. Отец пас овец бая Аймена, мальчик Кенен пас ягнят. С одиннадцати лет бай перевел мальчика на овечью отару. Это очень нелегкое дело в мальчишеском возрасте — голодным, оборванным, бесприютным пасти в степи отару.

Первая песня Кенена — это стон, вырвавшийся из груди, это проклятие богачу — баю, это жалоба на горемычную сиротскую судьбу.

Песня называлась «Ри, койым!»¹ (так кричит пастух, гоняя отару) и в ней звучали слова обиды и ранней, казалось бы, безнадежной печали:

Служу, угождаю
Хозяину-баю
(Сюда, овечки!),
О матери милой
Весь день вспоминаю...
Сюда, овечки!
На родичей наших
Надежды напрасны
(Сюда, овечки!),
Не нужен им я
И отец мой несчастный...
Сюда, овечки!

Но припев — обжигающий непокорностью, если еще не классовой ненавистью, то уже, безусловно, батрацкой злостью к бездушному хозяину:

В кошаре или у речки
Чтобы вас волки задрали
Или чума взяла!

Однако душа у маленького Кенена нежная, отзывчивая, тянущаяся к добру. Тучи. Холод. Сырость.

¹ В сборнике эта песня напечатана под названием «Сирота».

Тяжело Кенену под открытым небом в степи с байской отарой. Но наступает утро, проглядывает солнце, слышно серебристое пение жаворонка и мальчик-акын слагает трогательную лирическую песню «Бозторгай» («Жаворонок»):

Ты все поешь в небеса
О жаворонок свободный!
А я брожу по земле,
До поздней ночи голодный.
Нет коня у меня,
Палка вместо коня...

Это улыбка сквозь слезы, душевное здоровье, жизнеутверждающий оптимизм, надежда, что впереди не все мрачно, что солнце и песня жаворонка — это символы добра на земле. Пешком, с палкой-ярлыгой бродил юный пастух за чужой отарой. И как всякий пастух, молодой Кенен мечтал о коне. Ведь на коне и пастух выглядит джигитом, да и много легче, на коне, и овцы послушней, и волки не страшны. Только в шестнадцать лет сел Кенен на коня. Но что это был за конь? Он мечтал о скакуне, а получил от бая-хозяина бесхвостого конька, каких именуют обычно клячами. Кокшолак звали этого конька-горбунка, что по-русски означает Сивый-Куцый.

Байские сынки презрительно отплевывались, увидя клячу Кенена, а белозубые девушки не скупились на насмешки.

Но вот пример того, что поэзия даровитого акына рождалась самой жизнью.

Кенен сложил шуточно-сатирическую песню о своем одре, о своей кляче, о своем куцем коньке, состязаясь в острологии с байской дочерью Шалипой. Увидев торжественную ярко-красочную свадебную процессию девушек, пастух Кенен подъехал к ним на своем Кокшолаке, лишенном хвоста и гривы.

Несмотря на неприглядный вид лошаденки и своей оборванной одежды, смелый юноша навязал гордой байской дочери Шалипе шуточный айтыс-диалог, на что та грубо ответила указанием на его бедность и жалкое положение.

Подо мною меринок мой сивый,
Ни хвоста у меринка, ни гривы.
Только это, девушка, неважно —
Сам зато; я веселый и счастливый! —

звонко пропел Кенен в ответ на ее высокомерие. А на очередную насмешку байской дочери он выпалил:

«Хоть ты, байская дочь, и спесива,
В девках ходишь, потому что некрасива!
Надо мной, пастухом, не насмехайся —
И хорош и умен я на диво!»

У молодого акына хватило оптимизма, душевного здоровья, жизнелюбия, стойкости характера, чтоб смеяться и перебирать струны домбры в ответ на издевки и насмешки бездушной богачки. И не горечь, а удаль, бодрость, ирония звучали в его припеве:

Ох-ох, ох-ох,
Чтоб ты издох!
Давай, Кокшолок,
Шагай Кокшолок,
Чтоб на тебя напала
Сибирская язва!

Интересно отметить, что эти две песни — лирическая «Бозторгай» и шуточно-сатирическая «Кокшолок» популярны в народе и до сих пор, хотя сложены они Кененом более восьмидесяти лет тому назад.

В ту давнюю пору они были еще популярнее, ведь песни были злободневными, а бай Аймен и его дочка — это не выдуманные, а известные тогда в округе люди.

Вероятнее всего, в самом начале двадцатого века Кенен, сын Азербая, внутренне осознал себя акыном-профессионалом, поверил в свой песенный дар, нашел самоутверждающие слова:

Я приехал, чтобы петь, друзья, для вас,
С давних пор я гость желанный на пиру.
Перед смертью старший брат мой Сарыбас
Мне вручил, как завешание, домбру!
Высоко кружил над скалами орел,
Широка была дорога у орла...
Под шестью жердями детство я провел,
В поднебесье меня песня подняла!

Талант Кенена признала степь. И не только родная казахская, но и соседняя киргизская.

Тогда Кенену исполнилось восемнадцать лет. В Киргизии справляли ас — поминки по манапу Шабдану Жантаеву. На ас пригласили не только киргизских акынов, но и казахских — из Семиречья, с берегов Сырдарьи. Конечно, не всех, а лучших, уже известных. Наряду со знаменитым Джамбулом был приглашен и юный Кенен. Так произошла встреча — впервые и на всю жизнь — учителя с учеником. Джамбул выступал в айтысах, вышел победителем и получил премии. Но и юный Кенен выступил на асе с импровизацией «Люди, вы послушайте меня!» и получил подарок-поощрение. Так пастух превратился в акына.

Последующие пять лет (1900—1905 гг.) Кенен разъезжал по всему Семиречью и, непрерывно и упорно участь у Джамбула, покорял аулы своим песнетворческим и исполнительским мастерством. Имя его стало известно за пределами Семиречья. Знаменитый собиратель казахского музыкального фольклора А. В. Затаевич включил в свой сборник «1000 песен казахского народа», «Песню Сарыбаса» сложенную Кененом Азербаяевым. По словам Затаевича, «эту

песню передал человек, услышавший ее от известного народного певца Алма-Атинского уезда Кенена». За первое пятилетие двадцатого века Кенен, сын Азербая, сложил много песен: наиболее известными из них стали лирическая, славящая чистоту любви и верности, песня «Красавица Мартай», песни о суровой и нежной красоте родного края «Ойжайлау» и «Кзылкайнар» и гражданская, клеймящая несправедливость, песня «Жайсан».

Формирование в лице Кенена акына с универсальным талантом — явление не случайное, а вполне естественное и закономерное. Кенен родился и вырос в Джетысу (Семиречье), где были популярны и любимы целые плеяды акынов, певцов, кюйши, мастеров ораторского искусства, таких, например, как акыны Суюнбай, Бактыбай, Майкот, Кулмамбет, Джамбул, Сарыбас, кюйши Канадан, ораторы Кабан, Клышбай, Тлемис, Кебекпай, Ногайбай, Сапак, Больтрик. Здесь же блистали искусством поэтического слова акыны-девушки Айкумис, Латипа, Улбике, Альмен, Жанылдык. Сюда приезжали из Центрального Казахстана Шоже, Балуан Шолак, Асет. Кенен с детства слышал, знал этих мастеров, воспитывался на их произведениях. Ближе всех он был вначале Асету и Сарыбасу. «Песне я учился у Асета,— говорил Кенен,— стихам — у Сарыбаса». В стихотворении «Мои наставники» в 1914 году Кенен воспроизводит свое стремление служить песней народу и акынскую учебу с автобиографической точностью. Нетрудно поэтому установить существенные моменты начального этапа жизни акына: бедные родители, как и сын, обладали поэтическим и певческим талантом. Первым учителем его был знаменитый акын Сарыбас, позднее юный Кенен подражал акынам-певцам Шашубаю и Балуан Шолаку, попал под влияние могучего Токтогула и Калмырзы, особенно же он

почитал великого Джамбула, песни которого казались ему громами над степью.

В 1916 году социально созревший, узнавший историю родного народа Кенен Азербает принял активное участие в восстании семиреченских казахов, возглавляемом его земляком Али Нургожаевым и Кыргызбаем.

Кенен был не только повстанцем-сарбазом, но и певцом в стане воинов. Обнаруживая ясное политическое понимание социальных противоречий, целенаправленности классовой борьбы и стремления бедноты к освобождению от гнета белого царя и степных магнатов, Кенен сложил гневные, темпераментные, боевые песни. «Восстань!», «Шестнадцатый год», «Где ты, родной народ?», «Соловью», «Восстание шестнадцатого года». После подавления восстания Кенен не раскаялся, не капитулировал, а создал эпические революционные поэмы «Али батыр» и «Кыргызбай», героями которых стали руководители восстания.

В Семиречье свирепствовали карательные отряды, Кенену пришлось, избегая преследования, уйти за перевал в соседнюю Киргизию, где он скрывался в кибитке киргиза Масимхана, которому он посвятил песню дружеской, нежной благодарности.

В Киргизии Кенен встретился с известными акынами Токтогулом и Калмырзой. Там Кенен сложил несколько песен, отразивших чувство братства киргизского и казахского народов.

Вернувшись в родные места после победы Октябрьской революции, Кенен сразу же включился в активную общественную деятельность, участвуя в установлении и укреплении Советской власти.

В 1921 году его избрали в ревком, семь лет подряд он работал председателем аулсовета, и вместе с тем воспевал победу Октября, великого

вождя Ленина, новую народную власть Советов, свободу кедеев (бедняков), равноправие женщин, а к концу двадцатых годов всецело возвратился к своей основной — поэтически-композиторской, песенно-исполнительской — деятельности.

В советский период Кенен еще более сблизился с Джамбулом, и великан народной поэзии признал его любимым своим учеником. Конечно, Кенен много, плодотворно, упорно учился у Джамбула песнетворческому искусству, но было бы ошибочным считать Кенена подражателем, эпигоном Джамбула.

Акын Кенен Азербает — это яркая поэтическая индивидуальность, своеобразный талант, степной самоцвет.

Если Джамбул — эпичен, оркестрово-торжественен, патетичен, его гражданский пафос величав, звучит порой, как ода, его голос страстен, темпераментно-могуч, то любимый его ученик — прежде всего лиричен, до нежности мягок, голос его задушевен, согрет человеческой теплотой. Простоте, народности учился Кенен у Джамбула, и ученье пошло ему впрок. В 1936 году Кенен вместе с Джамбулом принял участие в Первой декаде казахской литературы и искусства в Москве.

Он ездил с Джамбулом в Москву, на Кавказ. Недаром одну из своих лучших поэм 88-летний акын посвятил Джамбулу, когда отмечалось 125-летие со дня его рождения. Джамбул и Кенен жили душа в душу. Хорошо сказал об этом поэт Абдильда Тажибаев, один из литературных секретарей Джамбула: «Кенен считал Джамбула не только старшим коллегой, но и наставником. Порою, когда усталый Жаке откладывал свою домбру, ее брал Кенен и продолжал петь. Он был полностью, безраздельно верен традициям Джамбула, который вдохновенно, с эпическим размахом славил нашу могучую Родину. Он не только поэт-певец, но

и жыршы-эпик. И думаю, можно с полным правом сегодня сказать, что Кенен и Джамбул — это две струны одной домбры».

Когда началась Великая Отечественная война, Кенен вместе с Джамбулом признал себя «мобилизованным и призванным». Оба они по возрасту не могли взять в руки винтовки. Но они не выпускали из рук домбр и воевали песенным словом. На фронт полетели их песни на крыльях мелодии. Кенен создал великолепные военные песни «Мы победим!», «Стих мой — пуля», «Отмщение», «Фронт силен тылом», «К 25 октября», «Акын в Москве» и многие другие.

Поэт-лирик, воспевавший жаворонков, цветущие степи, свободный труд, красоту Казахстана, вспомнив свои повстанческие песни, начал ковать железный стих по-джамбуловски страстно и гражданственно, звал воинов в бой.

Бросайтесь лавой на врага,
Подняв победные знамена.
Пусть наша твердая нога
Раздавит Гитлера колонны.
Врага, напавшего на нас,
Безжалостно уничтожайте!
Настало время — в грозный час
За строем строй, за рядом ряд,
Идите в бой, и стар и млад!

(Перевод В. Копытина)

Всю боевую страду с 1941 по 1945 год Кенен был на боевом посту. Без всякого преувеличения можно сказать, что песня его воевала, помогала ковать победу.

Гремела песня Кенена и в послевоенные годы, когда шло восстановление всего, что было разрушено гитлеровскими захватчиками. Из одного конца в другой конец страны неслись песни Кенена — «Радость народа», «Светлое лето», «Советский народ верит в свои силы», «Дорогое слово «мир», «Пшеница».

Воспевая радость мирного, восстановительного, созидательного труда, Кенен нашел простые, но проникновенные, емкие, по-человечески теплые слова:

Мастерам колхозным — почет!
На работе они весь год.
Каждый день их наполнен трудом,
Починить телегу иль плуг —
Это дело их умных рук.
Наковален несется звон,
Горы брызнут огнями вокруг,
Слава, слава вам, мастера!
Четок, весел стук топора.
Льется пенье зубастых пил,
От рубанка — стружек гора.
Труд любой мастерам с руки.
Их движения в работе легки.
Оценили искусство их
Молодые и старики.

(Перевод Н. Титова)

Празднуется День Победы — он поет о величии многонационального народа, разбившего фашистские орды. Поднимается целина — он поет о поднятой целине. Поднимается вторая целина — животноводческая, — он поет о пастухах, гуртоправах, зоотехниках, ветеринарах.

В 1959 году 75-летний акын Кенен объехал все районы Джамбулской области, посетил множество пастушеских станом и везде пел, создавал новые песни. Из этой поездки привез он замечательную новую песню о дважды Герое Социалистического Труда чабане Жазылбеке Куанышбаеве — «Батыр с двумя звездами».

Откройте однотомник Кенена Азербаетова, вышедший в 1974 году в Алма-Ате в издательстве «Жазушы».

Какое многотемье! Какая близость к народной жизни. Какая всеохватность орлиного глаза!

Кстати, о культуре Кенена. Он был членом Союза писателей СССР и заслуженным деятелем

культуры Казахстана. Он прекрасно знал казахский фольклор — устные поэмы, песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки. Он знал наизусть многие отрывки из киргизского «Манаса». Исследователи творчества Кенена записали более тысячи его песен и стихов, двадцать айтысов, около двадцати поэм, дастанов и толгау. В последнее время наибольшее распространение получило его патриотическое произведение «Казахстан». Поистине — это был человек-песня, певец гор и степей.

В июне 1974 года литературная общественность Советского Союза широко и торжественно отмечала 90-летие акына Кенена Азербаетова. Он был награжден орденом Ленина.

Присутствовавший на чествовании Кенена в его родном ауле первый секретарь правления Союза писателей СССР Г.М.Марков сказал на юбилейном собрании:

«Жизнь и творчество Кенена Азербаетова служат вдохновляющим примером для литераторов всех поколений и жанров, учат постоянно совершенствовать художественное мастерство, быть всегда в гуще народа, выражать его подлинное стремление».

Лауреат Ленинской премии киргизский писатель Чингиз Айтматов взволнованно сказал: «Многовековая дружба и братство, общность культур связывают казахский и киргизский народы. Наши республики — соседи. Киргизские поэты и писатели всегда будут помнить и повторять пламенные строфы стихов старейшины казахской поэзии».

Д.А.Кунаев прислал акыну свое личное приветствие, оглашенное на юбилейном собрании:

«ДОРОГОЙ КЕНЕН-АГА!

«От всего сердца поздравляю Вас, любимого народного акына и композитора, ученика и друга знаменитого Джамбула с юбилеем, а также с вручением Вам самой высшей награды страны — ордена Ленина.

Ваши пламенные слова широко известны не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. Они вызывают в людях глубокие чувства и размышления. В Ваших замечательных песнях, которые завоевали любовь общественности, много молодого задора и кипучей энергии. Нам всем дорого Ваше широкое по социальному охвату талантливое творчество. Потому что оно имеет глубокие корни в жизни родного народа и служит ему.

Дорогой Кенен-ага, от всего сердца желаю Вам крепкого здоровья, большого счастья и новых творческих успехов».

Убеленный сединами, уже вступив в джамбуловский возраст, Кенен-ага спокойно и мудро говорил:

Не позволяет старцем слыть
Мне прозвище «акын”.
Не позволяют юным быть
Снега моих седин,
Я стар. Нет черных волосков,
Все снегом замело.
И в бороде и у висков
Давно белым-бело.
Немало прожито мной лет
И старость — мой удел.
Но пятнышка на сердце нет —
Следов нечистых дел.

Душой я с молодыми схож.
Недаром от меня
Болезни старые и ложь
Бегут, как от огня.

(Перевод А. Брагина)

Так могут говорить только люди с чистой совестью,
только люди, бывшие с народом всю жизнь и в труде,
и в бою, и в будни, и в праздники.

Это слова человека-песни.

Мухамеджан КАРАТАЕВ

СТИХИ

ПРО МЕНЯ, КОНЯ И ТОЙ

Было отцу моему шестьдесят,
Был мой отец далеко не богат.
Юрту имел из кошмы и сундук,
Что пустотой откликался на стук.
Был еще сын у него — это я.
На смех родным и соседям семья.
«Эй, вы, сиротки! — кричали они. —
Вам, горемыкам, не скучно одним?»
Знали, что мать у меня умерла,
Знали, какой она доброй была,
Знали: другую отец не возьмет.
«Не на что брать, вот один и живет...».
Зло в его спину летел шепоток.
Только им было тогда невдомек,
Что никакие богатства земли
Женщину ту заменить не смогли б,
Что, уходя за отарой овец,
Плачет, как мальчик, седой мой отец,
Но высыхают мгновенно глаза,
Стоит погнать лишь отару назад.
Был я характером твердым в него.
Туже веревкою тощий живот
Стягивал я, когда голоден был,
Но ни куска у других не просил,
Да и в рубашке моей, что грязна,
Кто б к дастархану меня подозвал?
Правда, хозяйство имели и мы:
Шкуру овцы да рога от козы,
Медный кувшин — он был для молока.
Но молока мы не пили пока.

Шкура гремела, как жесть на ветру,
Нас поднимая с отцом поутру.
В медный кувшин мы смотрелись вдвоем,
Горько смеясь: «Ничего, проживем!»
Жили так год и еще, и опять.
Стал я, отец говорит, подрастать.
«Вот и заменишь ты скоро меня,
Что-то я начал дряхлеть и линять,—
И положил мне ладонь на плечо.
Горькие думы в глазах я прочел...
После добавил: «Послушай, сынок,
Будет единственным этот урок:
Чтобы хоть как-то поладить с судьбой,
Будет тебе нелегко, а ты — пой!
Песня дорогу тебе озарит,
С песнею будет и голод забыт,
Не постесняешься ты нищеты,
Станешь добрей и выносливей ты».
Утром один я отару погнал.
Ветхую сумку да кнут только взял:
Старый отец мой овцу потерял,
Бай уж неделю еды не давал.
«Если еще повторится беда —
Даже во сне не приснится еда!
Будете землю сырую лизать!
Крепко я вас прикажу наказать!—
Бай усмехнулся, не видно кому,
Жирной рукою откинув кошму:
Нищие, нет у них даже долгов,
А посмотрите-ка взгляд их каков!
Чем же гордиться дано бедняку?
Это понять я никак не могу!»

Пас я овец у ручья среди скал.
Черную ягоду взглядом искал.

Был я у голода в страшном плену,
Думал — до вечера не дотяну.
Вспомнил отца и тихонько запел,
Робок был первый напев мой, не смел,
Но не о хлебе рождались слова —
Первую песнь я о правде слагал:
«Как ты оставила бедный народ?
Видишь, в какой нищете он живет?
В юртах богатых пристроилась ты,
Что тебе горестный плач бедноты!»
Тонок был голос тогда, да и тих.
Тихим был голос, но яростным — стих.
И вдохновенье, коснувшись крылом.
Прошелестело: «Теперь проживем!»

Я не бежал от работы своей.
Слышал отца: «Ты себя пожалей!»
Слышать-то слышал, а делал, как знал:
К осени денег немного собрал.
Тут же отец порешил за меня:
«Надо купить хоть какого коня!
Ты посмотри-ка на ноги свои —
Вечно в занозах и ранах они.
Сын, не противься, уважь старика!»
Голос был слаб, невесома рука,
Что незаметно легла на плечо.
«Что-то ты дышишь, отец, горячо?»
«Душно, а впрочем, пора уже мне...
Хоть бы увидеть тебя на коне!»

Дали мы имя ему — Кокшолок.
Был он скорее не конь, а ишак:
Хвост — лишь намеком, без гривы совсем.
Слабый, от тихого шага потел.
Я его холил, водил за собой:

Конь — при копытах, я снова — босой!
Травами лучшими нежил коня.
Он благодарно глядел на меня.
В силу, однако, никак не вошел.
Но вдруг однажды зрачком он повел,
Вздрогнул и громко, призывно заржал:
Кто-то табун в нашу сторону гнал.
Гордая, с рыжею челкой вразлет,
Глянула, но не метнулась вперед,
«Эх, Кокшолок, ты мне лучше поверь:
Прочно от нас всюду заперта дверь!»

Сверстники были мои — на подбор:
Игры ли, скачки, обычный ли спор,
Я избегал их, позора боясь.
Но наступила пора и, стыдясь,
С сердцем стучащим вошел я в их круг,
И побледнел, оглянувшись вокруг:
Плотно в круг встали, но прочь не гоня,
Цепко держались они за коня.
«Эй, Кокшолок, говорят, ты — осел,
Где же хозяин тебя приобрел?
То-то вы долго скрывались в горах?—
Было презрение в глазах и словах.—
Эй, а на той не хотите поспеть?
Ждут вас, как самых почетных гостей!”
Время неслось, как над степью орел.
Что я успел? Лишь коня приобрел.
Юрта ветшала, отец мой старел...
Только вот бай издеваться не смел.
Знал, что конец ему скоро придет,
Видел — волнуется сильно народ,
Но, как и всякий богач — успевал.
Лучший от жизни кусок урывал.
Друг его — бай знаменитый, Бибол,

С человеком простым был особенно зол.
Так и старался унижить его,
И не жалел уж тогда ничего.
Раз объявил: «Приглашаю на той!
Будет кумыс разливаться рекой,
Режу баранов — на пять волостей,
Но ожидаю лишь знатных людей!
Тот, кто в рваньё — и не смей помышлять
Около юрты моей постоять!»
Гости, укутав подарки в шелка,
Били коней сапогами в бока:
«Эй, поспешайте, внук байский — Курмал
Нынче из мальчика юношей стал!
Надо ему поклониться успеть,
Песню хвалебную вовремя спеть.
Кто его знает, кем станет джигит,
Путь ему к власти сегодня открыт!»
Знали о тое, конечно, и мы.
Только гостями там быть не могли,
Переглянулись с отцом да и все:
Как ни старались — одеты в рваньё.
«Разве что песню о внуке сложить?
Могут поближе к себе подпустить!»
«Что ты, опомнись скорей, мой Кенен,
Гордость нести этим баям взамен
Праву — быть гостем на глупом пиру?
Я от позора такого умру!»
Ты успокойся, я вслух пошутил,
Подлым твой сын хоть когда-нибудь был?
Если ж случится — на той попаду,
Песню спою я, да только не ту!»
Ночью мне снился отчаянный сон,
Будто я все же на той приглашен,
Будто звучит, словно речка, домбра,
Девушка рядом — нежна и добра.

Девушку любит внук байский — Курмал,
Я между ними преградою встал:
Песня моя покорила ее...
«Кто же, сынок, среди ночи поет?—
Низко склонялся отец надо мной —
Завтра в горах хоть до вечера пой».
Утром веселого, доброго дня
Я к Аянбаю направил коня.
«Выручи, друг, попаси-ка овец,
Только про то, чтоб не ведал отец».
«Что ты задумал?» — мой сверстник спросил.
«После! Сегодня овец попаси!»
Ехал я степью среди ковыля,
Конь мой с опаской смотрел на меня.
Глазом косил, словно молвить хотел:
«Нет, не к добру ты, хозяин мой смел.
С этой оравой столкнуться теперь —
Что со зверьем одичалым, поверь!»
Вот и овраг, за оврагом — луга.
Там, под коврами, трава полегла.
Жарят и варят, мешают кумыс.
Я — в нетерпенье: когда же айтыс?
Первым начну — наготове слова.
Будет ли целой моя голова?
Впрочем, силен я теперь — не сомнут,
Только удался б мой правильный суд,
Чтобы запомнить мог весь этот сброд,
Что о нем думает бедный народ...
Время настало, стегнул я коня,
Вынес, хромая, на круг он меня.
Тронул я струны горячей домбры,
Что молчаливой была до поры,
Голос мой взвился, и вздрогнул Курмал —
Сердцем меня он, наверно, узнал,
И как в том сне, вдруг шагнула ко мне

Та, что прекраснее всех на земле,
Та, что считалась потерей моей:
Бай за нее обещал и коней,
Сотни овец и меха, и ковры...
Небо и солнце, о как вы добры

К любящим душам! Звени же струна!
Нынче ты правду поведать должна!
Много с тех пор убежало воды,
В прошлое тянутся все же следы.
Там еще конь мой и я — молодой,
Там со своей повстречался судьбой,
Там еще буйно растут ковыли —
В них и ржавеют оковы мои.
Песня же, что зародилась во мне,
Так и звучит на горячей струне!

1900

ПРИ ВСТРЕЧЕ С БАЛУАН ШОЛАКОМ

Я к тебе, батыр, пришел с поклоном,
Слава о тебе гремит в Сарыарке,
Молод, и горяч, и непреклонен,
О тебе я слышал вдалеке.
К славе я твоей неравнодушен,
Ты — чинара, что дает прохладу в зной,
Буду я твоим речам послушен,
Но позволь остаться мне с тобой.
К музыке душа моя стремится,
Балуан-ага¹, готов я все отдать,
Чтобы песням звонким научиться
И таким, как ты, акыном стать.
Спой твои любимые напевы,
Ведь не зря молва акына вознесла,
Ты скитался по дорогам нашим древним,
Слава же тебя обогнала.

1912

МОИ НАСТАВНИКИ

Отец слагал стихи, и мать была певица —
Я принял дар, мечтал я петь, как птица;
Я стих свой полюбил, и холил, и лелеял,
Но творчеству других не уставал дивиться.

Сарыбас акын — первейший мой наставник.
А Балуан Шолак — кумир мой давний...
При слове Шашубая дух замрет.
Я их ученьем на ноги поставлен.

¹ Ага — уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

Благоговел у жизни на пороге,
Джамбул мне встретился на жизненной дороге,
Потом киргизы: Токтогул и Калмырза —
Наставники мои — певцы, акыны-боги!

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД

Это грустный рассказ о постигшей беде,
Неуемное горе еще не забыто:
Белый царь начал бойню, надеясь везде
В рядовые набрать бедняков и забитых.

Волостные кого поставляли царю?
Не своих же сыночков, а простонародье —
Сам народ собрались подрубить на корню —
Страх стремилось посеять шакалье отродье.

Губернаторы шлют за приказом приказ,
Не скупятся жандармы на скуловороты,
Колебало устои смятение масс,
Всех стращали клинками и строили в роты.

Завязалась в узлы жизни ровная нить —
Будто степь раскололась на две половины.
Лучше биев казнить и уездных казнить,
Чем сынов отпустить на лихую чужбину.

И киргиз и казах поднялись на борьбу,
На отборных конях в глубь степи ускакали,
Взяв шокпар¹ под колено и в руки — судьбу,
Поднялись на восстание в страстном накале.

Сколько робких, насильно связав, увели.
Людам выбора нет — так и так — перебиты,

¹ Шокпар — дубинка.

И поднялся народоводитель Али¹,
Из Ысты² подоспели Максут и джигиты.

Сеча лучше кровавая рекрутских рот,
И, какое кто мог взяв оружие в руки,
Поднимались джигиты, и верил народ,
Этой битвы не выдержат царские слуги.

Вот в три тысячи войско пошло в Колкамыс —
В каждом доме солдаты с оружием — засада!
Степняки наравались и назад подались —
Снова бегством спастись — какая досада!

Отступили и, круто свернув к Балхашу,
Снова вышли к засаде, но духом не пали —
Прорвались и ушли в степи по камышу.
Скот и юрты пришельцы себе похватали.

Для степи, для аулов то страшный был год:
Сколько было смертей, нищеты, унижений.
Истребляли батыров, чтоб струсил народ.
Убивали коварством — не ждали сражений.

Сколько жизней в начале своем пресеклось!
За предательство высек Канат биев притких —
Прочесали враги наши степи насквозь
И Каната замучили страшною пыткой.

Белый царь наготовил немало оков.
То не сказка — картины в глазах будто въяве:
Колкамыс; сорок здесь полегло бедняков —
Привязали их к дереву и расстреляли.

Были тюрьмы полны. Без свиданья с родней

¹ Али — один из организаторов восстания в Семиречье.

² Ысты — название рода.

Целый год в них томились борцы за свободу.
Из России донесся к нам клич боевой
И такой, что казахи не слышали сроду:

«Смерть царю и холуйской верхушке царя!
Отберите назад все, что царь у вас отнял!»
Большевистская партия встала не зря —
Лозунг Ленина степь на борьбу снова поднял.
1916

ВОССТАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОГО ГОДА

Пришел приказ, и, слов не говоря,
И стар и млад скорбили и рыдали —
На ополченья белого царя
Велели нам, чтоб мы детей отдали.

Узнали: в Верном заарканен Сат,
Аскар и Даукен в сетях их ловлищ.
И Кошмамбет упрятан.
Бекболат
С огромным войском к нам спешит на помощь¹.

Степь известив раскатами грозы,
И Каскелен и Чемолган поднявши,
Он сжег все укрепления Самсы,
Шапыр пришел с Канышем и Сатташем.

Охваченный несчастьем Карасал,
Узун-Агач, пылавший под копытом,
Сам богатырь Максут от зла спасал,
Отряд Али был в той борьбе испытан.

Пять тысяч войско: Ыргаты, Курдай —
Пришли и Калынколь атаковали.

¹ Здесь речь идет о руководителях восстания.

Камча — оружие.
Вдруг завыла даль —
По безоружным залп из ружей дали.

Как муравьи, приспешники царя,
Заполонили вольные просторы;
Бессчетной силой враг нас покорял —
Вождей убийство прекратило споры.

Бежало войско, не сочтя утрат,
В степи конца нет горю и рыданию.
Герои Боралдай и Бекболат
Повешены,
И все —
Конец восстанью.

1916

БЕДНЫЙ МОЙ КРАЙ

Родился я в предгорьях Алатау,
Из родника я жажду утолял,
За бедный мой народ я жил, страдая,
Насилье царское сполна я испытал.

Спал на камнях, укрывшись белой льдиной.
И с птицами — друзьями говорил.
Я покидаю вас, родимые долины,
Стал этот край отныне мне не мил.

Я вытерплю, я вынесу невзгоды.
Оставив долгие, тяжелые версты.
Когда народ мой обретет свободу,
Я встрепнусь — и оживут мечты.

1916

КИРГИЗСКОМУ БРАТУ

Ел за твоим столом, немало слышал шуток.
Твоим удачам, как своим, я рад.
Был черный год —
в тот страшный промежуток
Кто приютил меня?
Киргиз — мой брат.
Мы с вами были издавна в соседях —
Нет разницы у вас, у нас в судьбе.
То вы к ним, а то мы к вам в гости едем,
То сватов шлем, то сватов ждем к себе.

Друг Масимхан герой в делах бунтарских,
То простодушен, то, как лис, хитер.
Когда прогнали прочь сатрапов царских,
Ты в честь мою в степи воздвиг шатер.
1916

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Царь с трона свергнут — кончен гнет,
Измученный царем народ
Что год из года слезы льет,
Вдруг получил свободу.
Бедняк ликует в эти дни,
Богатых бьет озноб — они
Безмерной злобою полны,
Как могут, мутят воду:
«Лишь прежней властью крепок свет,
И без царя отчизны нет!»
Кричат, боясь держать ответ,
Кричат — себе в угоду.
Шипит, как ядовитый змей,

Мулла на радостных людей,
И напоследок все сильней
Он жалит — вот порода!
А люди новой власти ждут,
Такие вести к ним идут:
Напрасно баи хитро лгут.
Пришла пора восхода!
Скорей, скорей врага разбить!
Тогда все будут лучше жить,
Лишь только надо поспешить
Помочь всему народу!
Так — Бокин в городе сказал.
Сам Ленин путь нам указал!
Объединиться наказал
Навеки — не на годы.
Октябрь прочно победил
Всю бедноту освободил
И, набираясь новых сил,
Горит огонь свободы.

1918

ИЗБРАЛИ В РЕВКОМ!

Наконец-то распрощался
Я с невежеством своим.
Горьких дум, терзаний тяжких
Навсегда растаял дым.
На виду я у народа
И у партии родной.
С ними связан я делами
И счастливою судьбой.
Избран я в ревком Курдая!
Мог ли я мечтать о том?
Мне дорогу уступает
Бай в смирении тупом,

Все, кто недругами были,
Ростом стали меньше враз.
От земли колючих глаз
Не поднимают — поостыли.
Только я уж — не слепой:
Я их, лживых, нынче знаю,
Ненавидя, объявляю
Им последний, грозный бой!

1921

КРАСНОРЕЧИВЫЙ ЯЗЫК

Душа крылата — я красноречив!
Слова бегут, как чистые ключи,
Как конской гривы черные лучи —
Всех обошел в байге мой конь крылатый.

Сочатся медом смелые уста —
Так речь моя затейливо-проста.
Когда пою — бездельник и уста¹
Внимают мне, домбре моей послушной.

Я смолоду люблю веселый пир,
Хоть бедняком пришел я в этот мир,
Но воспоет мой вдохновенный жыр² —
Пока есть ум и сердце — день грядущий!

Надежда — лани ветреной под стать:
То близко подойдет, то не догнать,
Но пусть, как возбужденный конь, опять
Я не устану в песенном забеге.

¹ Уста — мастер

² Жыр — форма стиха в казахской народной эпической поэзии

Я слово, как тулпара¹, подковал,
Я красноречья обновил запал —
И новым смыслом стих мой засиял,
Покрытый прежде ржавчиной унынья.

Настало время слову и судьбе!
Я долго песню сдерживал в себе.
Мы утро счастья добыли в борьбе —
Так пусть забьет источник красноречья!
1921

ДОМБРА

Я никогда не расстаюсь с домброю
И без нее не запеваю слов.
Всего-то: гриф, одиннадцать ладов
Да две струны, захваченных игрою,
А запою — касаюсь облаков!
Она была мне смолоду подруга,
И я не мыслю жизни без домбры.
Когда пою — волнуются миры
И кличут воды светлые друг друга,
Проснувшись в недрах каменной горы.
Когда пою — летит скакун тулпаром.
Кто может быть надежнее в пути?
Догнать врага, от недруга уйти
Помогут мне домбра и конь — недаром
В опасный миг их нрав неукротим.
1925

¹ Тулпар — сказочный крылатый конь.

ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЬСКОМУ ПРАЗДНИКУ

На праздник кто пришел?
Послушай — станет ясно:
Чабан поет про скот,
Про пастбище, приплод.
Доярки — про коров,
Про молоко и масло,
А косари про то,
Какой удачный год.
Спел хлебороб про хлеб,
Охотник — про добычу.
Кто что принес стране,
Про то и песню спел.
За первых десять лет
Вошло у нас в обычай —
И в праздник не забыть
Своих насущных дел.
Пусть Родина цветет
И делается краше.
Приносим дело рук,
Победе посвятив.
Что я дарю стране? —
Гимн о победе нашей,
И вдохновение,
И пламенный мотив.

1927

БАЗАР И НАЗАР

Кричит и стонет белая коза
И молоко ее в песок струится.
Один огонь сжигает нам ресницы —
Услышь, Аллах, печальных голоса!

Два сына — два козленка, больше нет,
Им не услышать ни мольбы, ни крика.
Раздуй огонь у юрты, горемыка,
Быть может, новый сын придет на свет.

Уходит дальше род Матибулак.
Как долго братьям ссориться жестоко?
Не уберечь от гибельного рока
Моих детей — их забирает мрак.

Уходит дальше род Матибулак.
Под чапаном моим гуляет ветер.
Теперь я понял, что такое дети,—
Стою один, как пустотелый знак.

Дитя для человека — словно мед.
Как сладок лепет малого ребенка!
На шее виснет и смеется тонко,
Когда усталость или зло берет.
Один, как перст...
Истосковался я...
Зову Базара и зову Назара —
Но только ветер над дорогой старой
Шевелит стебли мертвого былья.

Прильнули дети к маткам молодым.
Вокруг овечек бегают ягнятки.

Умильны козы. В шумном беспорядке
Козлята мчат за катышем сухим.

Пасутся жеребята, гомоня.
Пирует жизнь, но я один на пире.
Не причинял я зла живущим в мире,
За что, Аллах, ты покарал меня?

Пушисты верблюжата, в их глазах
Дрожит слеза, как прежде у Базара.
За что, Аллах, ниспослана мне кара?
Ты дал детей, ты отнял их, Аллах!

Пирует жизнь.
К травинке льнет трава.
Окружены потомством все на свете,
А мне в ответ шумит и плачет ветер.
Один, как перст,— жестокие слова.

Коль нет верблюда — не кочует род.
Мой краткий век уходит круг за кругом.
Во мрак уходят дети друг за другом —
Из рук ослабших кто домбру возьмет?

Один, как перст...
Не теплится очаг.
Шевелит ветер мертвые соцветья.
Плохой ни с кем не мирится на свете.
Загнать коня способен и добряк.

Но мне казалось: под ногой не прах —
Уснули дети и проснутся скоро.
Три дня с могилы не сводил я взора
И поправлял им землю в головах.

Пора поставить над могилой крышу...
Кусает привязь пятилетний конь.
Рыдает мать, прижав к глазам ладонь.
Молчит отец — он вечный ветер слышит.

КАК БУДТО АЛАТАУ С НЕБОМ ГОВОРИТ

Как будто Алатау с небом говорит
И простирает руки к синеве,
Где звезд огонь негаснувший горит.
И Млечный Путь мерцает в тишине.

И солнце и луна в пути не раз
Здесь делали короткий свой привал,
Овеянный легендами Кавказ
Издалека вершинами кивал.

Потоки вод бегут с высоких гор,
Бегут в сады, колхозные поля,
С восторгом вырываясь на простор,
И расцветает щедрая земля.

Клубника и смородина цветут,
И яблони в Кульдже ласкают взор,
И травы в мае густо прорастут,
Как дорогой чапан на спинах гор.

Ты возвышаешься над нами, как батыр,
И охраняешь труд наш и покой,
Да будет вечно нам желанный мир
Вершинами над нашей головой.

Охотникам раздолье здесь всегда,
Богаты дичью дикие леса,
Туда с любовью смотрят города,
Где звон ручьев и пташек голоса.

Джигиты скачут по тропам крутым...
О, как акыну не воспеть свой край,
Который вечно будет молодым,
И на земле его ликует май.

Как не воспеть любимый Казахстан
И степи древние моей Сарыарки,
Где песни новые поет чабан,
Которые, как море, широки.

Здесь гений Ленина всю жизнь преобразил,
И по иным законам степь живет,
Судьбу, как песню новую, сложил,
Сил не жалея, трудовой народ.

Кенен судьбу свою счастливую поет,
Не расставаясь с верною домброй,
К большим высотам жизнь меня зовет,
Что плещет, словно пламенный прибой.

И песня полетит из края в край,
Минует Сулутор, Балхаш, Арал...
То дар мой, Алатау, — принимай,
Седобородый мудрый аксакал!

Ты с небом затевал извечный спор,
В стремление ввысь, не ведая границ,
На вечный пьедестал, на пики гор,
Садятся тучи, словно стаи птиц.

В твоём величье скрыта простота.
Природы мудрой изначальный лик.
Для всех твоя доступна высота,
Кто духом и отвагою велик.

1929

МОЙ СТАЛЬНОКОПЫТНЫЙ ТУЛПАР

Эта песня железной дороге поется.
Ах, тулпар, ты откуда примчался сюда?
Через реки, овраги, как птица несется.
Что там птицы? — Устанут, а он — никогда!

Все дрожит — мчится конь мой, огонь поедая.
Есть глаза — освещает дорогу, как днем.
Замечательный грохот и песнь молодая,
Будто все мы там едем и разом поем.

Можно целый район рассадить по вагонам,
Можно корм сэкономить на стольких конях,
Можно, так разогнавшись, нестись без обгона,
Можно мир занять в самых близких друзьях.

Всех состав понесет! Вот железная лошадь!
Путешествуй в распутицу, летом, зимой.
Мы теперь поглядим новой жизни хорошей —
Эй, потомки!
К нам чудо явилось домой!

1929

КАЗАХСТАН

Мой край краснознаменный величав,
Нас партия ведет и вдохновляет —
Социализм, что в битве побеждает
Перед историей особой правдой прав.
Старик и юноша — все волю обрели,
Равны и счастливы советские народы,

Ведь лозунг — Братство! Счастье! Мир! Свобода!
Стал явью на одной шестой земли.
Блестит над нами утро Октября —
Народ владеет сам своей судьбою,
Мечты уносят в небо голубое,
Не угасает алая заря.

Алма-Ата — прозрачный изумруд.
Под знаменем марксизма-ленинизма
Торопим наступление коммунизма —
По силам все, когда свободен труд.

1930

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПЕСНИ

Пришел в края родные май,
И на душе моей легко,
Под шумный гомон птичьих стай
Взлетай же, песня, высоко.

Ростки от стужи сберегла
Земля, проснувшись по весне,
Зазеленела, ожила,
Забыв о долгом зимнем сне.

И птицы радостно поют,
Весны не молкнут голоса,
Ручьи веселые бегут,
Шумят зеленые леса.

Отары бродят по степи,
Небес легка голубизна,
Природа юная не спит,
Ей в эту пору не до сна.

Спугнув лучом ночную тень,
Спешит нас солнышко согреть...
Да будет вечно майский день
Над новым веком пламенеть.

ЧЕТЫРЕ ПОРЫ

Женщину в юные годы милой девчонкой зовут,
Вместе с мальчишками в детстве вольно девчонки
растут.

Время настанет — накинута на косы платок
расставания,
И у родни при разлуке слезы ручьем потекут.

В тридцать она молодухой людям на диво цветет,
Этот особенный возраст терпок, как зреющий
плод.

Сорокалетнею стала — значит, дородной,
степенной.
Всюду такую при встрече ждет уваженье, почет.

Под пятьдесят их в народе «тетками» кличут
порой,
А уж потом, как известно, старость не за горой.

Женщиной будь иль мужчиной — ты в свой черед
не минуешь
Эти четыре поры перед встречей с сырою землей.

Возраста эти четыре — суть и основа земли.
Способа нету на свете, чтоб избежать их смогли.
Всякая жизнь, что во чреве зарождена материнском,
Принята будет землей. А иначе где все, что ушли?

1934

ВЫРОС МОЙ КРАЙ

Раскинулась степь, как большой дастархан,
В зеленый одевшись наряд,
Расцвел ты сегодня, родной Казахстан,
Безмерно этому я рад.

Полна вдохновения песня моя,
Я петь теперь не устаю.
Мы все здесь живем, как большая семья,
В большом и счастливом краю.
Десятки толгау¹ теснятся в груди,
Но прошлое я не забыл,
Счастливая жизнь меня ждет впереди,
А раньше бескрылым я был.
Теперь же о Ленине сердце поет,
И песня моя на века,
О том, что нам силу и веру дает
Жизнь стойкого большевика.

Давайте же вместе мы песню споем,
Настрою я нынче домбру,

¹ Толгау — поэтическое размышление по определенному поводу.

О том, как мы трудимся, дружно живем,
Сердца открывая добру.

Струны всего две, но мелодий не счесть,
Пою о тебе, мой народ,
И все, что прибудет, что было и есть.
Вовеки с тобою живет.

Ты вырос, мой край, и кругом благодать,
И мне в эту ночь не уснуть,
Уже и сегодня тебя не узнать —
Я в завтра хочу заглянуть.

1935

ПРОЕКТУ КОНСТИТУЦИИ

Мир, ты увидел наш новый Закон.
Он Октябрем красноезвездным рожден.
Он, словно Солнце, весь мир озаряет,
Всю согревает Вселенную он.
Утро сияет в Отчизне моей,
Дело любое — для блага людей.
Каждый народ этим радостным утром
Стал и трудиться, и жить веселей.
Празднично весел весь край мой родной,
Песни слышны надо всею страной.
Мы благодарны за счастье и радость
Тем, кто нам создал Закон золотой.
Как исторически важен для нас
Новый Закон! Им трудящийся класс
Капитализму преграду поставил.
Сбить нас с пути не удастся сейчас!
Крепнет культура и знание растет,
С ними искусство стремится в полет.
Старый уклад подрубили под корень,
Ожил и встал богатырь — мой народ!

Верим мы партии нашей родной,
С нею готовы на труд и на бой.
Партии, созданной Лениным мудрым,
Мы благодарны за век золотой.
Партия, славься! На верном пути
С новым Законом мы будем расти.
Наше вчера так несхоже с сегодня,
Завтра, как солнце, встает впереди!

1936

СВЕТ ИДЕЙ ЛЕНИНА

Коль так я напишу — понравится ли вам?
Коль так напишу — понравится ли вам?
С чем мне сравнить Вождя, чтоб было справедливо?
Быть может, с Солнцем, что сияет нам?
Но разве можно у Луны спросить
Или у Солнца — как народу жить?
Но разве могут и Луна, и Солнце
Людей по-ленински объединить?
Луна — лишь зеркало на небесах,
Сияющее в солнечных лучах.
И зеркала вполне с лунной сравнимы:
Свет так же отражен и в зеркалах.
И, если приглядеться,— Солнца свет
Не одинаково всех греет, нет!
Ты видишь на вершинах Алатау
Не тает снег, хоть, кажется, согрет.
А приглядишь-ка ночью — дашь ответ:
Не все ведь освещает лунный свет.
И ни Луне, ни Солнцу, ни Венере
С Вождем народов не сравниться, нет!
Свет ленинских идей приносит счастье нам,
И расцветает мир навстречу их лучам.

1937

ВПЕРВЫЕ В САМОЛЕТЕ

Из Алма-Аты в Караганду
Самолетом путь у нас намечен —
На аэродром пришли под вечер.
Как узнать хочу я высоту!
Мы по полю твердому идем,
Нас встречает белокрылый сокол —
В ясном небе, голубом, высоком
Полетим на соколе своем.
Путь намечен и теперь вперед!
Этих птиц в каких вскормили гнездах?
Вот он, величавый, красноезвездный,
В нетерпенье рокот издает.
Так сверкнули очи у него,
Будто его именем назвали,
Будто томагу¹ с него сорвали.
Он поднялся резко, высоко.
Кто такую мощь соорудил —
Фантазер с невиданным размахом.
Сердце замирает не от страха,
А от дерзости и ошущенья сил.
Над столицей журавлиный круг
Завершил и сделал круг пошире —
Улицы столицы, точно жилы,
Промелькнули и пропали вдруг.
Все мелькает — вниз хоть не гляди,
Мельтешит горбами Алатау,
Весь навьючен снежными пластами,
Отстает... Остался позади.
Сосны, ели нам смотрели вслед,
Облака отстали и застыли,
И картины нам навстречу плыли,

¹ Томага — колпачок, надеваемый на голову ловчей птицы.

Красочней и радостнее нет.
Вижу разом мой Курдай, Коргас,
Вот Шокпар — там троп знакомых сотня.
Пашня сверху, что твой конский потник —
Красота — не отрываю глаз.
Там отару гонят пастухи,
Места вдоволь, чтоб дышалось вольно,
Корма для всего скота довольно —
И об этом сочиню стихи.
Травы разметались, как усы.
Есть простор, где полю разместиться.
Ну спасибо, сказочная птица,—
Век не видел я такой красы.
Там внизу извилины Или —
Дальше Таукумы покраснели —
Степь желтеет — осень в самом деле,
Клин гусей виднеется вдали.

Мы летим, как быстrokрылый стриж,—
Ветер отстает — не поспевает,
Только радость в небе обгоняет,
Понизу плывут покой и тишь.

Солнце степь обходит, точно страж —
Сколько рек выходит к нам навстречу —
Милое, родное Семиречье,
Реки все твои бегут в Балхаш.

Проплываем и над Балхашом.
Белых волн спешит за гребнем гребень.
Корабли — в воде, корабль — в небе —
В крепкой дружбе жить им хорошо.

Ради дружбы мы летим туда,
К озеру. На берегу есть город,

Как смыкаются с равниной горы,
Здесь сдружились суша и вода.

Быть не может, только два часа
Мы по небу в соколе летели,
Неужели вправду одолели
Триста верст? И верно! Чудеса!

Поклонились городу и в путь —
Ждет Караганда за перевалом.
Облака под нами мутным валом
Еле успевают промелькнуть.

Хочешь — сядешь, хочешь — полежишь;
И запел я о законе новом;
Промелькнула молнией за словом
Не напрасно прожитая жизнь.

Мы гордимся, Родина, тобой,
Чистым небом и полетом скорым,
Вот, перелетев Бектау-горы,
Терриконы видим под собой.

1937

БАЛХАШ

Светла, как хрусталь, Балхаша голубая вода
И сети рыбачьи готова наполнить всегда.
Но озеро слыло всегда у народа дурным,
Откуда воды и собака не пьет никогда.
Теперь удивлять перестали сазан и налим.

Здесь город чудесный построен, в нем — шум
заводской,
А прежде лишь птицы мелькали над сизой водой,
И берег тянулся, назойливым зноем палим.
Без пользы лежал, выгорая, поблеклый простор,
Лягушки лишь жили, пустынности наперекор.
Теперь мой народ пробудил эту мрачную степь,
О рудах подземных с ней начал решительный
спор.

И стал он пески вековые бурить и копать,
И вот Коунрад стал нам чистую медь отдавать.
Не гуси, не лебеди плавают по Балхашу —
Теперь пароходы взрезают озерную гладь.
Я грудь материнскую рано оставил, дружок,
Хоть знал: мои крылья слабы, ну а путь мой далек.
Великий Октябрь дал и крыльям, и голосу мощь
Народу пою я и знаю — удел мой высок.

1937

КОГДА ПРИЕДЕТ ДЖАМБУЛ?

Прими, Джамбул-ата, горячий мой салем.
Успех твой, слава, песни дороги нам всем.
По смеху твоему мы все истосковались.
Твой младший брат Кенен заждался здесь совсем.
Когда-то из Москвы приедет мой ата?
Я рядом быть хочу, тебя беречь всегда.
Ты помнишь майский той? С тех пор я
расхворался

И не был у тебя как будто бы года!
Я с орденом тебя поздравить очень рад.
Ты знаменит, ата достоин всех наград.
Народ тебя своим акыном почитает,
Среди его певцов ты занял первый ряд.
Я жду тебя, Джамбул, старейшина певцов.
Я каждый час и миг встречать тебя готов.
Весь Казахстан наш многомиллионный
Ждет своего певца, как дети ждут отцов.
Мы видели тебя в газетах, наш ата.
Хранится у меня теперь газета та.
К груди твоей Калинин орден прикрепляет —
А ты стоишь спокойный, как всегда.
О старый, чтимый наш, прославленный певец!
Как много приобрел ты преданных сердец!
И сколько же эпох за жизнь свою большую
Вместил в себя Джамбул, наставник и певец!

1938

К ЮБИЛЕЮ ШОТА РУСТАВЕЛИ

Родился в Грузии
Великий Руставели,
Чей пламень сердца
Не погас в веках,
Волшебной музыкой
Волнующей свирели
Звучали его песни
На устах.
Возвысил песнь
Великий Руставели,
Он поднял ее
Выше гордых гор,
Ветрами буйными
Они в веках шумели,
Владыки мира
Усмиряли взор.
Народа скорбный глас
В его сказанье,
Из благородного металла
Стих отлит...
Поэт, что жил
В век горя и страданья,
С потомками
Сегодня говорит.

Катится в гнездо свое светило,
Но в земле таится серебро,
Если песнь народу полюбилась,
Значит, есть в ней сила и добро.
Если месяц скрылся с небосвода —

Золото осталось на земле,
Песня, обращенная к народу,
Светит ярким пламенем во мгле.
Пусть Венера сходит с небосклона,
Если песнь не по сердцу жырыш¹,
Он ее вовеки не исполнит,
Как ее слова ни хороши.

Но стихи великого поэта,
Что родник, открытый в недрах гор,
Он несет с собой потоки света,
Он живет и дышит до сих пор.

Как алмаз, сверкающие строки,
Пыль столетий не запорошит,
В них — сегодняшней поэзии истоки,
Даль седая их не заглушит.

Ты для нас — батыр в тигровой шкуре,
Витязь среди героев удалых,
Смотришь исподлобья, брови хмурия,
На князей — сородичей своих.

Смел, отважен, ты не знаешь страха,
Словом ты сражался против зла,
Твой дастан, дошедший до казахов,
Семь веков земля в руках несла.

Песни твои звучные, крылаты,
Облетели реки и моря,
Родина, что ты воспел когда-то,
Расцвела под сенью Октября.

¹ Жырыш — исполнитель казахских народных песен и песен, сочиненных акынами

Ты родился в дни людской печали,
Беспробуден был столетний мрак,
А сегодня — мы тебя встречаем,
Песню о тебе поет казах.
Память о тебе жива вовеки —
Собрались мы все на торжество
Вспомнить о великом человеке,
Поклониться гению его.
Родине ты был великим сыном,
Ты в поэзии — выигрывал кокпар,
Так прими признание акына
И терме его — как скромный дар,

1938

ГОВОРИ, ЯЗЫК!

Язык надежней телеграммы,
Слух в степь любую донесет.
И воду рассечет, и камень,
И оживит он, и убьет.
Но мой язык — будь только добрым!
Служи народу моему,
Служи, хоть коротко, хоть долго,
Но — справедливому перу.
Не испугавшись ни на малость,
Не трепеща — громи врага,
Чтоб в отдаленные века
Хоть эхо от тебя осталось!

1938

ПИСЬМО НА КАМНЕ

Шесть лун прошли
По кромке диких скал,
Высвечивая камень у пещеры,
Где те слова отчаянья и веры,
Которые Али-батыр слагал:
«Оставил я любимую свою,
Оставил сына, нет ему опоры,
А с братьями своими свижусь скоро:
В неравном мне не устоять бою.
Пока хожу, как ходит в клетке лев,
Крик эхом в сердце отдает и ранит.
Не жаль мне жизни,
Что уйдет так рано,
Жаль, что уйдет не на глазах у всех.
За что погибну? Чтобы уберечь
Народ и сына, и улыбку милой,
И степь мою — весенней и счастливой.
О, новый день, вложи мне в руки меч!»

1939

МЫСЛИ, РОЖДЕННЫЕ НА ВЫСТАВКЕ

Много пословиц осталось у нас —
Издревле их бережем про запас:
«Глаз не устанет смотреть»,
«Огонь не устанет гореть»,
«Ухо людское без усталости слышит»,
«Рвется в низину родник с высоты».
Все это древнею тайною дышит —
Истины вечные вечно просты.

Нет у простого нехитрой разгадки.
Жизнь продолжается — есть подтверждение,
Речи, бегущие с гор в беспорядке,
Вместе слились — вот и моря рожденье.
Прежде прозрачной водой родника
Русло свое заполняет река.
В новое время, счастливое время,
В мире свои появились законы.
Камень и тот, будто сбросивший бремя,
Катится в гору дорогой знакомой.
Раньше судьба — за ударом удар,
Нынче судьба, как награда и дар.
Рудные горы — народное благо,
Отнято было — вернулось сторицей.
Кляча, забытая ночью в овраге,
Утром вернулась лихой кобылицей.
Жалко ягненка пропавшего нам,
Утром — готово — приходит баран.
В том волшебство нашей нынешней жизни —
Мчатся экспрессы со скоростью жуткой —
Сто дней пути, чтоб объехать отчизну,
Раньше я тратил, а нынче — за сутки.
Белые в небе летят корабли,
Мигом они облетят полземли.
Горы мои, и озера, и чайки,
Люди достойны, пшеница родится.
Выставку я постигаю очами —
Все это наше, чем нужно гордиться.
Силы в себе ощущаю так жить,
Новые песни и кюи сложить.
Как на картине, в степях моих травы,
Песней к искусству я тоже причастен.
Вот как глаза насыщаются правдой,
Вот как душа наполняется счастьем.
В прошлые годы ни где-то, ни здесь

Мне не встречалось подобных чудес.
Благо — держащему молот и серп!
Благо — хлебам, украшающим герб!
Благо — ключам нашим медоточивым!
Благо — ораторам красноречивым!
Благо — сапожнику с шилом в руках!
И ремеслу, что осталось в веках!
Благо художникам! Благо творцам!
Благо увидевшим счастье отцам!
Благо строителям благородным!
Благо борцам и героям народным.
Не пожалевшим для родины сил!
Благо народ на земле сотворил!

1939

ДОМБРА И ПОЭТ

Любил я в юности мечтать,
На тоях пропадал.
Пускай дырявым был чапан¹,
Пускай мой конь хромал.
Издевок я не мог прощать
Ровесникам своим,
Как забияка, в драку лез,
Хотя был худ и мал.
Я рано песни полюбил,
С тобой дружил, домбра!
Но вдруг подумалось — пора,
Расстаться нам пора!
Пришли болезни, я ворчу,
Не хочется мне петь:
Ворчанью песня не сестра,
Хворобам не сестра.

¹ Чапан — стеганный халат.

Но слышу, белая домбра
Мне говорит в ответ:
«По жизни вместе мы идем
С одиннадцати лет.
С твоих одиннадцати лет
Подруга я твоя,
Мы связаны одной судьбой —
Домбра и ты, поэт».

1940

ГОЛУБЬ

Я с детства люблю голубей:
Пестра быстроскрылая стая.
И небо от них голубей,
И звончайей крыша крутая!

В январскую стужу и в зной
Парят над пастушеским станом.
Они неизменно со мной,
И я их водить не устану.

Им строит жилье ребятня.
Гудит голубятня, как улей.
И нравится воркотня
Седым аксакалам в ауле.

Вот выпорхнул белый птенец
Из рук моих, взвился высоко.
За мыслью, сокрытой от ока,
Летит мой пернатый гонец!

1940

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Беру домбру в порыве вдохновенья.
О ком я первый поведу рассказ?
О Горьком.
Он как будто среди нас —
Наш Буревестник вечен — нет сомненья.

Он бурю звал и ждал душой бунтарской,
Он образцом был высшей доброты,
Как сизый сокол видит с высоты,
Нас видит Горький — гений пролетарский.
Пред власть имущими не падал на колени,
Всем сердцем презирал буржуйских слуг.
Врагам он — смерть,
Народу — первый друг,
А первый друг его — великий Ленин.

Он — аргатак, влетевший в бурю боя,
И слава Горького вовеки не умрет.
Про славу Горького в степи Кенен поет,
Ведь мы — певцы, идем его тропюю.
Кто взял перо, домбру,
Ему петь гимны должен.
Слова и слава Горького живут.
Народу посвятил он жизни труд —
Потомки песнь подхватят и продолжат.
Беру домбру в порыве вдохновенья...

1940

МОЕМУ КРАСНОЗНАМЕННОМУ КОЛХОЗУ

Краснознаменным сделался колхоз.
Вот знамя — золотятся серп и молот.
В соревнованье мой колхоз подрос —
Седой старик и тот сегодня молод.
Конечно, нам с полями повезло —
Четыре речки землю увлажняют —
Земля такая засухе назло
За год один родит два урожая.
Еще вручают в двадцать тысяч призов —
Даем продукцию повышенного спроса —
Мы самый лучший вырастили рис.
Пшеницу и ячмень, и рожь, и просо.
Сажу в президиуме — мыслью в облаках
От гордости за свой колхоз и дело.
Едва держусь, чтоб не запеть в стихах.
Что радость душу, как струну, задела.
Что достижения наши — не предел —
На наше знамя мы не бросим тени,
Колхозникам еще немало дел —
Пусть все колхозы так же богатеют.

1941

ЧЕСТЬ ДОБЫВАЮТ ТРУДОМ

Акыну песня ближе скучных слов,
Как рыбам — речка, рыбаку — улов.
Вот так и труд — он честных в путь зовет,
Как сыновей — любимый отчий кров.

Пчела, по капле собирая мед,
Вернувшись в улей, трутня не поймет.
Так человек, добывший честь трудом,
Ленивого родным не назовет.
Народу своему я говорю:
За честный труд тебя благодарю.

1941

СЛОВО К ЮНЫМ

Джигиты, девушки, я к вам
Сегодня слово обращаю:
Зима, смотрите, нынче злая —
Раздолье выюгам и снегам,
А на фронтах идут бои,
Отцы и братья там, в окопах,
Они с врагом там бьются, чтобы
Мы жить по-прежнему смогли.
И потому прошу я вас:
Вы, черноокие, успеите
В свободный от работы час
Намыть верблюжьей желтой шерсти,
Взять спицы, и из ваших рук
Тепло в их руки перельется,
Врагу же — пульей отзовется
Забота ласковых подруг.
Джигиты, соберите вы
Побольше полушубков мягких,
Несите легкие пимы,
Несите и ушанки-шапки,
Несите то, что у вас есть.
Отправим все на фронт скорее,
И станет воин наш сильнее,
А враг убавит свою спесь.
Он в наших пропадет снегах,

Он в них найдет свою могилу.
Недолго, точно рябчик хилый,
Над полем будет он петлять,
Чтоб там остаться навсегда:
Наш воин — в небе гордый сокол
В полете крепком и высоком
Настигнет и сразит врага.

1941

ОТМЩЕНИЕ

Столица Родины Москва,
Вся жизнь сейчас тобой жива,
С тобою старики и дети,
Идея Гитлера мертва.
Кто из-под черного крыла
Бомбил святые купола,
Тот красной ратью вспять отброшен
Вперед нас партия вела!
Горит огонь в ее груди,
Ее завет: «Вперед иди”.
Джигиту не бывать батыром,
Коль он не будет впереди!
Конь одолеет дальний путь,
Когда в нем аргамака суть.
Тот на земле герой, кто сможет
Врага в бараний рог согнуть.
Взять стен Москвы фашист не смог,
Бандит пустился наутек,
У стен бессмертных Ленинграда
Он новый получил урок.
Из-под Калинина бежал
Трусливый бешеный шакал,
Тряслись от ужаса поджилки
И зуб на зуб не попадал.

Рать красных соколов, смелей
Гони фашистских палачей,
Пусть льется черною рекою
Кровь бесноватых сволочей!
Пусть враг, тесним со всех сторон,
Забудет про покой и сон,
Пусть будет сонм поганых полчищ
В земле навеки погребен.
Тесните кровопийц, сыны,
Отныне дни их сочтены —
Да приведет их к поражению
Святая месть моей страны!

1942

ЧЕТЫРЕМ ГЕРОЯМ

Зимой приходит к соколу азарт —
Ударом клюва рассекает камень.
Освободишь от колпачка глаза —
И он уже парит под облаками!

Тогда трясутся в дебрях кабаны
И вороны с могил слетают в страхе,
Зато невинной радости полны
Под стрехами зимующие птицы.

Вот так же стая красных соколят
Сразилась в небе с недругом жестоким.
Летит на землю смертоносный град,
Бушует ливень огненным потоком.

Азарт приходит к соколу зимой!
Черна равнина от огня и чада,
Где снег лежал, где мирный был покой...
Беги, стервятник, нет тебе пощады!
У соколов на поясе — клинки.

Лихие скакуны под ними пляшут,
Несут им хлеб степные ходоки,
Им женщины одежду шьют и вяжут.
Сама земля им силы придает,
И потому бежит кичливый ворог.
Завидя в небе сокола полет,
Дрожит кабан, дрожит могильный ворон.
И деды наши славились в боях.
Когда, прищурясь, выпускали стрелы,
Когда с соилом¹ мчались на конях
И от огня огнем играло стремя.
Батыр Абдиров и батыр Малик,
Вы славу дедов подняли, как знамя.
Свободный край, врагов предсмертный крик,
Победный клич за вашими плечами.
И Бауыржан, и храбрый Толеген
В бою, подобно соколам, азартны.
С полей войны шагнули в мир легенд,
К ногам повергнув черные штандарты.
Сходились насмерть с яростным врагом
Четыре бури, четверо батыров,
И ослепляли хищника копьем,
И за седлом тащили по такырам.

Лежи в пыли, оскалившийся зверь!
Победой правой кончится та битва.
За слезы женщин, за беду потерь
Поднял Панфилов соколов на битву.

И каждый — стоит тысячи бойцов!
Молва о вас переживет столетья.
Сдается враг под яростным свинцом,
Который хлещет богатырской плетью!

1942

¹ Соил — легкая дубинка.

РОДНИК

Рассыпая льдинки-искры,
У высоких скал возник
Звонкий,
 быстрый,
 серебристый

В белой кипени родник,
На кустарники, на травы,
Взяв разбег, летит с горы.
Расшумевшись, как орава
Неумной детворы.
Белоцветья вдоль течения
Пригибаются к земле —
Так невесты от смущенья
Наклоняют саукеле¹.
И тюльпан, долин красавиц
(Он по-девичьи несмел),
Как застенчивый румянец,
В буйных травах заалел.
А родник смущает, дразнит
И с улыбкой озорной
Приглашает нас на праздник,
На весенний праздник — той.
Но внезапно затихает
Говорливая волна,
Но внезапно наступает
Перед утром тишина.

До свиданья, снег и ели,
Звезды льдистые ночей.
Пролетев через ущелье,
Успокоился ручей.

¹ Саукеле — головной убор невесты.

Успокоился, и клекот
Мягким шепотом сменил.
Стал рекою неширокой,
Луч рассветный отразил...

...Тайну песни соловьиной.
Плеск волны и первый цвет, —
Все приметил взор акына,
Взор влюбленного в рассвет.

1942

ПИСЬМО НА ФРОНТ

С высоких джайляу Курдая
Акына вы слышите голос.
На подвиг я вас вдохновляю:
Да будьте вы стойки, как горы!
Во имя победы великой
Себя не жалейте, казахи!
Отчизну от бед защитите.
Летите, батыры, на запад!
Поможем вам хлебом и мясом.
Накормим, напоим, оденем.
Да будет ваш путь безопасен,
Да будет ваш подвиг священен!
Вы слышите голос Кенена.
Тоской сведены мои скулы...
Скорей возвращайтесь в аулы!

1943

ВОТ В ЧЕМ ЧИСТОТА!

В чем, ты спросишь, чистота?
Будет речь моя проста.
Мало быть в одежде чистой,
В чистом сердце — красота.
Знает чистый сердцем: срам
Лезть в общественный карман,
Чистота, как свет, прекрасна!
Этот свет нам с детства дан.
Красота — она в труде,
Не воруй, не лги нигде.
Знай — у общества воруя,
Ты вор�ешь у людей!
Подлые привычки брось.
В мире человек не гость.
Только с чистым сердцем люди
Никогда не будут врозь.
Достояние страны,
Как свое добро, храни.
Если будешь чист душою —
Станут все тебе верны.
Не застанет враг врасплох,
Если ты не одинок.
Честным будь с врагом и с другом
Вот в чем чистота, сынок.

1943

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ДЖАМБУЛУ

Твои года чуть-чуть не дотянули до ста,
Сразила пуля сына Алгада.
Скорбь распростерлась за верстой верста,
Над нею властью мы не обладаем.

Но человек сильнее всех невзгод.
Вставай акын! Словами боль поборем!
Сражайся песней! Нет акыну льгот
Предаться скорби и молчать от горя.

Как много мы теряем сыновей
В необратимой и всемирной сече —
Утешь миллионы, гордый соловей,
Твой голос — бомба в битве с бессердечьем.

Я соболезовать приехал и скорбеть.
Конь нерасседанный ждет сына под горою,
Жаль, песен Алгадаю не запеть —
В бессмертье место воину-герою.

Акыну стыдно плакать пред людьми.
Бил Алгадай-герой врагов-фашистов —
Ты голову, как прежде, подними —
От горя станет голос твой неистов.

Ты кряжистый и жилистый, как дуб,
Утратив сук, свой подрываешь корень;
Всех лучших сыновей враги не изведут
Стан распрями и поднимись над горем!

1943

БУДЕТ ТАК

Солнце с неба, так и знай,
Не достанешь, ширкин-ай!¹
Но, душа, учебой тешься,
Разум, знания вбирай!

Словно солнце и земля,
Вечной будь, душа моя!
Молодую силу в теле
Ощущать хотел бы я.

Быть навеки влюблена
В жизнь душа моя должна,
Чтоб любили всей душою
Жизнь и дети и жена!

Путь один, язык один;
Должен быть народ один!
Общей спаяны мечтою,
Дерзко мы вперед глядим!

1943

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК Я ЗАБЛУДИЛСЯ В МОСКВЕ

В Москве заблудиться, пожалуй, не диво
Тому, кто к степям и аулам привык.
И вот вам рассказ мой — простой и правдивый
О том, как в Москве заблудился старик.
Обычный был день. Я, признаться, не ведал.
Что он для меня обернется бедой,

¹ Восклициание, выражающее досаду, сожаление.

В столовой писателей я пообедал,
Отправился с Есмагамбетом домой.
Спокойно добрались мы до остановки,
Но тут в мои мысли сомнение вошло,—
Мол, хватит ли мне для трамвая сноровки,
Ведь легче и проще — скакун и седло.
Какая тут давка! Едва не до драки
Здесь дело доходит. Кругом суетня.
В вагон попадают одни забияки,
Всех тех, кто скромнее, назад оттесня.

Был мой провожатый рассеян немножко,
Локтями работал, трамваи кляня.
Пробился, как трактор, вскочил на подножку.
Умчался. Умчался, забыв про меня.
Казалось, остался один я на свете,
Устала седая моя голова.
Морозно и скользко, усилился ветер.
Я улиц твоих не запомнил, Москва.
Красивую девушку вдруг я увидел.
(Подобную редко найдешь наяву.)
Она мне сказала:
— Вас кто-то обидел?
Не обижайтесь на нашу Москву.

— Спешу я, — сказала с улыбкою милой.—
Вас мама проводит сейчас, аксакал.
В спасители бабушку мне отрядила,
И с бабушкой я по Москве зашагал.

Как маленький школьник от старой москвички
Старался, как мог, не отстать ни на шаг.
Ойбой! Меня бросило в пот с непривычки,
Трамваи немолчно звенели в ушах.
Признаюсь вам, я растянулся с размаха,-

Накатанной, скользкою стала тропа.
...Апа подняла меня, слава Аллаху,
А вот и гостиница. Видишь, апа?
За щедрость душевную — щедростью платят.
(Здесь рядом с гостиницей был магазин.)
Прими от меня сторублевое платье!
Апа, я казах, я старик, я акын!
В смущенье старушка благодарила,
И щеки по-девичьи стали пылать.
И вдруг заспешила, засеменила,
Как будто подарок я мог отобрать...
В гостинице, в комнате, в мягкой постели
Меня обволакивал благодный сон.
Но снова трамваи в ушах зазвенели.
Нет, это звонил у меня телефон.
Встревоженный голос Есмагамбета:
— Кенен, Кенеке, я волнуюсь за вас.

.....
Ко мне он с повинной пришел, и на этом,
Кончается скромный правдивый рассказ.

1943

БУДЬ ПОХОЖИМ НА БАТЫРА МАЛИКА

Ты краю нашему известен стал, Малик.
Со всем народом вместе встал Малик.
Твоя земля, где родился и вырос.
Тебя встречает с честью, наш Малик!
Приехал повидать родных людей,
На фронте ты о Родине радел —
Из уваженья к старому Джамбулу
Наш праздник для тебя важней всех дел.
Герой-казах, ты славишь Казахстан —

Джамбул про подвиг твой сложил дастан —
На фронте помнил ты родную землю,
К степной траве прижми свои уста.
И вся земля степная и народ
Волнующий не позабудут год —
Свои черты в твоих чертах признает,
Тебе — батыру — славу пропоет.

1943

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Был благостен у дня того восход:
Светило солнце теплыми лучами,
Когда они, слова те, прозвучали:
«Донбасс свободен! Радуйся, народ!»
Донбасс, Донбасс — сокровище земли —
С каким упорством враг к тебе тянулся!
Да только скоро на огонь наткнулся,
Взревев, назад шакалы уползли.
Смерть многие нашли в твоём краю
За то, что покорить тебя хотели:
Не унести ни голову свою,
Ни ног своих поганных не успели.
И вот легли в земле твоей, Донбасс,
Среди богатств, к которым так стремились.
Тяжелым, вечным сном они забылись.
Так уже было, будет всякий раз,
Как только враг посмеет перейти
Моей любимой Родины границу,
И подвиг вновь солдатский повторится,
Стена возникнет на его пути.
Донбасс началом был, и новый день
Назвал другой освобожденный город.
Но черная еще стояла тень,
Еще был воздух от пожарниц горек.

И наш солдат по бездорожью шел,
Его снега родные согревали,
И дули ветры в спину — помогали.
И враг такой отвагой был сражен.
А в сердце нашей Родины — Москве
Салют гремел, и веселились люди,
И эту радость разглядели все.
Когда пришла пора нелегких буден.
Донбасский уголь мчался в те края,
Где все зимой дышало, леденело.
Но верная уже победа зрела,
Ждала весну уставшая земля.

1943

МЫ ПОБЕДИМ!

Дорогу нашу Ленин нам открыл,
Он новой правдой землю озарил.
Его мечтой пылающей согретый,
Народ по ленинским заветам жил,
В те годы в изобилии, в тепле —
Всего у нас хватало на земле,
Но вот пришел коварный враг неожиданно
И мир проснулся в пепле и золе.
И сыновья, и дочери мои
Ушли на фронт, в кровавые бои,
А старики в тылу работать стали,
Для фронта силы не щадя свои.
В жару и стужу лета и зимы
С утра на вахту заступали мы,
Растили хлеб, ходили за скотиной,
Не зная отдыха до самой тьмы.
Тыл должен был одною мыслью жить:
Чтоб всем необходимым фронт снабдить.

Мне поделиться хочется с тобой,
Как казахстанцы широки душой,
Все свои деньги отдавали люди,
Чтоб больше техники вступило в бой.
Одной заветной цели — победить —
Готов был каждый до конца служить.
На наши деньги сделанные танки,
Вступая в битву, шли врага громить.
Колхоз наш «Актерек» постановил:
Чтоб каждый, сколько мог, в казну вносил.
Мы двести шестьдесят собрали тысяч,
И рубль любой залогом мести был.
Поддержку быстро тот почин обрел,
Призыв колхоза до сердец дошел,
На тот призыв земляк наш Айнакулов
Шесть тысяч положил на круглый стол!
А Калиман, известный аксакал,
Свои четыре тысячи достал,
Ведь каждый новый танк — большая сила,
Кокпар (козлодранье)— конно-спортивная игра.
И враг, на нас идущий, прогадал.
Как вор, к нам руки протянул свои
Так пусть в своей умоется крови!

Мы — грозный героический народ,
Зарвавшись, шею враг себе свернет,
Сегодня отступающим бандитам
Приходит призадуматься черед.
Все мстительней и злей снарядов свист,
Настанет день, что светел и лучист,—
У стен несокрушимых Сталинграда
Себе могилу выроет фашист!

1941—1945

ДЖАМБУЛУ, ПРОЖИВШЕМУ СТО ЛЕТ

Сырой земли не миновать, я знаю:
Пришли ни с чем — уходим налегке.
Я сорок лет дружил с тобой, Жаке,
По голосу я твоему скучаю —
Он рокотал, как речка вдалеке.
Не умирают, виденные мною
Луна и солнце, реки и моря,
Овраги, камни, горы и поля...
Летит твой голос эхом над землею,
Родной степи бессмертие даря.
Прощай, Джамбул!
Не умирают люди,
Что до кончины помнили народ.
И, поглотив весь мир, земля живет.
Твои слова в Истории пребудут,
Бессмертен ты — земля тебя поет!
Любим судьбой, до новой встречи жаден,
Обласкан ты акынами в степи:
Ты Суюнбая песней ослепил,
Был Сарыбол смущен, на струны глядя.
Твой дух велик, как Алатау пик,
Как умещался ты на малой пяди?
Мы собрались вокруг поминальной чаши.
Ты жизнь любил, и пусть печальный ас¹
Веселым тоем кончится для нас:
Раскрыты юрты, кобылицы пляшут,
Гуртятся овцы и сидят сейчас
Вкруг дастархана все народы наши.
Певец, потомков много ты оставил!
Искусны танцовщицы и кюйши,
Пятнадцать языков — все хороши! —

¹ Ас — поминка по истечении года.

Поют и плачут о великой славе
И о бессмертии твоей души.
Лихие скачки, яростный кокпар¹,
Айтыс и беркутиную охоту,
Богатырей, лоснящихся от пота,
Древнейших игр негасимый жар —
Все в этот день нам показать охота.

А под холмом, в низине новый круг —
Резвятся дети, закружившись смерчем.
Невечны мы. Нам всем предел очерчен
И чаша Жизни выскользнет из рук,
Но не утихнет той, который вечен.

1945

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ИЗ АУЛА ЛЮБИМОЙ

Она в душе моей читала...
Как серна гибка и нежна,
Как говорила, как молчала,
Как улыбалась мне она!

Дыханьем близким возбужденный,
Я мчал по склонам Калкуты.
Звенели птицы в день зеленый,
Цвели неистово цветы.

Острились уши, как тростинки,
У быстрогоного коня.
И легче солнечной пылинки
Душа летела у меня.

¹ Кокпар (козлодранье) — конно-спортивная игра.

Я пел — подхваченная эхом,
Катилась песня по горам.
Прощаясь, я за милой ехал
По майским травам и цветам.
Какая гордая осанка!
Как недоступна и близка!
И трепет тех минут остался
В душе усталой старика.

Незримо юность пролетела,
Не дав навеселиться всласть.
Ревущим ветром прошумела,
Весенним селем пронеслась.

С озер вспорхнула стаяй птичьей...
Еще вчера сжигал огнем
Девичий голос, взгляд девичий —
Когда же стал я стариком?

1945

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДЫ

Страна в Москву акынов созвала,
Мы добрались сюда дорогой длинной —
Для вся земли Москва передала
Весть о победе — взятии Берлина.
Загнали с боем войско чуждых стран
Назад в Германию по долгу и по праву.
Гремят салюты:
Побежденным — срам!
А нашим воинам — почет и слава!
Как неподдельно рад страдалец-край.
Мир! Мир! Теперь бы урожай удался.
Веселье с песней плещет через край —
Я времени запеть едва дождался.

О ясный день среди природной тьмы —
О радуга салюта темной ночью!
Я счастлив: дождались победы мы,
День торжества увидели воочью!
От красных, желтых и зеленых звезд
Такое зарево над Родиной сияет —
Вот фейерверка серебристый хвост
В спираль закручен, с шипом догорает
Про счастье мира я рассказ веду,
Когда светло, как днем, ночной порою.
От радости молчать не вмоготу,
И я уселся пред толпой с домброю.
Герои-воины!
Решительные львы!
Не насмотрюсь никак на ваши лица.
Перед врагом не опустив главы,
Врага в бою заставили склониться.
Не пала слава дедов и отцов —
Теперь в веках вы будете воспеты!
Каких орденоносных молодцов
На Красной площади я видел в час победы!
Я волновался, выбирал слова,
Я, песнь сложив, немедленно исполнил!
Открылась жизни новая глава —
Мой край великой радостью наполнен.
Честь выпала — героев воспевать.
Герой-народ поднялся, сбросил рабство.
Закончилась убийственная рать,
Принесшая свободу, мир и братство.
Народ сегодня истины знаток.
И всей страной жребий тот изведен.
Вот счастье высшее — мой жизненный итог:
Служить певцом народа и победы!

1945

КОГО НЕ РАДУЕТ ВЕСНА

Кого не радует весна,
Зеленые сады,
И небо чистое до дна,
И чистый звон воды!

Бегут потоками ручьи
В колхозные поля,
Поют от счастья соловьи
Цветет моя земля.

Кого не радуют труды
Моих односельчан,
Подарит сочные плоды
Осенний дастархан.

Я в руки взял свою домбру,
Чтобы воспеть их труд —
На звонком праздничном пиру
Сердца людей поют.

1946

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Озеро застили крыльями
Стаи гусей, лебедей...
Степь расцветает ковыльная,
Мчит говорливый ручей.

Будят нас песнею раннею
Птицы, проснувшись с утра,

Трудимся мы неустанно,
В поле гудят трактора.

Парни, девчата задорные
В каждом движенье ловки,
Их нагоняют упорно,
Не отстают старики.

Край мой!
Ты неузнаваем!
К солнцу бежит борозда,—
Мы от души поздравляем
Наших героев труда.

Песня весенняя спета,
Радость пришла в каждый дом,
Пусть благодатное лето
Поле украсит ковром.

Пусть урожаем высоким
Круг хлеборобы замкнут,
Наших успехов истоки —
Наш героический труд.

Послевоенные годы —
Силы удвоил народ:
Сбросили мы все невзгоды
И устремились вперед.

Пусть же мой край расцветает
С каждым приходом весны,
Дружбу Кенен прославляет,
Мощь и богатство страны.

1947

К СЛОВУ

Где есть тростник и мята — там родник.
Где есть народ достойный — слог достоин.
Как все, я стану глиною простою, —
Поговори с народом, мой язык!

Один удачу возит в тороках,
Другой богатство ищет без успеха,
А третий, нас оставив в дураках,
Что отнял — в яму выбросит со смехом.

Один живет, сам у себя в силках,
Другой теряет разум от удачи,
А третий ищет даровых подачек, —
Не схожи мы, как пальцы на руках.

Неуловим и неизбежен мир!
Не суетись в погоне за желанным —
Он ускользнет непознанным и странным,
Во мрак повергнет, дав нам жизнь на миг!

СЛОВО О ПЕСНЕ

Хорошая песня — под стать колыбельной
И шалости ветра степного под стать.
От плача охрипший ребенок недельный
Затихнет, едва запоем его мать.

И песней наполнится воздух пустынный,
И люди забудут про горечь потерь.
Замрут на мгновенье от песни старинной
Летающая птица и рыщущий зверь.

Мелодия плавно парит, словно лебедь,
Склонившая шею над гладью воды.
И в дебрях смиряется лиственный лепет,
И падают с веток, как слезы, плоды.

От песни ледник Алатау растаял,
Затих восхищенно исток родников,
И кровь, ударяя в больные суставы.
Как в юности, снова томит стариков,

1950

БЫЛИ РАЗНЫЕ ПОЭТЫ

Певца соловьем называет народ.
Скакун настоящий стремится вперед.
Услышишь акына на улице каждой,
Он в каждой квартире сегодня поет.
И в наши года, как в былые года,
Своим положением песня горда.
Акынов в народе любили особо,
Акынов кружком обступали всегда.
Пределов ни в чем вдохновению нет —
Рожден вдохновением первый поэт.
С поры той далекой и строки и струны
Доныне несут нам надежду и свет.
То там появляясь устало, то тут.
Годами бродил по просторам Коркут¹.
Мечты не нашедший своей, одинокий,
Под старость в горах отыскал он приют.
Кобыз смастерил себе. Песни запел,
От прочих забот устраняясь и дел.
Но разве всего лишь кормиться искусством
И есть для акына конечный предел?

¹ Коркут — легендарный акын древности.

Окликнули дали Асана-Кайгы¹ —
И он, не боясь ни жары, ни пурги,
Ни бедности и ни всевластного хана,
С народом сверял все творенья свои.
Акыны Шоже, Кулмамбет, Суйюнбай.
Кабан и Тубек, Кемпирбай, Бактыбай.
А песни Бухара! А песни Джамбула,
Привольно из края летевшие в край!
Доскей, Нурпеис, Кулыншак, Орынбай,
Мурын жырау, Саттигул, Кеншимбай.
Наш Капкабатыр. Сарыбас наш известный.
Тайжан, Куандык, Кашаган, Жиенбай.
И Майлыкожа. И Мади². И Майкот.
Искусством они удивляли народ.
Вы живы в сердцах, Шернияз с Таттимбетом,
И наш Махамбет в каждом сердце живет!
Кюйши и акыны — мои степняки.
Слова и мелодии ваши легки.
И ночью и днем вы простые напевы
Вели нескончаемо, как родники.
Все ваши уроки для нас хороши,
Степные акыны мои и кюйши.
Я помню: бреду за отарою следом
И громко пою на ходу от души.
Но в прошлом — о чем уж тут ни вспоминай! —
Суров был к талантам родимый мой край.
Счастливой поры не сумели дожждаться
Ни наш Махамбет, ни великий Абай.
Ибрай и Асет, Балуан и Майра.
Эпоха Биржана! Акана пора!
Так пели в степях, что и лебеди даже
На дивные звуки слетались с утра.

¹ Асан-Кайгы — казахский акын XV века, искавший землю обетованную.

² Мади, Таттимбет — известные казахские народные композиторы-кюйши.

Я знаю, что правде искусства не рад
Лишь тот, кто по-байски спесив и богат.
Но с нами все те сокровенные песни,
Что в будущее из былого летят.
В те дни, когда кюи Курмангазы
Звучали, даря вдохновенья часы,—
Жантай, Байсерке, Жолдыбай — не они ли
Пленили напевами дивной красы?
Сегодня то время от нас вдалеке.
И годы печалей от нас вдалеке.
Верблюдица снова молочною стала,
Услышав напевы кюйши Байсерке.
Напев — он на все получает права:
В нем радость жива и печаль в нем жива.
Не может душа без веселья и грусти,
Без скорби не может и без торжества!
Акынов у нас уважает народ.
Певцов и кюйши уважает народ.
Все внемлет — и птицы, и звери, и камни -
Той песне, что смело свершает полет.
В краю нашем песенном — в отчем краю
Я тоже, друзья, как умею, пою.
И верную спутницу с самого детства —
Домбру неустанно ласкаю свою.

1950

БЫТЬ ПОХОЖИМ

Мне, помню, было десять лет,
Когда его увидеть смог я,
Он к юрте шел, и я вослед
Смотрел с восторгом — вот так сокол!
Широкоплеч и чернобров,
Чуть рыжеват упрямый волос.
Хотелось слышать его голос,

Хоть несколько коротких слов!
Да, подражания пора
Приходит невзначай и разом.
Смотрел я любопытным глазом,
Как взрослые и детвора
Ему внимают, улыбаясь.
Неотразим он был тогда,
Он говорил, не ошибаясь,
Свободно речь его текла.
Шли к Кебекбаю за советом,
Несли и радость, и печаль.
Он не спешил давать ответы:
Сначала, как мудрец, молчал,
Потом являл уже то слово,
Которое не знал никто.
Как я тогда любил его,
Как друга не желал иного!
Но кто я был? Совсем малец,
Которого в толпе не видно.
Я помню, было так обидно,
Что ростом я — не как отец.
А он, видать, меня заметил —
Ко всем внимательным он был.
Однажды вдруг остановил
И жестом ласковым приветил.
Такой огромный, сильный, он
Был в жизни каждому подмогой.
...О нем я после думал много,
О давнем времени моем.
Любовь к народу своему,
К своей степи многострадальной
Была с рождения ему
Дана. И этой мерой давней
Измерен жизни трудной путь.
Она ему продляла годы.

Дождлся ж он, когда народы
Свободные смогли вздохнуть!
Немало своих славных лет
Прожил он на земле суровой.
Теперь его средь нас уж нет,
Но память возвращает снова
Его находчивость и стать,
Его решительность и волю...
Была особой его доля
Как мне о ней не рассказать?

1952

НАЗИДАНИЯ

1. В высоком слове век певца продлен.
Не может рыба жить без вод глубинных.
Едва коснется мастер струн старинных —
В любой душе находит отклик он.

2. Лететь крылатым легче, чем ползти.
Легко батыр красавиц обнимает.
Легко народ единый побеждает:
Не страшен враг, встающий на пути.

3. Кюйши играть привычнее, чем петь.
Легко плести узоры ювелиру.
На скакуне легко лететь батыру:
Чем каменистей путь — тем звонче медь!

4. Легко играет молотом кузнец.
Легко строитель ладит стены дома.
Легка работа, коль она знакома:
Тот — хлеб растит, а тот — пасет овец.

5. Низка душа злодея и черна.
Легко злодею обижать другого.

Ни чести, ни любви не даст он крова...
Легко коварство, истина — трудна.

6. Все отравляет черная змея.
Иной бывает похитрей лисицы.
Кто на добычу даровую льстится —
Обычно легче ветра и быля.

7. Один гончар формует нас и мнет.
Но чем полны похожие сосуды?
Когда польется влага из посуды —
Узнаем мы: там горечь или мед.

8. Быть справедливым — вот почетный путь.
Когда делами честный разум правит,
Народ такого человека славит,
Ведь в доброте извечной жизни суть.

9. Иной себя расхваливает так,
Как будто он отмечен небесами.
Но глас народа есть над словесами,
Он отличит, кто злато, кто пятак.

10. Кто жив трудом — возвышен испокон.
Пшеничный колос держит пахарь свято.
Народ считает: «Хлеб — дороже злата!»,
Пред ним и враг жестокий преклонен.

11. Одни прыжками меряют пустоту
И думают, что взяли высоту.
Другие только зло творят украдкой,
А выглядят творцами добрых дел.
Но кто в себе не видит недостатков,
Тот и в другом не разглядит пробел.

12. Ленивцы! Если вы самолюбивы
И если есть в вас капелька стыда,
Включайтесь в труд — нет жизни без труда,
Извечно мир и мы работой живы.

13. Орел в норе не станет вить гнезда.
Не будет правдой ложь, как ни желает.
Порою нас красавица пленяет,
Но глянешь: нет ни чести, ни стыда.

14. Будь человеком, будь к добру готов!
Пусть будет сердце мягким, словно масло.
Но чтоб вовеки воля не погасла,
Не стала легковеснее ветров.

15. Иной кривит завистливо свой рот,
И словно пес, зовется пустобрехом.
Кто с малых лет воспитывался плохо,
Тот пустоцветом к зрелости придет.

16. Чтоб человеком стать — родиться мало:
Учись людей и чтить, и уважать.
Иной козлу паршивому под стать,
Готовому боднуть кого попало.

17. Другой же прост: не видя зла ни в ком,
Готов отдать последнюю рубаху,
Как раз злодею или вертопраху
Откроет душу, чтоб страдать потом.

18. А третий, как лиса, сто раз на дню
На общее добро свой коготь точит,
Урвать задаром да побольше хочет,
Но попадает все же в западню.

19. Тулпар найдет дорогу, заплутав,
Он и затылком видит, если надо.
Претит батыру от врагов пощада:
Он даст отпор — таков батыра нрав!

20. Когда учен — бывает речь сладка.
Когда невежда — глупость в каждом слове.
Хорошему — хороший вечно внове.
Плохой — к плохому льнет наверняка.

21. Когда умрешь — то родичи гурьбой
Поплачут над тобой и посудачат,
И так, и эдак жизнь переиначат:
И после смерти будь самим собой!

22. Барышник плохо спит без барыша,
Его сжигает жадность, словно жажда.
Он обсчитает сам себя однажды,
Спохватится — да продана душа!

23. Орел гнездится около людей,
А зверь, напротив, их жильё обходит.
Среди людей живет мошенник вроде,
Но лишь собою занят лиходея.

24. Бывает, угощают без конца,
А гостю уж не естся и не пьется.
Бывает дно у всякого колодца —
Народ бескраен, чтущий мудреца.

1953

ДЕТИ, УВАЖАЙТЕ РОДИТЕЛЕЙ!

О том, что пережил за восемьдесят лет,
Я рассказать хочу, коль память мне поможет.
От смерти, говорят, нигде спасенья нет,
А жизнь моя на сон мне кажется похожей.
Будь хоть богаче всех.
Хоть всех вокруг умней,
За золото купить не сможешь ни мгновенья.
За предками уйдешь дорогою своей —
Хоть ветер оседлай, от смерти нет спасенья.
На высохшем одре, что двигался едва,—
На Кокшولاке,— в путь отец собрался, помню.
Залатанный борик¹,
В заплатах рукава,
Обувка из кошмы —
И вспомнить нелегко мне.
Я семилетним был в ту пору пареньком.
В рассказах об отце неправды нет ни слова.
Будь у меня отец последним бедняком,
Не захотел бы я иметь отца другого.
На поиск дочерей отправившись, не мог
Он взять в нелегкий путь
С собой меня, мальчонку.
Бывало, жмусь к домам, где курится дымок,
Но гонят прочь меня, как будто собачонку.
У дочерей отец остался до поры.
Он рад был, что вокруг него толпятся внуки.
Хоть были все к отцу и чутки, и добры,
Он страшно тосковал, что был со мной в разлуке.
Он для меня берег все то, что повкусней,
Аллаха день и ночь молил отец о сыне.
Сполна ль отцу воздал любовью я своей

¹ Борик — меховая шапка.

За то, чего достиг,
За то, кем стал я ныне?
Закончил путь земной он в восемьдесят пять.
И всякий раз, когда о нем я вспоминаю,
Я думаю о том, что долг ему отдать
Я так и не успел, я это твердо знаю.
Ушел отец, успев увидеть всех внучат,
Довольный тем, что сын — теперь хозяин дома.
Простился навсегда, услышав, как звучат
Те песни, что пою,— они ему знакомы.

Сегодня, дети, к вам я обращаю стих —
Как обратите вы к иному поколению:
Не забывайте вы родителей своих,
Мать и отец — они достойны уваженья.

Мать и отец, они — учителя всегда.
Берите с них пример,
Не бойтесь подражания.
И птица строит жизнь по опыту гнезда.
И худо, и добро — все в нас от воспитанья.

1956

КОГДА ВЫДАВАЛИ ЗАМУЖ ТОРТКЕН

Моя Торткен, клад доброты,
Да сбудутся твои мечты,
Больных родителей три года
С трудом выхаживала ты.

Вот свадебный подходит той,
Ты будешь верною женой —
Как исполняла долг дочерний
С отзывчивостью, теплотой.

Пусть счастлив будет твой порог,
Пусть сбудутся желанья в срок —
Чтобы друзья в твой дом открытый
Сходились к вам на огонек!

Удача да живет с тобой,
Пусть будет муж заботлив твой,
Живите без хлопот и горя,
Вкушая счастье и покой.

1957

НАЗИДАНИЕ МОЛОДЫМ

Проживший много — многое познал.
Но перед Жизнью он, как прежде, мал.
Сильней отца любить скотину можешь,
А станешь глиной, как твой предок стал.

Мы рождены, чтоб этот мир узнать.
Как хороша земли любая пядь!
Ты землю слушай, и луну, и солнце...
Но за невеждой следуешь опять!

Кто защитит, коль тополь одинок?
Коль одинок джигит — то жизнь не впрок.
Кто о народе с молодости думал,
Пойдет по самой верной из дорог.

Жалею я — прошли мои года.
Откочевали с веком в никуда.
Теперь пришла эпоха Просвещения —
Учитесь, будьте зрячими всегда!

Забудьте старый дедовский уклад,
К науке обратив пытливый взгляд,
Учитесь!

И земля и небо — ваши,
Зовут моря, и звезды вас манят!

1958

Я ЗДОРОВ

Мой Курдай, ты земля святая моя,
Сколько радостных дней и ночей прожил я!
И опять меня вылечил ты, мой народ.
Пусть домбра моя, славя тебя, запоет.
Долго, родина, я по тебе тосковал!
Я болел тяжело, но тебя вспоминал,
Сыновей, дочерей, старых и молодых
Я увидеть мечтал — и увидел родных...
Я увидел, как вырос родной мой район.
На достигнутом не успокоился он.
Стали больше стада, стало гуще в садах,
Стал народ веселей — все на наших глазах.
У овец шерсть как шелк, молоко словно мед.
Глаз острее у того, кто всегда его пьет,
Словно не молоко, а бальзам для людей.
Хороши табуны наших быстрых коней!
Ты прекрасен, Курдай мой! Я родился и рос,
Пел и дожил я до серебристых волос,
На просторной земле, от хлебов золотых,
Я горжусь и тобой, и своею судьбой.
Как ты, жизнь, хороша — лучше и не сыскать
Я здоров, я готов вновь тебя восхвалять!

1958

ПУТЕШЕСТВИЕ В САРЫАРКУ

Я в памяти сердцем своим берегу,
Как выпало счастье мне на веку.
Поехать с нашим Сабитом в степь,
В преданьях славную Сарыарку.
Поезд наш мчится, он гору Джамбул
И Байкару-гору обогнул.
Так неожиданно к нам в окно
Синью морской Балхаш плеснул.
Вчера миновали мы Караганду
(Салем горнякам, салем труду!),
Нуру, спокойную речку степи,
Пересекли на полном ходу.
Речка Нура так обычна на взгляд,
Но глуби ее сказанья таят.
Сопки, что таволгой заросли,
Зорко степной простор сторожат.
Взойти на вершину бы, глянуть вниз!
С беркутом, с гончей на зайцев и лис
Нам бы, Сабит, поохотиться здесь,
Поезд, поезд, остановись!
Но поезд не слушает наших речей...
Сошли в Акмоле мы, дали коней.
Дорогою поведал Сабит
Быль о Биржане, любимце степей.
В Кзылжаре¹ грустью делился Сабит —
Спят те, кто колчаковцами убит.
Кто в славе батыров древних догнал,
Чье имя, как песня акына, звенит.
Кзылжар дастарханами нас удивил,
Кзылжар дастарханами нас утомил.
Но, к счастью, мы вновь пустились в путь
К тугайным рощам, к реке Есиль!

¹ Кзылжар — Петропавловск.

Сабит, вспоминал друзей, горевал,
Он с ними в одном полку воевал,
В Кзылжаре он поступил в продотряд,
В Кзылжаре стихи и поэмы слагал.

Аулы там редки, тугай густы,
Здесь проса метелки пышны, как кусты.
На хлебное поле тени легли,
Березовых рощиц, сосновой четы.

Я неба такой высоты не видал,
С его высоты не заметишь ты скал.
Красивого старца я здесь повстречал,—
Как беркут, на торе сидел аксакал.

Биржан говорил, жеребенка керей
Никогда не жалел для хороших гостей.
Для нас жеребенка не раз забивали,—
Нет этого мяса на свете вкусней.
Так мясо в котле поспевало для нас,
Кумыс в бурдюке взболтали для нас,
Кумысных кобыл выпасали для нас,
На травах есильских, ласкающих глаз.

Заснуть нам мешала не только жара,
Злее, чем здесь, не найти комара!
Видать, комары разогнали и птиц,
Лишь вороны грай начинают с утра.

Мы так загостились в есильском краю,
Порой здесь и песни Кенена поют.
Вчера здесь считали, что умер Кенен,
Сегодня живому салем отдают.
Мы так загостились. Прощаться нам жаль.
Ведь с нами делили любовь и печаль.

Шесть тоев подряд, мы устали от них,
Нас в путь призывает ковыльная даль.

Шесть тоев? А может, и десять по шесть.
Ведь дни дастарханные не перечесть.
Зовет нас теперь кокчетавская даль,
Гостить в Кокчетау — великая честь!
Я так любовался спокойствием гор,
Я так наслаждался синью озер.
В пестрозеленом покрове своем
Передо мной распахнулся простор.
Я старца Шакира запомнил черты,
Шакир! Его песни звучны и просты.
Но хвастать не буду: когда я запел,
Внимали мне, жадно разинувши рты.
— Еще раз, Кенен, нам спой и сыграй!...
... Я пел «Кокшолак» им и пел «Бозторгай».
Но сроки подходят, уже нам пора
Покинуть и этот песенный край.
Пора нам отправиться в Жаманшубар.
Не хлебом одним и богатством отар
Прославился он. Здесь родился Сабит,
Здесь знает Сабита и млад и стар.
Здесь все ему близко, всем близок Сабит,
Край детства и юности им не забыт.
Здесь, в этой священной земле отцов,
Мукан, его милый отец, зарыт.
Высокий, видный со всех сторон,
Мукану памятник сооружен.
Из белого мрамора высечен он,
Пшеничной нивою окружен.
В степях пленяет меня урожай,
С ним исчезает моя печаль.
В поезде снова мы. Едем домой.
Сарыарке говорю я: «Прощай!».

1958

ЦЕЛИНЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ СТРОКИ

Веками степь молила о воде,
Иссушенная, скупое порождала:
Репей да саксаул торчал везде,
Корней глубоких нет у чернотала.
Сосновый корень почвы не пробил,
А стлался по поверхности песчаной,
Полынь держалась из последних сил —
Лежала степь бесплодной и печальной.

Зной, обжигавший ласточки крыла,
Птенцов осиротил, сжег в пепел гнезда,
Был знойный воздух гуще, чем смола,
В ночь пустошь озирать всходили звезды.

Ночами вопли одичавших псов,
Напевы смерти петы-перепеты,
Страшнее здешних птичьих голосов
Не слыхано в других частях планеты.

В степи немало караванных троп,
Их лишь верблюды одолевал по пыли,
Стада сайги, куланов, антилоп
Зной, жажда, голод, ветры истомили.

Отарою овечьей бай владел,
Придумал, как с безводиём бороться,
Простого человека зол удел —
Копай до смерти байские колодцы.

Вчера другим казахский был народ,
Теперь вздохнул свободно и привольно,

И что ни год — не страшен недород:
Каналы вырыты — воды в степи довольно.

От Сырдарьи к Алтаю пролети,
От Каратау и до Алатау —
Луна и солнце вышли враз светить —
Другая эра для степи настала.

Тогда народ на подвиг поднялся,
По зову партии пришел на эту землю.
Богатствами простор мой не иссяк —
В земле руда и плодородие дремлют.

Для пробужденья, не щадя трудов,
Бурили, строили, пахали и сажали,
Чтоб расплескались тут моря хлебов,
Чтоб города рождались и мужали,

Чтобы стада плодились и росли,
Чтоб золотые в закрома вливались зерна.
Нет, лучше этой не найдешь земли!
Горжусь — за нашу землю не зазорно!
Мактаарал, Чимкент и Мырзашоль —
Открытые сокровищницы хлопка.
И труд и счастье каждый здесь нашел,
Кому сюда легла дорога-тропка.
Не страшно солнце, жгущее с небес,
Трудом сумеем жажду переспорить.
Каких земля напратала чудес!
Вознаградился щедро труд упорный!

1959

КУЛЯШ

Мой соловей, мой сандугаш¹,
Мой милый, нежный друг — Куляш,
Мой драгоценнейший алмаз,
Венера небосвода,
Как рано ты от нас ушла!
По кромке жизненной прошла
И как свою тропу нашла
К простым сердцам народа,
Так свет очей твоих погас.
Подумала ли ты о нас:
Кому ты подарила час,
Когда не ты, а кто-то
Исполнит звонкое «Гакку?»
Застынет солнце на снегу,
Споткнется конь на всем скаку,
Отчается природа,
Поняв, что больше голос твой
Весенний не украсит той,
Что плавно не взмахнешь рукой
И не посмотришь гордо.
Была достойна ты того!
Дитя народа своего —
Ты все имела от него:
Красу, талант, искусство.
Дворец Кремлевский замирал,
И долго зал рукоплескал,
Джамбул улыбкою сверкал,
Сказал, не пряча чувства
(Я рядом был и слышал все):
«Так самый чистый ручеек
Весной бы прозвучать не смог,

¹ Сандугаш — соловей.

Ей — никакой заботы!
Поет, как дышит, — без труда.
Уж час поет, а нет следа
Усталости, она — звезда
Особенного рода...»
Джамбул был прав тогда во всем.
Проходят годы, а мы ждем
Тот дивный голос и о нем
Тоскует всюду кто-то.
На самом краешке земли
«Гакку» задорное звенит.
Куляш, твой голос не забыт —
Он в сердце у народа.

1958

СЕРЫЙ СКАКУН¹

Скакун силен — наездник стар, но весел.
Подарок не несут — он сам несет.
Поет мне «Бозторгай» родной народ,
Я снова юн, сложу я много песен.
Мне семь десятков и еще пять лет;
Стою, пою в роскошнейшем халате,
Букет цветов неизмерим в объёме —
Счастливее меня сегодня нет.
Мой славный Кокшалак, ты не чета
Сверхскоростному скакуну-подарку.
И престарелому от счастья сердцу жарко —
Былой пастух Кенен, сбылась твоя мечта!

1959

¹ В год празднования 75-летия акына одноаулыцы подарили Кенену «Волгу»

АЛАТАУ

Я в предгорьях твоих, Алатау, родился.
Здесь я рос, соловья слушая трель,
Я с тобою и горем и счастьем делился.
Семиречье мое, ты — моя колыбель.
Здесь акыном я стал и воспел твое имя,
Здесь постиг я с народом глубинную связь.
К горделивым, что с небом поспорят, вершинам
Обращаю свой взор, их величью учась.
С голубой высоты ты глядишь на столицу,
На убор ее в кипени белой садов,
Ты седой головою готов поклониться
Одному из прекраснейших городов.

И корона венчает тебя золотая —
Это солнца лучи утопают в снегу.
Стоит мне поглядеть на тебя, Алатау,—
Ты прекрасен —
Я песен не петь не могу.

1959

В ГОСТЯХ

Как долго не был гостем вашим я,
Мои родные, добрые друзья!
Я так спешил в чудесный город-сад,
Где камешку, былинке каждой рад!
Как лебедь ждет слияния с водой,
Так я мечтал ступить сюда ногой.
И вот сижу теперь среди родных,
Смотрю в глаза приветливые их,
И думаю, что завтра уезжать
На много лет, наверное, опять...

А кто-то протянул мне сочный плод,
Другой в свой дом настойчиво зовет:
«Ата, ата, мы здесь, мы все с тобой,
О чем ты так задумался, родной?»
О чем? О том, что августа пора,
Что пожелтеет яблони листва,
А те слова, что я сказал родным,
Правдивы и прозрачны, как родник.
Что мы сидим единою семьей:
Казах, уйгур, татарин, а с домброй —
Мой русский брат, он знает песнь степей.
Поет он, и становится теплей
На белом свете. И прощанья миг
Еще далек, меня он не настиг.

1959

ЗЕРКАЛО АЛАТАУ

На вершинах Алатау
В голубых еловых рамах
Ослепительней кристаллов
Зеркала озер лежат.
Не хотите заглянуть ли
И увидеть отраженье
Облаков и птиц весенних,
Что над водами летят?
Бросьте суету на время,
Поднимитеесь на вершины,
Где привольно ходят звери
По испытанной тропе
К водопою — изумруду,
К солнечным лучам пушистым,
К утренней росе искристой,
Что как бусы на траве.
Среди них одно, родное,
Колыбель далеких предков —

И самой природы редкость —
Иссык, озеро мое.
Как душа сынов и дочек,
Как душа всего народа. ...
Заглянуть в него охота?
Поднимитесь до него.

1959

ПУСТЬ БУДЕТ ВАШ ПОРОГ БЛАГОСЛОВЕННЫМ

Мои потомки — дочери, сыновья!
Мы этот край возделали для жизни.
Вам возводить основы коммунизма —
Работа спорится — поет душа моя.

Вам хлебные целинные края —
Берите от земли ее богатства,
Честь берегите, укрепляйте братство —
Работа спорится — поет душа моя.

Трудолюбивых наградит земля!
Я прожил жизнь под лозунгом нетленным.
Пусть будет ваш порог благословенным.
Работа спорится — поет душа моя.

И сколько есть у юности огня,
В труд обратите — станет мир чудесней.
Не жду халата и коня за песню —
Работа спорится — поет душа моя.

1959

ПЛОХИЕ РОДСТВЕННИКИ

Радость —
 явятся гурьбою,
Горе —
 шепчутся, смеются.
Радость —
 все они с тобою.
Горе —
 мигом отвернутся.
В рот глядят
 и слово ловят —
Отойдут
 и позлословят.
Жизни цель и назначенье —
За спиною обличенье.
От хулы не утомятся.
Мне куда от них деваться?

1959

СКРОМЕН ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Со спеси чванятся и, как с небес, глядят,
Медь мыслей златом выставить хотят —
С зерном к земле тяжелый клонит колос —
Глупцы за мудрость мудреца косят.
А глупый хвастает — ему сам черт не брат.
Он пустогруд, спесив — тому и рад,
Бесплодный тощий тополь всех длиннее,
Гордится — перерос фруктовый сад.

1959

КИРГИЗСКИМ ДРУЗЬЯМ

Общий всем поклон-привет!
Всем киргизам!
Всем казахам!
Киргизстана лучший цвет,
Слышите барашка запах?
Вас Кенен не обманул.
Был богаче той? Едва ли!
Алимкул и Оспанкул,
Вы на свадьбу прискакали!
Так играйте на домбре —
Гость в почете — не в обиде —
Я спою о том добре,
Что от вас я в жизни видел.
У верблюда два горба,
Два сосца у кобылицы,
А у нас одна судьба —
Жить, как две свободных птицы.
Всем степям и городам,
Вашим пастбищам, озерам
Душу с песнями отдам,
Охвачу единым взором.
Привели своих коней?
Привезли хороших песен?
Я люблю, своих друзей,
Оттого я рад и весел.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я стал любимцем моего народа,
Хоть не умел красиво говорить,
Но креп мой голос звонкий
Год от года,
И в песне сердце я могу излить.
Я — словно дерево,
А песни — мои листья,
Что в жаркий день прохладою дарят.
Давно я понял ту простую истину,
Что Родине служить я песней рад.
Я — словно птица,
Петь я не устану,
Пока дышу —
Не петь я не могу,
Я пропою вам все слова дастана,
Хоть голова моя давно в снегу.
Любовь народа придает мне силы,
И я под тяжестью седин не сник,
И петь я буду песни до могилы,
Пока я жив, не смолкнет мой язык.
Ждут моих песен великаны-горы
И пахнувшая травами земля.
Мой Казахстан!
Ты мне моя опора,
Твои богатства и твои поля.
Раскинулась от края и до края
Земля моя, богатствами полна.
Тебе, народ, я песни посвящаю,
Пока звенит домбры моей струна.
И множатся богатства год от года,
Луга и пашни, тучные стада.
Я благодарен своему народу
И в бодром настроении всегда.

1960

МУХТАРУ АУЭЗОВУ

Когда взойдет опять смятенье,
Душа потребует опоры,
Тогда спешу к тому, который
Вернет душе успокоенье:
К тебе — джигит степи открытой,
К тебе тулпар дороги дальней,
Бесстрашный сокол сильнокрылый,
Мой собеседник благодарный.
Я не лукавлю, каждый раз
Беседуя с тобой о жизни,
Я креп в своей любви к Отчизне,
Пред ней не опускаю глаз.
Я — сын народа своего,
Я никому не поклонялся,
Но свежей силой загорался
От вдохновенья твоего. ...
А помнишь — счастье было нам
Москву измерить шагом быстрым,
Рекой любоваться чистой,
Кивнуть приветно куполам
На Красной площади столицы?
Там ты читал «Абая» мне,
Уже любимого в стране,
Известного и за границей.
Как волен тот казах и смел,
Кому в уста вложил ты правду!
Как ты постиг беду и радость?
Как будущее разглядел?
Талант отпущен был судьбе
Твоей, как искра во Вселенной.
Да будет слава неизменной,
Которая пришла к тебе!

1960

ДЕВЯТЬ КОРЖУНОВ

Девять коржунов раскрыты — и вмиг
Девять старух уж копаются в них...¹
Что по обрядам дарили — забыли,
Деньги сменили их в семьях иных.
Девушку ныне продать за калым
Больше не смеют, хоть это иным,
Может, хотелось бы. Все же не очень
Здесь опечалены делом таким.
Сваты так хвалят сынка моего!
Девушек, чтоб не ходили в кино,
Так осуждают! С такими сватами
Нам породниться достойней всего!
И осыпают подарками их.
Брать не стесняется за пятерых,
За дастархан не садится без водки
Сват, раздобревший от взяток таких.
Масло, хлеб белый ему не еда.
Он недоволен, мала ему мзда...
Платье, чапан ему... Если же сорок
Сватов таких? Это просто беда!
Только лишь водка коснется их губ —
Каждый скандалит, становится груб.
Старый обычай — едят куйрык-бауыр²,
Пьют, быют посуду — обычай им люб!
И разбредаются в шуме и гаме,
Громко икая, бахвалясь дарами.

¹ Старый обычай дарить подарки невесте. Привозили их в коржунах — переметных сумках.

² Куйрык-бауыр — национальное блюдо.

ОМАРУ ШИПИНУ

Да будет радостным твой праздник — благородный!
Шлет песню младший брат — старшему брату.
Ты восемьдесят лет в казну народа
Все песни собирал — подобно кладу.
С Амангельды, героем нашим славным,
Ты другом был в сраженьях за свободу.
Душевных песен твоих мягкая улада
Всегда приветливо встречается народом.
Тот не умрет, кто славно поработал,
Как и земля, взрастившая поэта.
Все твои песни, как Тобола воды,
Полны предвестья нового рассвета.
Свеж ветер в Кустанае, и прохлада
Мягка, и слава по земле ветвится.
Дает большую долю миллиарда
Твоя земля — как золото, пшеница.

Прими привет, мой старший брат. Я тоже
Прошел немало следом за тобою.
Дожить бы, как Джембул, до ста —
Мечты нет больше —
И славить солнце над родной страной!

МОИ ДРУЗЬЯ

Сначала были мне отец и мать —
Первейшие друзья, затем — жена и дети.
Затем я Родину хочу назвать
И партию — дороже нет на свете.
И Аянбай мне первым другом был.
Пастух он. Для меня не пожалел бы жизни.

Мы семьями дружили, и Отчизну,
Как я, он искренне любил.
Второй был Еркебай — мне настоящий друг.
Меня он опекал, добра мне много сделал,
С родными он всегда мирил меня умело,
Я не забуду никогда его услуг.
А третьим был киргиз, бесстрашный Масимхан.
Три месяца в его я укрывался доме.
С Али-батыром мы пробрались в Киргизстан.
Друг нас не выдал, и его мы помним.
Четвертым был Джандосов — лучший друг.
Мы вместе с ним работали, мечтали
И с песнями по Джетысу скакали,
И было горячо пожатье наших рук.
А пятый друг Шпегальский был Иван.
Как вместе против баев мы сражались!
Друг друга мы всегда в бою держались
И дружим до сих пор. В нем — память общих
ран.

Седьмой по счету — композитор. Всем сейчас
Известно это имя, без сомненья.
С Борисом Ерзаковичем у нас
Едины и мечты, и устремленья.
Ну а восьмой — друг Каратаев мне.
Всегда держался он честнейших правил
И правду выше всех достоинств ставил.
Он спас меня, когда я был в тюрьме.
Таир Жароков — друг девятый мой.
На тоях он — шутник неистощимый.
Дружа все крепче, к выводу пришли мы:
Различья — не помеха дружбе той.
Болел я долго, тяжело болел,
Но счастлив, что дружить с Сабитом начал.
К нему я полон нежности горячей:
Ведь без него меня недуг бы одолел.

Красавица Мортай и Латипа моя,
Таир, Сабит и многие другие...
Товарищи, подруги дорогие...
Вы в сердце у меня всегда, мои друзья.
А сколько в жизни их еще, друзей,
Кто ценит песни и мое искусство,
Стихи мои читает с теплым чувством.
С друзьями жить на свете веселей.

1960

ВСЕГО СИЛЬНЕЕ ТРУД

Старший брат гордится младшим братом,
Яблоня красуется цветами,
Лепетом своим красив ребенок,
А акын — красивыми стихами.

Небо Солнцем блестящим красиво.
Темной ночью как Луна красива!
Озеро красиво лебедями,
А река — водой, что мчит бурливо.
Женщина своим красива мужем,
Вождь — народом, чтим и уважаем,
А народ — землей своей Отчизны,
А земля — обильным урожаем.

Вдумайтесь: все из труда исходит.
Все на свете труд наш покоряет.
Что угодно он украсить может.
Землю и людей он украшает.

1960

КАРГАЛЫ

Каргалы — это место, где зелень густа,
Где бурливая речка клокочет всегда
И, удачу с собой принося по примете,
Выпь кричит,— пузырьрится у клюва вода.

Вспоминаю поездку мою в Каргалы —
Там завод клокотал и кипели котлы.
Сорок лет я не видел тебя, неужели
Песню мне подарила ты в знак похвалы?

Звонко воды в реке наши годы несут,
Каргалы с Чемолганом бок о бок текут.
Словно радуясь вместе, завод омывают
И деревьев кругом сказочен изумруд.

Я был молод, когда Каргалы увидал,
Подо мною тогда иноходец дрожал.
Вот тогда я увидел, как на склоне огромном
В тучах черного дыма завод вырастал.

Вся республика наша гордится тобой,
Каргалы огневой, изнутри золотой.
Хорошо на земле, в богатырском краю,
С партией боевой, партией трудовой!

1960

ПЕРИОДЫ ВОЗРАСТА

В пять лет — ты мал, резвишься жеребенком,
И в десять — думы об игре, и только.
А стукнет двадцать, миг любви настанет.
В аул красивых девушек потянет.
Когда ж тебе лет тридцать, тридцать пять
Почувствуешь, как стала кровь играть.
Блеснешь ты острой саблей в сорок лет,
Преград, тобой не взятых, в жизни нет.

И в пятьдесят себе не изменил —
Как аргамак, горяч и полон сил.
Но в шестьдесят — становишься не тот:
Приходит жадность, снятся деньги, скот.

И семьдесят не сладкая пора,
Согнешься весь.
Смеется детвора.
Глаза слезятся,
Ходишь ты с клюкой,
Не радость даже вместе быть с женой.

Тут постучится восемьдесят вдруг,
Глядишь, болезнь — накинёт свой курук¹.
Как временем сожженная трава,
Пожухнешь ты, поникнет голова.

Коль доживешь до ста, судьбу кляня,
Постелью станет добрая земля.

¹ Курук — шест с петлей для ловли лошадей.

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Я был отмечен партией родной,
Два ордена — наградой трудовой.
Семьдесят пять мне стукнуло, но с песней
По-прежнему я дружен молодой.
Среди людей — к веселью я не глух,
Но глаз мой зорек, и не дремлет слух.
Мне партия дает для песен силу,
И Родиною закален мой дух.
Я не скорблю, что молодость прошла,
Меня душа народа позвала
На перевал трех четвертей столетья —
Чтоб вдохновенно петь его дела!

В ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ОБНОВЛЯЕТСЯ КРАЙ

Земля!
Мне дороги твои просторы,
И камни у дорог,
И чистый звон ручья.
Мой край родной!
Я славлю твои горы,
Твои сады, озера и поля.
Тавро на стригунке —
Навечно мета.
Так память о тебе живет в душе моей.
Где б ни был я,
Но до скончанья света
Земли родной мне не найти милей.
Вселенная вместилась бы в объятия
Души моей —
Вот так она щедра,

Ведь я живу в краю, где все мы братья,
Земля полна несметного добра.
Лишь стоит мне запеть
И вскачь помчаться в поле,
Своей домброй просторы веселя,
И голос мой звучит струей на воле,
И подпевает мне моя земля.
Мой край родной!—
Приволье Казахстана —
Пусть слава твоя с каждым днем растет,
Ведь трудится народ наш неустанно
И партия к победам нас ведет.
Пугливым племенем кочевников мы были,
Не знали радостных и светлых дней.
Нас снегопады и враги не раз губили,
Мы коротали век свой без друзей.
Нас враг сгонял с насиженного места,
Стоял аул — не стало ни души,
Но был у нас один батыр известный,
Прославленный и доблестный кюйши.

Он щедро отдавал нам дар свой редкий
И северных соседей прославлял,
И к русским потянулись мои предки,
И дом их — общим домом нашим стал.

Родную землю вместе защищали
От многочисленных своих врагов,
Октябрьским светом озарились дали —
И пали цепи вековых оков.

Кочевники-казахи научились
Косить и сеять, строить города,
И к знаниям большим они стремились,
И не жалели силы для труда.

Расцвел мой Казахстан —
Ему полвека!
И празднует сегодня стар и млад.
Цвети же, край, во славу человека,
Ты молод и прекрасен в пятьдесят!
Мой Казахстан!
Ты часть страны огромной,
Успехи твои радуют всегда,
И земляки мои с большим подъемом
Работают на празднике труда.

И каждый день — все новые успехи,
Когда свободой дышит человек,
И поступь жизни нашей, наши вехи
В истории останутся навек.

Сердца людей слагают песню жизни
И наполняют счастьем каждый дом.
Они полны любви к своей Отчизне,
Которую украсили трудом!

ВРАГ И ДРУГ

Обычно замкнут враг, как черный камень,
И светел друг, как ласточка весной.
В глазах друзей читаем душу сами,
А недруг-прячет взгляд недобрый свой.

Хороший конь дает джигиту крылья.
Хороший друг ни в чем не подведет.
Кто солнца луч не перепутал с пылью —
И в людях друга отличает тот.

Отважный сокол горы облетает —
И падает со сломанным крылом.
Уж так устроен мир — соединяет
Извечное Добро с извечным Злом.

Под плеткой лев ни звука не обронит.
Могучий нар¹ под плеткой промолчит.
Пусть смерть грозит, пусть враг к измене

КЛОНИТ,

Не выдаст тайны истинный джигит.

Простит вас друг и вы простите друга —
Вы не торговцы, что срывают куш.
Есть близость крови, есть родства порука,
Но счастлив тот, кто знает близость душ!

1961

ХОРОШИЙ КОНЬ И ХОРОШАЯ ЖЕНА

У скакуна играет ветер в гриве,
И нрав игривый, и огонь в порыве,
А у жены хорошей — светлый разум:
Его в глазах, в улыбке видно сразу.

Корсак по краю стойбища крадется.
Недобрый человек с пути собьется.
Хорошая жена — дана судьбою.
Тоскуют друг без друга муж с женою.

А коль жена плохая — нет спасенья:
Ходить джигиту молчаливой тенью...

1961

¹ Нар — одногорбый верблюд, символ мужества и силы.

БИТЬ ПО КАРМАНУ

Лентяй трудиться не мастак.
Он ищет дураков.
Он к доктору бежит, больным
Прикинуться готов.
Он перед доктором, как тень.
Совсем, несчастный, сник.
Достал желанный бюллетень,
Настал счастливый миг.
«Больной» шагает на базар,
Уже немного пьян.
Теперь задача у него —
Скорей набить карман.
Глядишь — пшеницу он понес,
Трусливо, как шакал.
Откуда взял? Что за вопрос!
Возможно — и украл!
И вот нашел он стариков —
Слупил три шкуры, плут.
Всучил, надул — и был таков,
Потом лишь разберут.
А он, с иголочки одет,
Гуляет день-деньской
Иль в карты режется, в очко,
С такой же шантропой.
Таких ты знаешь, может быть?
Их по карману нужно бить!

1961

СПУТНИЦА ДУШИ — ДОМБРА

Спутница души — домбра,
И добра и горя вестник.
Ни отар, ни серебра
Не нажил — одни лишь песни.

Днем и ночью грезил я
Только струнами тугими.
Песня вольная моя —
Ты одна мне род и имя.

Не возьму за песню власть
И богатства всего света.
Не скотина — чтоб украсть,
Чтобы прятать — не монета.

Не скакун — чтоб запалить,
Не кафтан — чтоб в прах развеять.
Можно другу уступить,
Но навряд ли сладит с нею...

Спутница души — домбра,
В дни печали без предела
Ты возлюбленной была
И, ко мне прижавшись, пела,

Мертвый камень сокрушив,
Из земли родник пробьется.
Точно так и песнь жыршы
Эхом в сердце отзовется.

Не прервут ее полет
Даже счастье, даже лихо,

Лишь когда умру — замрет
Безголосой соловьиной.

1961

ПОВТОРЯЮ С ЛЮБОВЬЮ

В тихом шорохе трав,
В звонах ветра степного
И в полете орла,
Что крыло надо мной распростер,
В недрах сердца,
Где зреет для песни ликующей слово,
В каждой складке земли,
В каждой линии гор,
В каждой доброй улыбке,
Порхнувшей навстречу,
В тишине первозданной полей,
В тополях Семиречья,
В переливах огней —
Звездной россыпи
Праздничных улиц —
Различаю и узнаю
(Где бы ни был:
В столице ли, в дальнем ауле)
Животворную,
Партия,
Силу твою!
И огромное,
вечное,
светлое —

Ленин!

Повторяю с любовью
Я, старый казах,
Повторяю, как правду.
Как истину, — Ленин...

И мои молодеют глаза.
И я вижу: мгновения нижут
На тугие нити лучей
Час за часом...
И солнце все ближе к нам, ближе.
Будто я это солнце несу на плече.
Прохожу городами — улыбки на лицах.
Прохожу по местам, где была целина,
В сердце радость —
Счастливая, белая птица,
Прилетевшая сквозь времена.
И душа моя полнится гордостью.
Лето
Разметалось и пенит вокруг ковыли...
О страна моя!
Счастье борьбы и расцвета,
Полнокровное счастье казахской земли...
Самолет, разметав тишину, прогрехочет,
Метеором мелькнув, как мечта, в высоте,
Словно скажет: «Салем!»,
Скажет: «Здравствуй, рабочий!»,
Или капля росы полыхнет по листве,
Озаренной сияньем луча золотого,
Иль проскачет джигит, приподнявшись в седле,
Губы шепчут мои два немеркнущих слова,
Два чеканных и мудрых,
как жизнь на Земле:
ЛЕНИН.
ПАРТИЯ...

И вдохновенно
Над степными просторами люди поют,
И струится тепло по моим нестареющим венам,
Согревая счастливую старость мою.
Годы, годы...
Но русло мое не мелеет.

И за подвиг великой Советской страны,
За Октябрьский рассвет,
Приношу мой поклон к Мавзолею
Вместе с песней моею
И звоном струны.

ДЕД МОРОЗ

Со старым годом мы простились,
Все дни мы были с ним в ладу,
Не покладая рук трудились
Двенадцать месяцев в году.

И новый год дела приемлет —
А дел у нас непроворот,—
Он другом к нам пришел на землю,
Торжественный, счастливый год.

И пусть он будет справедливым,
Пусть в городе и на селе
Народ живет светло, счастливо,
Пусть будет мир на всей земле!
Трудом ударным пусть и новый
Отмечен будет славный год.
Ведь труд — первейшая основа
Движенья нашего вперед.
Не меркнет факел коммунизма,
Пусть светит он во все века,
Доходит свет моей Отчизны
До каждого материка.
Пусть в мире смолкнут все орудия,
Пусть мир забудет привкус слез.
Под Новый год навстречу людям
Шагает бодро Дед Мороз.

Он по земле идет безбрежной
С веселой шуткой на устах,
В чапан одетый белоснежный
И с белым посохом в руках.
Трясет он белой бородою,
Подарки детям раздает.
И нам морозною зимою
Тепло на сердце от забот.
Он говорит, что, словно ветер,
Обходит за ночь полземли,
Людей счастливых здесь он встретил,
Что труд во славу возвели.
Он обошел поля и пашни,
И отовсюду даль видна —
Он говорит, что нету краше
Тебя, Советская страна!

ГДЕ ТЫ, ВРЕМЯ ЮНОСТИ?

Состарился, лежу.
Пригрезилось такое:
Я молод, вдаль гляжу в распахнутую дверь.
Низина, как тогда, и небо голубое,
Вода вкусней, чем мед, птиц больше, чем теперь.
Там девушка была... Овец пасла и пела,
Взлетал алтыбакан¹; она просила — пел.
О как я пел тогда! Душа чуть не сгорела...
Где девушка моя?
Мои виски, как мел.
На праздник прискакав, невест джигиты крали,
Пренебрегая всем, рискуя головой.
Куда же нынче все те девушки пропали?
Старушки в ряд сидят да старики со мной.
Мороз прошедших лет скует воспоминанье,

¹ Алтыбакан — качели.

Но, честно говоря, наедине с собой
Я оживляю их.
Сильней, чем опыт, знание,—
Там прожитая жизнь, миг многозвездный мой.
И дай нам бог мечтать!
Мечтою вдохновляясь,
Я вижу, что ушло, что будет впереди.
Все живо, как тогда. Пусть небо, простираясь,
Не слишком судит нас, пока есть жизнь в груди.

1964

СТАРОСТЬ

Когда к вам в людях уваженья нет,
То одиноки вы на склоне лет,
Прекрасна жизнь лишь в молодые годы,
Когда встречаешь на коне рассвет.
А тут и сын скандалит, и суха,
Груба и непочтительна сноха,
И от ворчанья собственной старухи
Спешишь уйти — подальше от греха.
Вот так сидишь без дела день-деньской,
Становишься разбитый и больной.
Зато вернись из прибыльной поездки —
У всей семьи и смех совсем другой!

1965

МОИ ЛЕТА

Мои нелегкие лета —
Как ими я богат!
Хоть забываю иногда,
Что мне они сулят:
Болезни, посох, слух тугой,
Как пепел — голова,

Подслеповатый взгляд тупой,
Невнятные слова...
Ну, нет! Все то — не для меня!
Я бодр еще душой,
Я в молодости не менял
Дорогу — на покой,
И посох крепкая рука
В любой отвергнет миг.
Никто не скажет мне пока,
Что дряхлый я старик.
Я загадал прожить до ста!
Что, разве не живут?
Я жизнь еще не долистал —
Меня еще влекут
Матибулак — моя земля,
Скалистая тропа,
Где так же быстро, знаю я,
Несутся облака,
Где пас овец я и ягнят,
С утра уж — на ногах.
Где босоногий след хранят
Все тропки на горах.
Зеленый, теплый Конырбель...
Мне видится всегда
Твоя весенняя капель,
Прохладные лога.
По Семиречью я гулял
Веселый, молодой.
Там серебром родник сиял,
И лес стоял густой.
Хребты, ущелья гор родных.
Алтай, Сарыарка
И каратауский рудник —
О них я песнь слагал.
Я был в Москве на склоне лет,

Был раньше — много раз.
Снегов своих особый свет
Мне показал Кавказ.
И где бы ни был — песню пел
И, значит, пел не зря:
Я Родину познать успел
Лишь ей благодаря.
Навстречу мне лета бегут —
Не огорчаюсь я:
Копыта верного коня
Их на скаку сомнут.
Жаль только — дважды мне не жить.
Не удалось пока
Из одного зерна взрастить
Два равных колоска.

1964

НЕЗАБВЕННЫЙ ТАИР¹

Народа сын, любимый друг, Таир!
Какой печалью смерть нас осенила,
В какое горе погрузился мир —
Тулпара унесла от нас могила.
Был ясным лик — его нам не забыть,
Был добрым нрав — пребудет незабвенным.
Был труд, как подвиг.
Горя не избыть —
Путь жизни был прекрасным, но мгновенным.
Смерть прервала течение строки,
Но мы тебя вовеки не забудем.
Когда ты пел или читал стихи,
Как сокол улетал твой голос к людям.

¹ Таир — известный казахский поэт Таир Жароков (1908 — 1965)

Ты гражданин — степной наш соловей.
Я вычитал про смерть твою в газете
И встать не мог. Весть, будто суховей,
Родник заносит, лучший в целом свете
Каспийское и Черное моря
Пересекли мы вместе, песни пели.
Горела славы над тобой заря...
Неужто смерть пришла на самом деле?
Мой друг, мой брат! Родной певец-близнец!
Жизнь песни не прервется черным годом—
Любви к тебе век не придет конец —
Душа певца в бессмертии народа.

1965

ЧТО ПРОКУ?

Коль не найдет акын достойных слов —
Сумеет ли он соловьем залиться?
Коль трудный путь осилить не готов —
Сумеет ли скакун лететь, как птица?
Когда мелеет нужных слов река,
Что проку от такого языка?
Что проку в меде, коль не сладок он,
В журчащей влаге, не унявшей жажды?
В луне и солнце, если небосклон
Они не станут освещать однажды?
Коль ты души не тронул ни одной,
Что проку от поэзии такой?
Когда бесправье правило в степи
И смутный век ступал по Семиречью,
Дарил я людям песни и стихи,
Спасал их души вдохновенной речью.
Когда закрыто сердце на замок,
Коль нет ключа — какой от слова прок?
Средь пастухов в становище глухом

На сивогривой кляче Кокшолоке
Прозвался я «акыном-пастухом»,
Я видел свет в непроходимом мраке.
Что проку в песнях, сколько б ни пропел,
Коль не провидишь радостный удел?
И вот рванулся к свету мой народ!
И я, кочуя по степям свободным,
Как птицу, песню выпустил в полет —
Меня теперь зовут певцом народным.
Коль не прошел с народом тяжкий путь,
Что проку в песне, обжигавшей грудь?
Я средь казахов и киргизов был,
Я пел на тоях, праздник возглавляя,
И купол юрты — бел и шестикрыл —
Парил, как птица, над свободным краем.
Я был правдив, остался я таким.
Что проку в даре, коль торгуешь им?

УТРО НАСТАЛО, ВОШЛО СОЛНЦЕ

Эх, время ты, времечко! Тяжкое время
Досталось для предков моих.
Века за веками, века за веками
Страданье тянулось для них.
В те годы и жил, и страдал я с народом,
Делил с ним всю горечь судьбы.
Народ задыхался, и был его голос
Печален. Так пели рабы.
Но утро настало, вошло наше Солнце,
Рассеян холодный туман.
Тем Солнцем был вождь наш
бессмертный наш Ленин,
Им свет нашей жизни был дан.

С тех пор, как Октябрь воссиял над страною
И Солнце над нами взошло,
Поднялся весь бедный наш люд против баев
И каждому стало светло.
«Мы сами страной своей править сумеем!» —
Сказали тогда батраки,
И стали пахать свою землю и сеять,
Труды для них стали легки.
В саду, что Октябрь посадил в Казахстане,
Цветы расцветать в изобилии стали.

1965

НИ О ЧЕМ Я БОГАТЫХ НЕ УМОЛЯЛ

Богатых не считал своею ровней,
Коня не принимал, в долг не просил коровы.
Не знал нехватки в хлебе и воде —
В шестнадцать лет познал я труд суровый.

Пред баем падать наземь не по мне —
Богаты Кумисбай или Аймен,
Смеялся я — не сдерживал поводья;
Так дожил я до лучших перемен.

Мой род — искусство. Как я жил богато!
Ни волостной, ни бай не слали сватов,
И я не породнился ни с одним —
Дастан был зятем, другом верным, братом.

Я дружбу с богатеем не водил,
И все-таки почтенье находил —
В богатой юрте торь мне уступали,
Когда на праздник с песней приходил.

Уж так меня природа сотворила,
Душа не знала подлости бескрылой;
Страдал, но перед сильным не робел
До седины, что голову покрывала.

1965

ГАБИТУ МУСРЕПОВУ

Из Москвы вернулся ли, мой щеголь-брат?
Честный, чистый, вдумчивый — бесценный клад
Моей зрелой памяти — к акыну в гости
Приезжай немедленно, я буду рад.
Добр со стариками ты, юнцам — ага,
Четверых народу слава дорога —
Звали вас опорой литературы,
Нынче нет Мухтара — к нам судьба строга.
Будто ногу в скачке подвернул тулпар.
Или сокол, крылья изломав, упал.
Нету ясноликого среди нас Мухтара,
Взор его лучистый греть нас перестал.
Сходны именами — Габиден, Габит,
Сверстники, бойцы литературных битв,
Вы друзья, любимцы своего народа,
Пусть ваше содружество судьба хранит.
Близкими пребудьте до скончанья дней,
Ведь иная дружба ковыля слабей.
Поровну и радостей делите бремя —
Поровну разделите и груз скорбей.
Все втроем приедьте — ждет вас старший друг!
Не забудьте ласковых своих подруг,
Как весну, вас встречу я на пороге
И настрою радостно свою домбру.

1965

В ГОРЫ ПОЙДЕШЬ — КРАСОТА

В горы пойдешь — красота
Взоры твои изумляет,
В песнях своих неспроста
Люди ее прославляют.

Дивные горы мои
Встали высокой стеною,
Прячутся в скалах ручьи
И оживают весною.

Чтоб одолеть перевал.
Надо немало трудиться —
Жизни высокий накал,
Может быть, не повторится.

Тысячи песен живут,
Словно легенды, в ущельях,
Птахи на солнце поют,
Словно лесные свирели.

Сверху — весь мир на виду,
Склоны покрыты цветами,
Свисшую с неба звезду
Можно потрогать руками.

Может, пугливую лань
Видеть мне доведется,
Слышать, как звонкая рань
Эхом в горах отдается.

На изумрудных холмах
Утром резвятся ягнята,

Яблоки зреют в садах,
Горы полны аромата.

Травы пахучи, как мед,
Только опустятся зори,
Песня в душе оживет
И зазвенит на просторе.

В этом певучем краю
Горы, как птицы, крылаты.
Лучшую песню свою
Здесь сочинил я когда-то.

Есть ли у гор свой предел?
Жизнь их прекрасна большая.
Песни я гордые пел,
С их высотой сверяя.

1965

ПУСТЬ НЕ БУДЕТ ТЕПЕРЬ ВОЙНЫ

Кто живет своим трудом,
Кому дорог отчий дом —
О войне прошедшей вспомнив,
Вздрагнет, словно слышит гром.
Застревает в горле хлеб —
Юноша, старик, что слеп,
Мать, качающая люльку,
Всякий сущий на земле
Горе, что несет война,
Помнит, словно имена
Своих родственников павших,
Всех твоих детей, страна.
Сколько братьев и сынов
Не пришло под отчий кров,

Не вернулось из окопов,
С окровавленных фронтов.
Сколько горьких вдовьих слез —
Сердце кровью облилось
По друзьям, по незабвенным
Сестрам в дни военных гроз.
Сколько, сколько черный вихрь
Взял джигитов боевых,
Сколько пламенных тулпаров,
Сколько жизней молодых.
Все поглощены землей...
Над прошедшею войной
Скорбь склоняется вдовицей —
Мудрость памяти людской.
А кому она нужна
Эта страшная война?
Богачам, капиталистам —
У кого душа темна.
Сколько воинов в бою
Пало за страну свою,
Страшным селом низвергалось
Горе в каждую семью.
До сих пор и там и тут
Без вести пропавших ждут,
Фотографии погибших,
Как святыню, берегут.
Гитлер, вешатель людей,
Черных не собрал костей,
В невозвратном прошлом скрылись
Тени гнусных палачей.
Разогнали дым войны
Наши славные сыны,
Пусть же светят над землею
Звезды мирной тишины!

1965

СЕСТРЕ УКРАИНЕ

Привет прими, Украина,
Казахских сердец привет,
Сияй нам, неугасимый
Душевного братства свет!

В дни праздничной
Нашей встречи,
В сентябрьские вечера
В моем родном Семиречье
Звучат напевы Днепра.

Мы рядом идем, мы — рядом!
Дух мужества в нас окреп.
Мы делим горе и радость,
Как делят воду и хлеб.

Сестра Украина знала:
В степях и песках у нас,
В Прикаспии, у Арала,
Томился батько Тарас.

Душой не кривя ни разу,
Учил не бояться грозы,
В аулах поэта Тараса
Прозвали «акын Тарази”.

И голос его негромкий
Гремел порой, как набат.
Салем, Тараса потомки!
Я вам, родимые, рад!

Вам песня раскрыла крылья.
Вы гости нашей земли.
Вы к нам, в края изобилья,
По зову сердца пришли.

В просторе былых кочевий
У Родины на виду
Сойдемся под сень деревьев
В яблоневом саду.

На Мангышлаке — первый
Тарас в годину невзгод
Когда-то высадил вербу,
Она и сейчас растет.
А нам на душе отратно!
Листва услаждает взгляд.
Раскинулся неоглядно
Сад дружбы,
Ленинский сад.

В какой неизбывной силе
Цвет осени золотой.
Мы вместе хлеба растили,
Мы вместе сошлись на той,

Как будто из дальней дали,
Пришел к нам Тарасов шлях.
Мы вместе одолевали
Врага в кровавых боях.

Такие теперь нам выси,
Такие горы видны...
Давнюю встречу в Тбилиси
Помню, мои сыны.

Родная моя Украина,
Моя Украина-джан.
Здравствуй, Павло Тычина,
Салем, Микола Бажан.

Пришли года-новоселы.
Ушли былые года.
Я ваш, Павло и Микола,
Как вы мои навсегда.

В пути и в песнях едина
Большая наша семья.
Я твой, сестра Украина,
Как ты навсегда моя.

Девятый идет десяток...
Я, скромный Кенен-акын,
По праву друга и брата,
По праву моих седин

Гостей, посланцев раздолья
Днепра, Донбасса, Карпат,
Встречаю песней, хлебом-солью
Со всем Казахстаном в лад.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Плывет луна по пенным небесам,
На сгусток жира желтого похожа,
И звезды, словно брызги кумыса,
Летят на землю под ноги прохожим.
А на земле — прекрасная пора:
Сбор урожая, время листопада.
Труду людей определив награду,

Не знает осень счет своим дарам.
Чтоб быть достойным щедрости ее,
Работать надо до седьмого пота,
И собранное осенью зерно
Весной зазеленеет новым всходом.
Да будет славен человек труда!
Об этом песни петь готов всегда.

1966

О ХОРОШЕЙ И ПЛОХОЙ ЖЕНЕ

Жена хорошая — особая жена:
Джигит не робок,
Тайны враг не знает;
Она мужчины душу понимает,
Заботится с умом, и жизнь проста.

Не устаешь при женщине такой,
Мужчина не глядит, как обойденный,
Жена при нем, что сын новорожденный,
Уверенность вселяет и покой.

Дуреха вгонит в краску просто так —
С коня слетишь, коли сгнила подпруга;
Жить станет муж без родича и друга —
Один с глупчихой будет дуть в кулак.

1966

ГОТОВЬТЕСЬ К ЗИМЕ

Все больше вас теперь, животноводы!
Есть мужество в труде такого рода.
Вам поздравленья шлет акын Кенен,
Шлет пожеланья лучшие сквозь годы.

Пришла зима, сковала землю туго,
Беснуется вовсю седая вьюга,
Голодный волк охотится в степи —
И воем оглашается округа.
Чабан, ты к стуже должен быть готовым,
Твой труд оценен будет днем суровым:
Не потеряешь ни одной овцы,—
Тебя согреют люди добрым словом.
Будь собранным и стойким в непогоду,
Исполни клятву, данную народу.
И шапку в небо лишь тогда бросай,
Когда сумеешь одолеть невзгоды.
Найди джайляу для овец просторный,
Паси их только на траве отборной,
Не разрешай перетоптать траву,
Награда ждет тебя за труд упорный.
Будь первым и суди о деле здраво.
Тебе земля дала на это право.
Зажжется на груди твоей Звезда —
И о тебе пойдет повсюду слава!

1966

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Вернутся птицы вновь к озерным водам:
Соскучились — они отсюда родом...
О чем еще теперь мечтают люди?
Ведь жизнь пришла желанная к народам.
Проплыв, красавец-лебедь шею выгнет,
Целуя воду, чайка громко вскрикнет.
Свет Октября, нас обогрев лучами,
В любые дали на Земле проникнет.
С гнезда поднимет птицу зов полета.
Ей колыбель — родимая природа.
В счастливый час домбру возьму я в руки

И буду петь для своего народа!
Звучит мой голос, как речное русло.
В такое время стариться не грустно.
Юнец, мужчина, женщина и старец —
Вам, равноправным, все мое искусство!
Без соли пища как бы не готова,
Без холода нет снежного покрова.
Навряд ли б мой народ достиг вершины
Без пламенного ленинского слова!

1966

ОТ ИМЕНИ СТАРЫХ АКЫНОВ

(Посвящено V съезду писателей и акынов Казахстана)

Успеха съезду вашему, друзья,
От всей души своей желаю я.
Пусть похвалы народа вашим песням
Звучат повсюду, так желаю я.

Пусть всюду люди радостной толпой
К стихам и песням слух склоняют свой.
Недаром по традиции народной
Акын обычно начинает той.
Народ наш музыкален. Стар и млад
Повеселиться с песнями хотят.
На съезд акыны привезли подарки —
Стихи и песни всем они дарят.

Примите от Кенена вы привет,
Кому уж с гаком восемьдесят лет.
Я, ученик Абая и Джамбула,
Несу их песен негасимый свет.

Вот Балуан Шолак и Шашубай —
С них взял пример я. Любит их наш край.
Не видел я Биржана и Асета —
Но песни их цветут во мне, как май.

Я понял «Кулагера» чудный дар,
Когда в горах шел по следам отар.
Внимал в песках, в идущем караване,
«Еки жирен» и «Кокшетау», «Жамбас сипар»¹.

Я, не хвалясь, скажу вам без прикрас,
Что весь я — как история сейчас.

1966

ПЕСНЯ ВДОХНОВЕНИЯ

Мой разум осиян, душа в цветах,
Мне трели соловьев слышны в садах,
Над миром взмыло солнце новой жизни,
И чище стали мы в его лучах.
Сегодня славный праздник нам справлять,
Что смог народу изобилье дать,
Чтоб всех согреть от мала до велика —
Мы коммунизм в борьбе должны создать!

Пришел к нам снова праздник Октября,
Октябрь — неугасимая заря,
Цветут повсюду алые бутоны
И вдохновеньем подвига горят.
Как песня, день сегодняшний хорош,
Мир полнит радости звенящий дождь.
И, поднимая ленинское знамя,
Ты к коммунизму, Родина, идешь!

1966

¹ Известные казахские народные песни.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Конь невезуч — в байге не победит.
Джигит задирист — неумен джигит.

* * *

Тому не скучно, кто душой широк.
А тот, кто скуп, вовек он одинок.

* * *

Пойми, и сдержанность твою и прыть
Не сам ты — люди вправе оценить.

* * *

Кто со стыдом решил расстаться впредь,
Покрепче скулы должен бы иметь.

* * *

Из многих веток на стволе — одна
На рукоятку для камчи годна.

* * *

Бесхитростное чувство двух сердец
Осилит и лишенья, и свинец.

* * *

Несхожи различных акынов черты —
Так песни бывают любой высоты.

* * *

Конь гривую трясет от нетерпенья.
Поэт — от недостатка вдохновенья.

* * *

Тот, кто неглуп, не ищет зла в другом.
Кто ценит дружбу, тот не ест тайком.

* * *

Известно, у скупого нет стыда:
Скупой ворчит повсюду и всегда.

* * *

Скаун чистокровный без плети летит —
Скрывает свои затрудненья джигит.

* * *

Невежда насытится вдоволь — и рад.
Лишь редкие души над плотью парят.

* * *

Коль дочь хороша — хоть из Крыма придут.
А сын возмужал — вся родня тут как тут.

За счастьем ведут не к базару пути:
Так веру в молитве, увы, не найти.

* * *

Отвеку друзья они — труд и народ:
Дорога одна их сквозь время ведет.

1967

КОЕ-КТО...

Мы видим, как важничает кое-кто
И грудь все выпячивает кое-кто.
Мы видим и то, как над кем-то без меры
Опасно подшучивает кое-кто.
Мы видим, как в споре ни это, ни то
Не в силах порой отстоять кое-кто.
И резко, не видя в себе недостатков,
Других критикует подчас кое-кто.
Душой не вникая ни в это, ни в то,
Толкует о том и о сем кое-кто.
И дивную песню, цены ей не зная,
Весь день напевает при всех кое-кто.
Тут вырастил взрослую дочь кое-кто.
Там с кем-то соперничает кое-кто.
Коль мчится скакун
По холмам и низинам,—
Ничто не удержит его и никто.
И скачет на том скакуне кое-кто.
И в стремя вдевает сапог кое-кто.

А где-то,
Как филин порою дневною,
Сердито насупился вдруг кое-кто.
Мир — как жернова.
В нем не вечен никто,
Хоть в нем и беспечен подчас кое-кто.
В нем, ханскую дочь избирая в невесты,
Летит мотыльком на огонь кое-кто.

1967

МЫРЗАГУЛ

Наш Мырзагул — он не следит за днями,
Летающими дорогою прямой.
Он ходит за колхозными конями,
Следит за ними летом и зимой.

И семь десятков лет прожив сполна,
Любого усмирят он скакуна.

Отличные за Кулжабасом травы,
И вокруг Копы всегда они сочны.
Ыран, шалгын, изен, жусан — на славу
Оценят их в округе табуны.

И бетеге оценят.
По соседству
Вновь раздастся гул шальных копыт.
Наш Мырзагул с конями ладил с детства
И в семьдесят он ловок, как джигит.

Степи осенней тусклая расцветка.
Кобыл жеребых круглые бока.
Ухоженная, сытая двухлетка
Резвится, беззаботна и легка.

1967

О ВОДЕ

Есть на земле вода озер и ручейков,
Стоячая вода, вода из родников
Вода из облаков, вода со дна колодца...
Есть воды, говорят, на свете всех цветов.
Те — пресны, те — мутны, а эти — солоны.
Средь них целебны те, а эти вот — вредны.
Одни текут в горах, другие под землею.
Есть реки — имена их символов полны.
Название земель сродни названию вод.
Родство земель и вод в названиях живет.
Названия не зря придуманы народом.
Героев имена порой в них чтит народ.
Не тронешь струн — домбра не вздрогнет
никогда.
Аул стоит лишь там, где может быть вода.
Какие б на себя ты ни надел наряды,
Не сможешь на земле прожить ты без труда.

1969

МОЙ КАЗАХСТАН

На востоке раскинулся мой Казахстан.
Стал примером казахам Октябрь величавый.
Светом ленинской мысли мой край осиян.
Наша жизнь — это новых свершений начало.
Краше, чем Семиречье, земли я не знал,
Голубей Балхаша не встречались озера,
Потому что я далее иных не видал —
Алатау седой ограничивал взоры.
Повидал я просторы: Алтай и Урал.
О земля казахстанская! Сколько пространства!

Есть моря необъятные: Каспий, Арал,
Есть дороги — хоть век целый по свету
странствуй.

Даже камни, как золото; золото — степь,
Дали все золотые, вершины, озера...
Вот отрада душе — Казахстан мой окреп —
Благодатная сила в бескрайних просторах.
И душа у людей, как джайляу чиста,
Широка и богата, а станет богаче;
Мог ли я разлюбить дорогие места?!
Этот край воспевать с детства жребий назначен.
Я поездкой в Москву награжден за труды.
Ты пример нам, столица, мы станем учиться
И оденем свой край в города и сады —
Новой жизни заря на востоке лучится.

ПРОЩАЙ, САБИТ!

Всегда ты в ногу с веком шел, Сабит.
Мне братом был, душою всем открыт.
Ужель с прекрасным образом Сабита
Сегодня нам прощанье предстоит?!
Ты сыном был желтеющих степей,
Не поступался совестью своей.
Ты поднял шанырак¹ литературы
И стал казахам долгий путь видней.
Ты нас возвысил силой добрых рук,
Гранильщик слова и знаток наук.
Ничем утраты нашей не восполнить...
Прощай, Сабит, прощай, наш добрый друг!

1973

¹ Шанырак — купол юрты.

ВОТ И МНЕ ДЕВЯНОСТО ИСПОЛНИЛОСЬ ЛЕТ

Вот и мне девяносто исполнилось лет,
Не один мною сложен дастан,
А теперь стал я немощен, болен и сед —
Цепко старостью схвачен в капкан.
Да, я стар,
И не мне оседлать скакуна,
Чтоб объехать родные края, —
В моем сердце живет молодая страна
Вдохновляя, как прежде, меня.
Где же удаль моя?
Где же песен задор?
Разве вкус я к словам потерял?
Ведь размахом строки обнимал я простор,
Словно мир был мне тесен и мал.
Нет, мой голос акына еще не остыл,
Он еще совершает полет,
И во мне не угас молодецкий пыл,
Коль народ мои песни поет.

Тяжких лет при царизмие остались следы,
Хоть я пережил это давно —
Так живите, потомки, не зная беды —
Вам счастливое время дано.

1973

К РОДИНЕ

Гордятся песнями акыны,
Гордятся плесы лебедями,
О солнце, вставшее как знамя,
Гордись цветущею пустыней!
О Родина, всего превыше
Гордись упорством человека!
Трудом своим не он ли выжил
И повернул в пустыню реки?
Горжусь тобой, горжусь по праву,
Я жил, чтоб ты была счастливой,
Моя земля труда и славы,
И силы непоколебимой!

ПЕСНИ

СИРОТА

Я скот выпасаю
У Матибулака
(Сюда, овечки!),
Я мать вспоминаю
И хочется плакать...
Сюда, овечки!
В кошаре или у речки
Чтобы вас волки задрали
Или чума взяла!
Один, сиротою,
На свете живу я
(Сюда, овечки!),
В чапане дырявом
От стужи дрожу я...
Сюда, овечки!
Гоню по долине
Хозяйское стадо
(Сюда, овечки!),
Талкан¹ перепревший,
Как сахар, мне сладок...
Сюда, овечки!
Служу, угождаю
Хозяину-баю
(Сюда, овечки!),
О матери милой
Весь день вспоминаю...
Сюда, овечки!
На родичей наших
Надежды напрасны
(Сюда, овечки!),
Не нужен им я

¹ Талкан — толченое пшено, заваренное кипятком.

И отец мой несчастный...
Сюда, овечки!
Овца и три козочки —
Наша отара
(Сюда, овечки!),
От них молока нам
Лишь чайничек старый...
Сюда, овечки!
В кошаре или у речки
Чтобы вас волки задрали
Или чума взяла!

1913

О ЖАВОРОНОК!

Ты все поешь в небесах,
О жаворонок свободный!
А я брожу по земле,
До поздней ночи голодный.
Нет коня у меня,
Палка вместо коня,
Со стадом я в жаркий день
И долгой ночью холодной!

Когда же придет пора
Освободиться?
Скажи мне, птица!

Ночью скот стерегу —
Дрогнет от стужи тело.
Днем я гоню овец
По степи пожелтелой.
От зари дотемна
Ни покоя, ни сна...
До меня никому

Нет никакого дела!
Когда же придет пора
Освободиться?
Скажи мне, птица!

ЛЮДИ, ВЫ ПОСЛУШАЙТЕ МЕНЯ

Я, чабан из рода славного Дулат,
К вам спешил, и день и ночь коня гоня.
Я — акына Сарыбаса младший брат,
Хоть и молод — много песен у меня!
Люди, вы послушайте меня!

Я приехал, чтобы петь, друзья, для вас,
С давних пор я гость желанный на пиру.
Перед смертью старший брат мой Сарыбас
Мне вручил, как завещание, домбру!
Люди, вы послушайте меня!

Высоко кружил над скалами орел,
Широка была дорога у орла...
Под шестью жердями детство я провел¹,
В поднебесье меня песня подняла!
Люди, вы послушайте меня!

1910

В КЗЫЛКАЙНАРЕ И ШУЛЬКАЙЫНЕ...

Твой аул у подножия Курдая,
Мой аул — среди горных вершин.
Ты прекрасна, о дорогая,
Ты в красе своей — как павлин!

¹ Имеется в виду курке — вид шалаша, где обычно летом жили бедняки.

В Кзылкайнаре, а где — ты знаешь,
Мы встречались с тобой не раз.
Ты — раз в месяц меня вспоминаешь,
Я тебя — каждый день и час!
Твой аул у подножия Курдая,
Мой аул в ущелье Жартас.
О Мертай, я тебя вспоминаю,
В моем сердце огонь не угас!

В Шулькайыне, а где — ты знаешь,
Мы встречались с тобой не раз.
Ты — раз в месяц меня вспоминаешь,
Я тебя — каждый день и час!

СИВЫЙ МЕРИНОК

Подо мною меринок мой сивый,
Ни хвоста у меринка, ни гривы.
Только это, девушка, неважно —
Сам зато я веселый и счастливый!

Ох-ох, ох-ох,
Чтоб ты издох!
Давай, Кокшолак,
Шагай, Кокшолак,
Чтоб на тебя напала
Сибирская язва!

Хоть ты, байская дочь, и спесива,
В девках ходишь, потому что некрасива!
Надо мной, пастухом, не насмехайся —
И хорош и умен я на диво!

Ох-ох, ох-ох,
Чтоб ты издох!
Быстрей, Кокшолоак,
Скорей, Кокшолоак,
Чтоб на тебя напала
Сибирская язва!

ГДЕ ТЫ, ЗЕМЛЯ ОТЦОВ?

У подножия Алатау мы мужали,
Пили воду из живого родника.
От царя, от злобы царской убежали,
Только с нами — наша мука и тоска!
Увидим ли вновь
 Землю отцов,
 Землю своих отцов?

Где ты, прошлое? Где сила молодая?
Все, чем жили, чем душа была полна?
Ты прощай, мой милый край, земля родная,
Где остались братья, дети и жена!
Увидим ли вновь
 Землю отцов,
 Землю своих отцов?

1916

ШОЛПАНКУЛ, ПО ТЕБЕ ТОСКУЮ

О тебе вспоминаю, о Шолпанкул,
Соловьиноголосый мой!
Возвращайся скорее в родной аул,
Возвращайся с победой домой!

О тебе каждый миг,
Мой шутник-озорник,
Вспоминаю!

Я давно уже старый, усталый,
А ведь был совсем не таким;
Как орел, что разбился о скалы,
Возле юрты лежу недвижим...

О тебе каждый миг,
Мой шутник-озорник,
Вспоминаю!

1943

В СВОЙ АУЛ ПРИШЛА МОЛОДЕЖЬ

Скорбной думой себя не тревожь!
Радость в сердце и день хорош!
В прах врага растоптав, вернулась
В наш родной аул молодежь!
Пой, акын,
Время песен пришло!
Пой, страна,
Одoleвшая зло!

Красен молодостью наш край,
Мы ж с тобой, как сухой курай.
Но и ты, мой сверстник, сегодня
Пой — и старости не замечай!
Пой, акын,
Время песен пришло!
Пой, страна,
Одoleвшая зло!

1945

АЙТЫСЫ

АЙТЫС¹ КЕНЕНА С ШАЛИПОЙ

К е н е н:

Восседаю на куцехвостом коне.

Дочка в доме отца — гость до считанных дней,

Эй, красавицы, не поскупитесь на песни,

Рядом с вами ехать приходится мне.

Ш а л и п а:

Козы те, что пасешь ты, облезли совсем,

Если ты — мой противник, исчезни совсем,

Коль сказала, исчезни, не тужься, не пыжься,

С потрохами вонючими я тебя съем.

К е н е н:

Ястреб я, алатауский сокол-боец,

И немало разбил девичьих сердец,

Бедняка унижаешь, байская дочь,

Сесть поближе ко мне и ты ведь не прочь.

Ш а л и п а:

Над озерами пестрые утки летят,

Коз сосут пастухи, когда пить захотят,

Молоком пропиталась рубашка твоя,

Чем со мною соперничать, пас бы козлят!

К е н е н:

Дочка бая, сидящая в девках давно,

Двадцать пять тебе лет, ты красавица, но...

¹ Айтыс — публичное поэтическое состязание народных певцов-импровизаторов.

Не хвались, не кичись, что не знаешь меня,
Я пастух, у меня было девок полно!

Ш а л и п а:

В нас влюбляются юноши лет с десяти...
А пастух разве может путь к сердцу найти,
Масла желтого ты захотел, пропади,
Как вонючий козел, на моем стал пути.

К е н е н:

Но пастух ведь такой же, как ты, человек,
Придержал, тебя встретив, коня быстрый бег,
Не кичись, не хвались, что не знаешь меня,
С пастухами как будто не зналась вовек.

Ш а л и п а:

Дед твой был, эй, Кенен, босоногий бедняк,
Весь твой род не оценишь и в медный пятак,
А отец твой, бедняга, варит пищу себе,
Пас бы лучше овец, не позорился так.

К е н е н:

Шалипа, тебя дед Байбалак, о прости,
Четверть века холил, ласкал, растил,
Твои дивные, мощные, сочные груди
Не в одной побывали пастушьей горсти.

Ш а л и п а:

Перетак тебя, эй, пастух, перетак,
Провонявшие тряпки сжег бы, бедняк,
Машешь крыльями, словно слепая сова,
Извлекаешь на свет тупые слова,
Вон еда для тебя, ешь жратву для собак!

К е н е н:

Шалипа, ты зачем возмущаешься так,
Моя песня летит, как лихой аргмак,
Почему человека равняешь с собакой,
Мать растила ль тебя, как одну из собак?..¹

1898—1900

АЙТЫС КЕНЕНА С ЛАТИПОЙ

К е н е н:

Я — акын Кенен, что в Курдае живет,
Песнь, уста растворяв, устремится в полет.
Латипа, о тебе услышав, я приехал,
Твоим голосом Нижний Балхаш нас зовет.
И когда я увидел, что мастер ты,
Кровь, бурля, пробудила об айтысе мечты.
Ты — в Топарском лесу соловей-булбул,
Песню мастерски спой, как умеешь лишь ты!
Беркут я с Алатау, гордо плечи несу,
Есть ли ветвь для ночлега мне в том лесу?

Л а т и п а:

Это ты, наконец, из Курдая Кенен,
С нетерпением тебя ждала я, Кенен,
Я слыхала со стороны о тебе,
Об айтысе с тобой не мечтая, Кенен.
Из Аши приезжали Жидебай, Саутбек,
Больше им не тягаться со мною вовек,
Кайракбай, Алдибай, Кошкимбай — пять

акынов

Проиграли айтыс мне, — шестой Бейсембек.

¹ В этот момент мать девушки, ехавшая вместе с ними на той, выругала дочь за «нелитературные» выражения, остановила айтыс и вручила Кенену платок победы.

Было так, искал ты меня, ну а я
Услыхала, что прибыл ты в наши края,
Кто искал, тот нашел, кто слышал — увидал,
Что ж, давай состязаться, Кенен, как друзья!

К е н е н:

Я — акын Кенен, я из рода Дулат,
Семь дорог я прошел на восход и закат,
Брал призы, аргамаков оставив в пыли,
Хоть еще стригунком в состязанья был взят.
Не хвались, победив одних стариков.
Разве это акыны? И я разве таков?
Осторожней бросайся словами, найди
Подобающих женским устам пару слов.

Л а т и п а:

Кто боится тебя, ты ж Кенен-батрак,
Был ты просто бедняк, стал акын-бедняк,
На коне куцехвостом твоя юность прошла,
Зад истерши в седле; голодал, бос и наг.
А теперь ты, акын Кенен,— волостной,
Домбру держишь, как палку, рукою одной.
Сам себя расхвалил здесь перед людьми,
Просишь триста верблюдов в помощь.
Постой.
Почему средь казахов не нашел ты друзей,
Взял с собою в спутники рыжих людей?

К е н е н:

Латипа, ты шайтана во мне не буди,
Я ведь знал, что от слов твоих мне не уйти,
От попреков твоих никуда не уйти,
Но зачем же ты делишь на черных и рыжих,
Нам всем вместе сейчас по пути, по пути!
Я для армии триста верблюдов возьму,

Снаряженье, корм для верблюдов возьму,
Ты попробуй встать у меня на пути,
И поймешь, чего я не прощу никому.

Л а т и п а:

Эй, Кенен, не тулпар ты, а пешеход,
Твоя песня мелодией сильной берет,
Не спеши победить, можешь слов не найти,
Тогда проигрыш твой увидит народ.
Если гордый акын ты, тогда погоди,
Я такое скажу, что собьешься с пути,
Кобылицу никто еще не побеждал,
И тебе не удастся, как ты ни пыхти.

К е н е н:

Латипа, мне хотелось тебя повидать,
Твой аул у Хантау стал кочевать.
Кобылица белая мчит по степи,
Но плохой жеребец смог ее обратить.
Жеребенок от того жеребца
Не бежит, а плетется, семенит, как овца,
Может даже отстать от кочевья он,
Если не подстегнуть камчой молодца.
Ты сразила меня, удивила меня:
Длинношейей, как рукоять кетменя,
Черный, словно сажа со дна казана —
От испуга в себя приходил я полдня! —
Неужели это твой муж. Вот ведь как,
С мулом силою связан лихой аргамак.
Как ты можешь лежать рядом с ним,
Одинаковые видеть сны?
Едем с нами, едем в Алма-Ату,
Ты покажешь там мудрость свою, красоту,
За любимого замуж выдам тебя,
Сможешь осуществить ты свою мечту.

Ведь свободна дорога для женщин сейчас.
Будь разумной, не отставай от нас!

Л а т и п а:

Ей, Кенен, я подобных речей не боюсь,
Сладок мне, а не тяжек песенный груз.
Есть у каждой песни на небе гнездо,
Я советов не спрашиваю, не учусь.
Пусть мой муж недоумок, аул мой хорош,
В скором времени ты это сам поймешь.
Я, как рыба, резвящаяся в воде,
Здесь все любят меня, край мой хорош.

К е н е н:

Латипа, себе цену знать — хорошо,
Веселиться, резвиться, играть — хорошо,
Властью новой женщинам воля дана,
С нелюбимым жить мужем — нехорошо.
Вот со мною друзья — джигиты с оружием,
Идем с нами, тебя мы заботой окружим,
Если некому за тебя заступиться,
Государство тебя защитит от мужа!

Л а т и п а:

Верить этим словам нет, не стану я,
Коль поверю, от вас не отстану я,
Муженька моего ты с подводой подальше

пошли,

И другая пред вами предстану я!..
Мнит себя полноценным мужчиной мой муж,
Превратил мою жизнь в зиндан, в тюрьму,
Меня родичи выдали за него,
Но зачем я живу с ним, в толк не возьму!
Клятву кровью в белое благословенье

Не нарушу, но выкипело терпенье,
Муж дерется камчою, терзает меня.
Но добыюсь ли, добыюсь ли освобождения!..¹

***ШУТОЧНЫЙ АЙТЫС КЕНЕНА С ДВУМЯ
ЖЕНГЕ — ЖЕНАМИ СТАРШИХ БРАТЬЕВ —
БОДЕНЕ И ШАЙНЕК***

К е н е н:

Мои женге, я по вас очень сильно скучаю,
Ведь с тех пор, как аул ваш откочевал,
Жажда мучит, из рук ваших крепкого чаю,
Сидя рядышком с вами, давно не пивал.
Чем в Аксае деревья в землю сажать,
На Курдай бы вам снова откочевать!
Как здоровье скота и детей, мои милые,
Рад сегодня вас в здравии созерцать!

Б о д е н е — Ш а й н е к:

Стал начальником братец, чуется хватка,
На тебе дорогие шинель в шапка,
Ты подъедь-ка, милый, поближе к нам,
Мы обнимем тебя, захватим в охапку.
Поздравляем с избраньем тебя на пост,
Ты, оказывается, очень даже не прост,
В волостные вышел из бедноты,
В пользу бедных решать будешь каждый вопрос.
Скажешь, перекочуйте, так мы не одни,
Девяносто верблюдов дай для родни,
Сто коней дай, чьи седла из серебра,
Ста кнутами наших мужчин пригони.

¹ В тот момент находившийся в толпе муж Латипы с руганью набросился на нее, устроил скандал. Айтыс был прерван.

К е н е н:

Женеше, захотите откочевать,
В ваш аул я приеду переночевать,
У мужчин скакунов-жорга отберу,
Вас на них посажу отары сгонять!
Для скота эти земли годны испокон,
Кокорай, Иирсу — наши с давних времен,
За соседей замуж вышли, но все же
Нет родней той земли, где на свет ты рожден.

Б о д е н е — Ш а й н е к:

Государство дало вам хороший надел,
И рукам вашим много находится дел,
Плодородные земли зачем нам бросать,
Не вернемся в Курдай, ишь чего захотел!
Милый мой, подороже скота стал урюк,
Есть и яблони, груши, пшеница вокруг,
Просо, рис, а арбузы и дыни — в обхват!
А картошка какая! Поверь, милый друг!

К е н е н:

Женеше, не хотите поехать со мной,
Что ж, посмотрим, один возвращусь я домой.
Я еще навещу вас, будьте здоровы,
Но и вы приезжайте в аул свой родной!

1924

АЙТЫС КЕНЕНА С КЕНЖЕКОЖОЙ

К е н ж е к о ж а:

Мои деды — Маделй и Майлыкожа,
Мастерства моего не затронет ржа,
У меня гости пьют только желтый кумыс,
Каждый бай как акына меня уважал.

На подушках пуховых я возлежал,
Жеребенка один за обедом съедал,
Я без сливок чай никогда не пил,
Шуткой крепкой друзей валил наповал.
В те года, когда баи были сильны,
Золотые монеты, как звезды, считал,
Когда был на земле белый царь силен,
Мое имя средь сильных было имен!
Ну а ты бедняков, босяков собрал,
Баям и волостному житья не давал,
Говоря, что с богатыми мы заодно,
Нашим людям силу свою показал.
Стало трудно жить бывшим волостным,
Растворились они, как от ветра дым.

И таких, как Кенен, голодранцев сейчас
Направляют в Москву с почетом большим,
В Петроград, где когда-то царь белый сидел,
Посылают Джамбула, чтоб он там пел.
Тот, кто на ишаке объезжал аулы,
В девяноста аулах сейчас преуспел.
Пенясь, словно в сабе молодой кумыс,
Бедняки, босяки за богатых взялись.
Обгоняют их мулы лихих скакунов,
К жизни новой, неведомой понеслись.
Эй, Кенен, коль акын ты, слово тебе,
Там, где нету меня, победишь ты в борьбе,
Я — мулла, ты же — черная кость, в этот час
Мой тулпар куцехвостому жару задаст!

К е н е н:

Эй, Кожа, тебе очень прошлого жаль.
Что принес твой ислам? Лишь тоску да печаль,
Свет свободы пролился на весь этот мир,
Я с луною сравню лампочку Ильича!

Кто столетьями пил народную кровь?
Кто у баев, у ханов находил себе кров?
Вы — имамы, ходжи — народ свой губили,
Женщин в темные клетки ночей заточили...
Мне, боровшемуся в Джетысу с беяками,
Не стыдясь, обвиненья бросаешь камнями,
И людей разделяя на знать и чернь,
Много зла ты принес своими руками.
Затуманивал бедным казахам мозги,
Надувал тех, кто с просьбою шел: «Помоги!..»
Тот, кто многих надул, будет проклят людьми,
На дороге правды не стой — лучше сгинь!
Нам дорога Ленина счастье дала,
Будет жизнь счастливая наша долга,
Ездил на ишаке Джамбул, говоришь?
Ну и что? Наш Амре посетил и Париж!
Весь народ оценил его мощный талант,
Кто не знает Абая, скажи-ка ты мне?
Кюи Курмангазы гремят по стране,
Балуан Шолак, Шоже, Суюнбай,
Биржан сал, Акан, Сарыбас, Орынбай —
Знамениты, любимы в степной стороне.
Куцехвостый Кенена стал сильным конем,
Сам Кенен советским стал соловьем,
Бывший друг всяких биев, баев сейчас
Стал ты, Кенжекожа, извините, дерьмом.
Много баев вонзали в народ мой клыки,

Как волков, их прогнали свободы полки.
На манапов, на биев зло таивший в себе,
Волю гневу я дал, пальцы сжав в кулаки!
Большевистской дорогой, великим путем,
Всем народом степным теперь мы идем,
Бедняки всей планеты позабыли печаль,
И теперь мы великую правду найдем!

Над аулом неграмотным солнце взошло,
Стало бедному люду жить хорошо,
Беднякам не хватало земли и воды,
На хорошие земли жить народ перешел!
Появились колхозы, расцвели города,
Засияла над степью счастья звезда!
Если злишься, ешь соль, эй, Кенжекожа,
Не тобою земля моя нынче горда!

К е н ж е к о ж а:

Были люди — пророк, ходжа и мулла,
К райской жизни веры дорога вела,
Баи строили много мечетей вокруг,
Съездить в Мекку — мечта их святая была.
Ты Абая с Джамбулом расхваливал здесь,
А скажи, что от предков святого в них есть?
Биржан-сал, Акан и Курмангазы,—
Об адаях, аргынах чужих твоя песнь.
Балуана, Шоже и Суюнбая,
Сарыбаса, Тубека и Орынбая
С белой костью не сравнивай никогда,
Не из золота они, а пусты, как вода.
Майлыкожа, Мадели — я их ученик,
Песней, кюем укорочу твой язык,
Из домбры извлеку слов чистый мед,
Черный белым не станет, как бы ни был велик!

А еще я, Кенен, тебе вот что скажу,
С бедняками, как ты, никогда не дружу.
Что равняешь с мужчиной женщину ты?
Бабам надо из кожи хорошей вожду.
Перепутал ты грязное с чистым, бедняк,
С пути верного сбился, не вернешься никак.
На том свете гореть тебе в огне,
А в раю среди гурий счастливым быть мне.

Ты богатым не станешь во веки веков,
Я тебя уничтожил, ты спекся, готов.
Что распелся, как курица до утра,
Не дождавшись рассвета петухов!

К е н е н:

Уступил ты мне слово, Кенжекожа,
Разозлился, в истерике злобной визжа,
По утрам ты талдычишь: «Алла и алла!»
С минарета кричишь, будя всех.
Словно черная птица на белом снегу,
Если кто-то вдруг умер, бежишь: «Помогу!»
И, боясь опоздать, шепчешь суры, кожа,
Вычисляя барыш от молитв на бегу.
Если кто-то вдруг умер, счастлив мулла,
Он ведь деньги получит, Аллаха моля,
Не даете покоя несчастной семье,
Барыши от помолвок меж собою деля.
Не дадут — тогда злитесь, проклятьем грозя,
Не платить, говорите, муллам нельзя.
И последнюю лошадь зарезать велите,—
Что сиротская горькая вам слеза?!
Поминальных семь дней, а потом — сорок дней
Надо сделать, твердите несчастной родне,
А в священную пятницу жрете досыта,
Словно волки, шакалы — все: «Мне, мне и
мне!»

Так нельзя, тебе скажет ребенок любой,
В людях вечной должна быть память и любовь.
И к чему оно — ваше знание молитв!
Как вы не расшибете об пол своих лбов!..
Ты столкнулся с акыном, любимым народом,
Угодил ты в капкан, помолился о свободе,
А хвалился, как будто научишь меня
Песням предков, козел ты седобородый!

Я тебя разозлил, победил, а струна
У домбры моей песней бодрой полна.
Я — народа казахского соловей!
Я — поток, с гор летящий, ты — капля одна!

1938

КЕНЕН И БОПИНА

К е н е н:

Бопина, я приехал на славный той,
Не вмещается радость за пазухой — пой!
Я подарок привез, принимаешь его?
От души мой подарок, пусть он простой.

Б о п и н а:

Я приветствую вас, дорогой Кенеке,
Коль вы здесь, значит, радость невдалеке,
Бахытжан вот родился, будь счастлив акын!
Коль вы здесь, значит, рядом прок-береке.

К е н е н:

Вот сидит, врага победив, Жарылгап.
Десять лет прожила, его писем прождав,
А теперь собрала три района на той,
Угощение на празднике доброе дав.

Б о п и н а:

Сердцем чуяла ваши слова, Кенеке,
Когда видела вас на коне вдаль —
Молодуха бежала встречать на мосту,
С нетерпеньем ждала вас, родной мой коке.

К е н е н:

Дом красив, коль в красивых кошмах стена,
Красота молодухи по кольцам видна,
Девять лучших невесток есть у казахов,
В их числе ты по праву слывешь, Бопина.

Б о п и н а:

Кенеке, на чубаром сидите коне,
Борода ваша белая нравится мне.
То, что я говорю,— легковесно по-бабьи,
Словом мудрым известны вы всей стране.

К е н е н:

Бопина, разве шуток не понял я?
Разве им не смеялся, разве их не стерпел?
Ты, как лебедь на озере, сокол — я,
Как за крылья схвачу твои, будет тебе!

Б о п и н а:

Кенеке, твоя лошадь — лучших кровей,
Из верблюжьей шерсти шекпен себе сшей.
Время шуток прошло, скажи, дорогой,
Есть ли письма от двух твоих сыновей?

К е н е н:

Бопина, задала ты учтивый вопрос,
Он до сердца проник, до души он пророс.
Писем нет, нет вестей от обоих пока,
Неизвестно, что с ними на фронте стряслось.

Б о п и н а:

Сыновья возвратятся с победой и песней,
Кенеке, пусть же вас не тревожит безвестность,
У собравшихся просьба большая к вам,
Просят люди, чтоб спели вы «Девять невесток».

К е н е н:

Если просят, спою вам про девять невесток,
Чтобы их отыскать, я объездил окрестность.
Девять лучших невесток трудно найти,
Обращенье мое было девушкам лестно.
Задавал я вопросы им не простые,
Удивленно взметались брови густые,
В каждом слове ответа двоякий скрыт смысл,
Не глупы молодухи, невестки степные.
Чем женге, интереснее будет невестка,
Рядом с нею найти хорошо себе место,
Она чай ароматный в пиалы разольет,
Наслажденье такое не многим известно.

Как сощурит свои искрометные карие,
Пропадает вялость, унынье, усталость.
Будто выпил горячей бараньей сорпы,
Разольется нега по телу у старого.

Молодуха, не думай, что старый Кенен
Не заметил с годами в себе перемен.
Я резвей молодых и глупых куланов,
Не ищу для себя среди юных замен.

Как невестка мясо на блюде вносила,
Прибавлялась в мужчинах мудрость и сила,
Для мужчины хорошая баба была,
Как стальному ножу кремневое точило.

У меня ни спина не согнулась, ни шея,
Ждет акына в ауле любом уваженье,
Хоть пошел седьмой десяток Кенену,
Не изменит к невесткам он отношенье!

1944

ПОЭМЫ

АЛИ-БАТЫР¹

Вам в стихах повествую, дети мои!
В этой повести — свежесть чистой струи.
Поучительны сказы о прежних днях.
Сам изъездил я прошлого колеи.

Был шестнадцатый год, и война велась,
И пришел в Семиречье царский приказ:
«По джигиту — от каждой четвертой семьи!»
Вот какая беда в ту пору стряслась.

Воля царская людям внушала страх.
Горе царский приказ посеял в сердцах.
От судьбы незавидной в горы уйти
Все решили тогда, киргиз и казах.

Тех, кто силы умеют объединить,
Беспощадными карами не сломить.
Ждал чужую затею дружный отпор,
За детей своих кровь поклялись пролить.

Бий² дрожал и правитель дрожал волостной,
И на них ведь пошли бедняки войной!
Взяли в руки оружие люди труда,
Шел народный их гнев по степям волной.

Встал над всем Семиречьем дым мятежа.
Власть утратили царские сторожа.

¹ Али-батыр — (Али — имя, батыр — герой) — один из организаторов восстания казахов бывшей Семиреченской (теперь Алматинской) области в 1916 году.

² Бий — судья.

Вел киргизов Канат¹, отважный батыр,
Кинул клич боевой он, знамя держа.

А казахов под Верным вел конник Али:
Молодые во множестве с ним пошли.
Гневом вспыхнули взоры смелых бойцов,
Гибель слугам царя их пули несли.

Горе мирным родам на плечи легло.
Тучей кряж Алатау заволокло.
Все живое с предгорий и из степей
Вдаль от теплых зимовок в горы брело.

Чтобы смуту унять, к себе генерал
Волостных и аульных биев призвал.
От мужчин — и юнцов и зрелых мужей —
От семьи, от работ оторвать приказал.

Бии этот набор взялись провести.
Власть богатых у биев была в чести:
Стали бедных со всех волостей сгонять —
Всем теперь, мол, повинность надо нести.

Но народ отказался муку терпеть,
Ладить с теми, чья свистнуть готова плеть:
Уничтожили списки призывников,
Волостных излупили, чтоб знали впредь.

Общий список мелькнул у Али в руках
И, сгорев на костре, превратился в прах.
Вдохновил молодежь поступок такой,
И у старцев он отклик нашел в сердцах.

Чуть лишь стал наш Али вождем мятежа,
Вышел воин по имени Алкожа

¹ Канат — один из руководителей восставшего киргизского народа.

И поклялся, кинжал к губам приложив,
Не щадить своей жизни, правде служа.

Много юношей тут же к Али стеклось,
Много смелых среди пожилых нашлось:
Дружбу славили, песни слагая вслух,
Да и сам не пошел я с народом врозь.
В Иргайлинской был волости бий Баймен¹.
Испугался он грозных столь перемен:
Этот верный прислужник царских чинуш
Трясся зайцем под плотной защитой стен.

Кто свою, говорят, охраняет честь,
В том уже половина доблести есть:
Что Алжан с Нусыпбаем помочь спешат,
До Али долетела с Курдая весть.

Нусыпбай был орлом в восемнадцать лет.
В Улы жузе² оставил он яркий след,
И не менее памятен всем родам
Нусыпбаев прославленный храбрый дед.

Внук, на смену ему, молодцом подрос.
Был он смугл, у него был с горбинкой нос.
Мог обвить он вокруг уха свой черный ус.
Мог, должно быть, плечом он сдвинуть утес.

Не дрожа, под огнем он выстоять мог.
Жарким словом сердца молодежи он жег.
Этот воин стал правой рукой Али,
Стал при нем, как могучего кряжа отрог.

На возможность для ближних добыть права
В них, в обоих, надежда была жива;

¹ Баймен — Иргайлинский волостной управитель.

² Улы жуз — Старший жуз — одно из трех основных племен казахов.

Спать спокойно мешали им стоны тех,
С кем расправились царские пристава.

Многим сесть — и надолго — пришлось в седло.
Многим бремя войны на плечи легло.
Сами в кузнях мечи ковали себе,
Стало впятеро больше клинков число.

Это воинство, лишних не трата слов,
Раздобыло оружие всех родов;
Крепко стиснули древки секир в руках;
Был у каждого снеди запас готов.

И тряслась волостная бийская знать:
Не могли от себя грозу отогнать;
Сон утратили, чуя народный гнев;
Чем бы — думали — смуту сразу унять?

Ими посланы были к властям гонцы:
Ждут картечи, мол, явные подлецы;
Мол, не вредно по сброду царским штыкам
Прогуляться без жалости и ленцы!

Бии ждали карателей, как гостей,
Ждали царских жандармов из крепостей,
А в Коп¹, не щадить свою кровь клянясь,
В то же время восстали пять волостей.

Штурмом пост Чемолгана² взял Бекбулат.
Вскоре был Каскелен восставшими взят.
И в Кортэ³ и в Ботпае⁴ вспыхнул мятеж,
Грозно множился, рос у Али отряд.

¹ Коп^а — название местности.

² Чемолган — название местности близ г. Алматы.

³ Кортэ — название населенной местности.

⁴ Ботпай — один из родов Старшего жуза.

Весь Кастек разожгли Мақыш и Сатай¹,
Всколыхнулся в те дни Шапраштынский край,
Сжег отряд, что напал на Узун-Агач,
Дом жандарма (не скажешь, что невзначай).

А к тому же пятьсот с берегов Или
Дал бойцов и Майсап батыру Али;
Рати десяти тысячной дружный шаг
Слышен был, сотрясая недра земли.

Волновались в Токмаке², восстал Жаныс³
Род за родом немедля отзывались:
К Жалайиру примкнул Албан-Суан,
И по-братски их всех поддержал киргиз.

В горы бии бежали и весь их сброд.
Страшен был этим трусам гневный народ:
Где могли, они резали мирный люд,
Тех, кто, столько трудясь, давал им доход.

Богачей, тунеядцев, местную знать
Не успели повстанцы в горах догнать,
Только почту сумели перехватить.
Да с грабителя пристава голову снять.

Слух дошел: генерал направил войска,
Он младенца растопчет и старика...
Но повстанцы их ждали, духом сильны!
Встреча с царскою сворой была близка.

Местом встречи кровавой стал Колкамыс.
Там снаряды и пули тучей неслись.

¹ Мақыш и Сатай — участники восстания.

² Токмак — название местности в Алматинской области.

³ Жаныс — один из родов, населявших бывшую Семиреченскую область.

Силам вражеским счету, казалось, нет.
Дым пальбы пеленой над степью навис.

Стало ясно повстанцам немного спустя —
Против пушек бессильно природы дитя,
Но пришлось им, сказав «Коль разделся —
плыви!»,
В битву кинуться, голову очертя.

Беспощадная смерть косила людей.
Для нее было много открыто путей.
Смерть взимала, царю служа, дань,
С каждым часом борьбы становясь лютей.

Отступили повстанцы, но, силы собрав,
Снова в бой устремились: он был кровав.
Грозно рывкали пушки. Стонала степь.
Погибали защитники собственных прав.

Но казался безмерным отваги запас.
Тридцать лет было мне в тот памятный час,
Как воинственной песней «Вставай, народ!»
Я, по мнению товарищей, скалы потряс.

Сел уездный каратель в седло,
А за ним поскакал солдат;
Оба — с шашками наголо,
Всякий, дескать, был виноват.
Не манил убийцу ночлег,
Нетерпением он был объят:
Старцев, женщин, детей, калек,
Всех рубили они подряд;
Все равно, что казах, что киргиз:
Погибали и стар и млад.
Царский ставленник, блюдолиз,
Жаждал пристав-палач наград:

Горла всем бы он перегрыз,
Лишь бы знатен стал и богат.

К нам — «уездный!» —
и вширь и вдаль
Тучи страшную весть несли.
Несся пепел сожженных юрт
Над простором голой земли.
Многих, сгубленных палачом,
Наспех беженцы погребли.
Не жалея голов своих,
Люди прятали след Али.
Кровь и слезы мирных людей
С гор стремниной бурной текли.

Отсидеться от царских слуг
Предстояло в расщелинах скал.
Друга сирый оплакивал друг,
Мать с отцом ребенок искал.
Скот бродил без хозяев вокруг
И унылую степь окликал.
Псы рычали, отбившись от рук;
Осмелевший, рыскал шакал.
Люди путь держали на юг,
Ветер след их песком засыпал.
Даже землю терзал недуг,
Пристав ею, и той помыкал:
Заменяя шашкою плуг,
Весь уезд он, как будто, вспахал.

Покидая родимый край
И свои оставляя следы
Средь песков, лишенных воды,
И киргиз и казах от беды
Уходили тогда в Китай.

Опустели подножия гор,
Не трещал веселый костер;
К перевалам, в объятья нужды,
Под нависшие горные льды,
Царской воле наперекор,
Уходили, прервав труды,
И тащились, ночью и днем,
Даже старцы скорбным путем.

При поддержке пяти волостей,
Выбрав самых отважных людей,
Ждал Али продолженья борьбы.
Кладь легла на верблюжьи горбы,
Люди выгнали в степь лошадей,
И, под звуки ружейной стрельбы,
Жирный бий содрогался, злодей.
Люди двинулись в Бестамак,
На Кантау и в Кызылкум,
Чей уклад суров и угрюм,
Где не выдержит даже степняк,

Где, как в море, вода солона,
Где не травы — колючка одна,
Где прокормится только верблюду...
Здесь мерещился людям приют,
И была их надежда сильна,
Что жандармов сюда не пошлют.
Но, надеясь на царских чинуш,
Бии-трусы в мятежную глушь
Не желали со всеми уйти,
Ведь с народом им было не по пути:
Никого не хотели щадить.
Лишь бы приставу угодить,
Перед этим страшилищем лебезя,
Перед ним, как тени, скользя...

На восставших своих земляков,
Оставаясь сами в тени,
Наговаривали они,
И солдатам проводников
Заменяли в те грозные дни.

Разыскать Али-храбреца
Еркебай и Султан взялись:
Волчьим блеском глаза их зажглись;
Бии, рыская без конца,
Только без толку извелись.
С Ажибаем Баймен, между тем,
Многих вызвали на допрос,
Но народ был стоек и нем:
На восставших друзей не донес.
Чтоб вернуть оставшимся речь
И заставить их выдать Али,
Бии стали пожитки их жечь,
Но упорства сломить не могли.
Биев пристав, меж тем, подгонял,
Их свирепствовать заставлял
И, бранясь, при том уверял,

Что по ним прогуляется кнут,
Если только Али не найдут,
И что сам он из бийских бород
Вывет волосы по одному...
Бии кланялись низко ему
И клялись, что смирят народ.

В это время тайным путем
Шел Али с отрядом своим:
По ущельям он шел глухим,
На Кульджу совершил подъем.
Он к холодному роднику,

Называвшемуся Мати,
Он подножию вершины Ку,
Свой отряд спешил довести.

Он уже Кадыра достиг,
Где Курдай вершины вознес
И где дикие скалы воздвиг.
Над ущельем навис там утес:
Был суровым и мглистым утес,
Там Али свой отряд укрыл,
Чтобы враг не пробрался в тыл.
Там, с подзорной трубой в руке,
Он глядел внимательно вниз
И в нее разглядел Колкамыс:

Он приметил солдат вдалеке,
Он своих неприятелей увидал,
Беспощадных карателей увидал.
Он с бойцами как их глава
Посоветовался сперва,
На две части отряд разбил
И, оставив одну под горой,
Незаметно, с частью второй,
К смелым действиям приступил:
К зимним пастбищам начал поход,
Где бежавшие впопыхах
Все оставили не местах;
Там собрал он брошенный скот,
И, куда было темно,
На верблюдов навьючил зерно —
Одногорбых он нагрузил
И двугорбых при том не забыл
И, вдобавок, на триста телег
Навалил запасы еды
И пошел по долинам рек

Вдоль безлюдной горной гряды...
Шел он сутки и увидал
Затерявшийся бедный аул:
Долго думать Али не стал.
Он туда с дороги свернул,
Он мешки с телег поскидал
И впридачу верблюдов дал.
И народ, что пред тем голодал,
Восхищенно руками всплеснул.
Тут Али к Мати-роднику
И к подножию вершины Ку
С пятисотенным войском свернул.

Подъезжая к вершине Ку,
Увидали повстанцы гонца:
Утомленного жеребца
Осадил он на всем скаку
И сказал, что ищут Али,
Что солдаты случая ждут,
Что жандармы за ними идут
И что след повстанцев нашли,
И что бии сотням врагов
Заменяют проводников.
Взор Али тогда засверкал;
Свой кинжал он поцеловал;
В ожиданье новых вестей,
Разделил он на пять частей
Пятисотенный свой отряд
И, возглавив пятую сам,
К остальным обратился друзьям:
Пусть, мол, старшему подсобят,
Подсобят с четырех сторон,
Если встретит противника он!

Алкожа, и с ним Кыргызбай¹,
Будут ждать в засаде врагов,
А Майсап, и с ним Нусыпбай,
На подмогу придут с боков;
Будет также в засаде Алжан,
Должен вырваться сзади Алжан,
С тылу бросить сотню свою,
А меж тем, в лобовом бою
Сам Али будет бию мстить
И с уездным счеты сводить,—
Ведь за то, чтоб его землякам
Не грозила царская плеть,
Он, идя навстречу штыкам,
Не боялся в бою умереть...

Был гнедой его с лысинкою на лбу.
Им делить предстояло судьбу:
На него с оружием сев,
Клятву воина храбрый Али,
Чтобы звезды ему помогли,
Дал торжественно, нараспев,
И покрылся шкурой козла,
Чтобы в битве ему помогла.

Конь под ним волновался гнедой,
Конь с отметинкой белой на лбу.
Он породы был непростой,
Отличал от грома стрельбу.
Можно было, его оседлав,
Устремиться в битву на нем.
У него был горячий нрав.
На лету он прыскал огнем.
Он копытами камни дробил.
Он с горы спускался стрелой

¹ Кыргызбай — друг Али-батыра, один из руководителей восстания.

И взмывал над неожиданной скалой.
По три дня не ел и не пил,
По три дня не дремал он порой...
Кто такого видел коня?—
Хвост — как шелк, что пойдет на халат,
А копыта — шире лопат,
А хребет — прочней кетменя!
Жила каждая — как канат,
Взгляд пугливый — жарче огня,
Уши — каждое, как кинжал,
Жир в два пальца под шерстью лежал...
Впрочем, хватиг коня рисовать!
Будем дальше повествовать.
Вот уже, пройдя Отынды,
Приближаясь к вершине Ку,
Царских слуг шагают ряды! —
Пули в сумках висят на боку,
Штык равняется по штыку...
Их ведет Баймен-сатана,
Их судебный ведет старшина.
Старшину Али уследил,
Впереди приметил его
И как следует встретил его:
Он винтовку свою зарядил,
Своего гнедого взнуздал,
На стальных стременах привстал —
И «Удачу, судьба, ниспошли!» —
Львиным голосом крикнул Али.
Воздух долго от клича дрожал:
Клич был каждой скалой повторен;
Он деревья вокруг раскачал,
Хвоей был и листвой повторен.
Выстрел, следом за ним, прозвучал:
Он был с силой тройной повторен...
Этот выстрел Баймена сразил,

Пламя жизни в нем погасил
И с коня бездыханным свалил.
Закричали со всех сторон
Притеснители мирных племен
И не знали, куда им стрелять,
Штык и пулю в кого направлять.
Врассыпную пустились они,
Пробил час жестокой резни,
В рукопашную драться пришлось,
Пики тыкались прямо и вкось,
В ход у здешних дубины пошли,
На изрубку спины пошли,
В битве счастье за голью пошло,
С беднотой на приволье пошло.

Сам Али, как голодный волк,
Смело врезался в царский полк:
Свежей кровью себя он омыл
И, хотя уже ранен был
И хотя наступила ночь,
Но с того, кто убийцей слыл,
Голова не слетела прочь:
Скрылся пристав, и след простыл,
На расправу его поволочь
Не сумел отважный вожак...
А заря ускорила шаг,
А за горы месяц уплыл,
И лицо свое день открыл,
И карателей гнали, кроша,
С бийским сбродом, взятым внаймы,
Через горы, через холмы,
Прямо в сторону Балхаша.
Кыргызбай преградил им путь,
Не дал в сторону им свернуть.
Нусыпбаевы скакуны

Налетели со стороны,
И свинцовый низвергся град
На карателей из засад.
И Алжан, Али побратим,
Что хитер был и неуловим,
В то же время ударил по ним:
Захватил он жандарма в бою,
И за гнусную хватку свою,
За страдания бедняков
На одном из сосновых суков
Тот у бездны повис на краю.

После этого первого успеха, одержанного повстанцами, Али решил искать свою семью. Он рассчитывал, что успеет вернуться к своим товарищам, до того, как из города Верного (нынешний Алматы) вышла бы новая карательная экспедиция.

Помощь храбрых Али отверг,
Кыргызбая лишь взял с собой:
Он, как только закат померк,
Удалился горной тропой.
Снег вершин белел позади.
Ныло сердце у мужа в груди.
Все желали счастья ему:
Пусть найдет, мол, в родном дому
Им оставленную семью!
Он скакал сквозь ночную тьму,
Приближаясь к родному жилью;
С Кыргызбаем летели вдвоем,
Словно две падучих звезды,
И терялись во мраке следы,
И, хоть крут был горный подъем,—
Не смущаясь неторным путем,
Конь пластался рядом с конем,
Словно выдры под гладью воды.

Так скакали всю ночь напролет,
Но, закончив к утру перегон,
Видят — пусто со всех сторон,
Пепелище их мертвое ждет...
Ничего, кроме голой земли,
Не нашел бедняга Али!
Разыскал он в степи людей,
О своей семье расспросил,
От услышанных здесь новостей
Пуще прежнего загрустил:
Брата, сына, дочь и жену,
Даже дядю пристав угнал...
Как узнать — томятся ль в плену,
Иль совсем их враг доконал?
Трудно горе такое снести!
Грудь горит от сердечных мук,
Трудно силы в душе найти,
Все выскальзывает из рук...

С наклоненною головой,
Озадаченный, сам не свой,
Не желая глядеть на мир,
Сокрушался Али-батыр:
«Жаль, что в битве я не погиб!» —
Вместо голоса — только хрип,
Словно был простужен Али.
Словно был недужен Али;
Икусал он губы себе,
Кровь по нижней стекает губе,
Слезы сердце батырское жгут,
В два ручья по щекам текут;
Не владеет во рту он сухом
Онемевшим своим языком...
Подошел к нему Кыргызбай
И сказал: «Тебе тяжело;

Не скажу, поправимо ли зло,
Но что муж ты, не забывай!
Кто рожден отчизне служить,
Должен многое пережить.
Кто воюет скорбя и мстя,
Воевать не будет шутя,
И отрада, стало быть, есть:
Это — право на грозную месть!
Жаждой мести святой горя,
Ты не дашь прихлебалам царя
Подводить под розги и кнут
Бедняков, что в”степях живут.
Так что незачем даром стоять
И бесценное время терять!
Надо нам вернуться к своим
И оттуда к палаткам чужим
Молодца на разведку послать,
Иль самим нам туда поскакать,
Чтоб узнать, нет ли пленных там,
Полных дум сокровенных там,
Чтоб искать надежных путей
Для шагов дерзновенных там
И чтоб угнанных жен и детей
Можно было вернуть очагам.
Я другого совета не дам».
И слова Кыргызбая дошли
До горящего сердца Али:
Стиснул зубы Али-смельчак.
Надо вскачь понестись натошак,
Во взметнувшейся скрывшись пыли!
А под ним, словно споря с бедой,
Белозвездчатый резвый гнедой
Так и этак пробовал шаг.
И сказал себе воин: «Простись,
Перед тем как назад понестись,

С тою степью, где мирно пастись
Мог недавно твой гордый конь!.. »
Полыхал в его сердце огонь:

«Так прости ж,— сказал,— отчизна моя,
Где ребенком ходить научился я! —
Ты не можешь, отчизна, поведать мне,
Где теперь моя угнанная семья...

Где теперь мои сорванные ростки?
Где со смятыми крыльями мотыльки?
Хлеб мой горек, и горько мое питье,
Рвется сердце скорбящее на куски...
Где теперь мои дети найдут жилье?
Не зачахнут ли с голода и тоски?

Я у круч Алатау с братьями рос,
Где, струю низвергая, поил нас утес,
А теперь мои братья в плену у врага,—
Их порыв несчастливого ветра унес!

Ополчился я сам на царский приказ,
Я призывом к восстанью сердца потряс.
Вору приставу голову снес долой,
Но себя от беды при этом не спас.

Я бездомному псу подобен теперь,
Я — над пеплом очажным скулящий зверь...
Жаждой мести горя, или смерть приму,
Или верх одержу, не страшась потерь!

Чтобы ставленник царский, злодей и плут,
Не сплетал для народа коварных пут,
Нужен мудрый нам друг, наставник и вождь,
Тот, кого среди русских Ленин зовут.

Я слышал, что воспрянет с ним беднота
С ним связать наши судьбы — моя мечта.
Я пошел бы за ним и на край земли,
Но дорога к нему — царем занята.
Жгучим пламенем скорби душа горит,
И кровавая дымка в глазах стоит,
И не может понять тебя друг до конца,
Если сердце не собственное болит.
Кто лишился детей, опоры отца,
Вот кто жизнью своею не дорожит!» —

Так сказал он, и снова на перевал
На гнедом белозвездчатом поскакал.
Кыргызбай был с ним рядом, друг, что ему
С восьмикратным искусством в беде помогал.

Колкамыса достигли вскоре они,
Где, быть может, сыскался бы след родни...
Было за полночь. Месяца лился свет.
Спешась, всадники крались, прячась в тени.

Стали слушать, чем дышит враждебный стан:
Из-под воза облаял их пес-полкан;
Сонный, носом клевал в полутьме часовой —
Было бы можно бесшумно взять на аркан.

Спали в стане солдаты, словно сурки, —
Неопасны теперь их были штыки!
Их не больше, чем тридцать, было всего,
Прочих в город вернули — в роты, в полки.

Два повстанца весь лагерь пешком прошли,
Сразу — как поступить — решить не могли,
А пока — чтоб не видел их часовой —
Залегли средь обоза, словно кули.

Кыргызбаю сказав «подожди здесь, друг!»,
Красться начал Али мимо царских слуг;
Он страдальческий стон услышал во тьме,
Неожиданный этот смутил его звук.

Пядь за пядью, как делают пластуны,
Продвигался Али при свете луны.
Он был смел до безумья, как тот орел.
Чье потомство он добыл бы с горной стены.

Пядь за пядью, как делают пластуны,
Полз, и сердце дрожало дрожью струны,
И не мог охладиться пылающий лоб
На ветру, что ласкал прохладой волны.

А стонал умиравший юный Джапар,
Брат Али,— поразил его сабли удар...

Средь репья он, закованный в кандалы,
Обречен на одну из тягчайших кар.

Пролил слезы Али над братом родным,
Он склонился над ним, над еле живым,
Лоб, как нежная мать, ему целовал,
Освежал ему рот черпком ручьевым.

И в надежде на то, что очнется брат
И расскажет, где пленных детей томят,
Прижимал его к сердцу долго Али,
Ждал, что сила и молодость победят.

Лишь тогда, как проснулся, алея, восток,
Стал по силам Джапару легкий кивок,
И зубами он скрипнул, брата узнав,
Скрипнул так, словно был на зубах песок...

Не осталось в израненном теле сил,
Приступ огненных мук лицо исказил,

Кровь блеснула на звякнувших кандалах,
И, с трудом, умиравший заговорил:

«Наш отец был пытаем и умер от ран,
Кулипу волостной угнал атаман.
Срезав косы, тащил за конским хвостом,
Пешей гнал, ей на шею накинув аркан.

Сын Баймена в той шайке был верховод,
Что у нас отобрала последний скот...
А за то, что я выдать вас не хотел,
Я исколот ножами биев-господ.

Брат! Пришла моя смерть, меня не спасти,
Но за гибель мою врагам отомсти!
Мало жил я, но знаю — вслед за тобой
Я к свободе по верному шел пути...» —

И откинулся навзничь юный Джапар,
И погас навсегда в груди его жар,
И Али, его труп на себя взвалив,
С ним пополз под извилистый глинистый яр.

Встретя их, Кыргызбай слезу уронил
И Джাপара, вздыхая, похоронил;
Брат, Али, над могилой погоревал
И, немедля, расправу с врагом учинил.

Сев по седлам, на лагерь, смерча грозней,
Оба друга напали из-за камней:
Нападая, глазами сверкнул Али
Ярче, кажется, всех возможных огней.

«Если в битве,— вскричал он,— лягу костями,
Их как дар мой посильный, отчизна, прими!
Я обрушен, как меч, на вражеский стан
Тенью брата и угнанными детьми!» —

Белозвездчатый прянул под ним гнедой,
Кыргызбай свой добавил натиск крутой,
С двух сторон оглушили лагерь они,
Словно волки, что душат дружной четой.

Совершась, как неожиданный горный обвал,
Сны солдатские этот набег прервал;
Он врагам растерявшимся гибель нес,
Промах редко клинок в этот час давал.

Но и мститель ужален пулей шальной:
В руку ранен Али... что делать с одной?
И гнедой белозвездчатый от солдат
Истекавшего кровью умчал стрелой.

Пастбищ, с детства знакомых, батыр достиг.
Кровь его даже в конский проникла потник.
Он заметил, что нет Кыргызбая при нем,
И об этом забыть не мог ни на миг...

Но и тот за Али добрался вослед,
Только места живого на теле нет:
Девять ран огнестрельных, и все же — жив!
Так их кони спасли их для новых бед.

Удалось и помыться, и кровь унять,
И, как прежде, трубу подзорную взять,
И, в нее поглядев, увидел Али:
Кто-то к ним, вдоль оврагов, скачет опять...

Кто и с чем и откуда, им невдомек,
А от мыслей недобрых с виду далек.
Ждать решили, не прячась, но и следя,
Как бы все же в ловушку их не завлек.

Это выслан гонец был за ними с гор:
Дни и ночи скакал он во весь опор.

О бежавших кочевниках он рассказал,
Сообщил, что грозят им голод и мор.

Стало холодно, зябли, мол, стар и мал,
Распрей дух, мол, с сородичей дань взимал.
Этот слух, занесенный посланием с гор,
Двум батырам сердца мучительно сжал.

Как не знать им о лютости горных зим!
Как не знать, что могуч мороз-нелюдим!
Кыргызбай и Али, чуть-чуть отдохнув,
Поскакали в предгорья к собратьям своим.

С тигром раненым схожий, батыр Али
Поглядел на сидевших в горной щели,
Всех собрал и пред ними речь произнес,
И слова его доводом веским легли:

«Молодежь! Старики! Не ваша вина,
Что с царем непосильна для нас война.
Нет припасов у нас, и винтовок нет,
Нет коней, что носили бы стремяна.

Надо двинуться в путь, не сетуя, вам,
Надо пищу иметь согретую вам,
Надо вам малышей от стужи спасти,
Я вернуться назад советую вам!

Вы три месяца жили при горных снегах:
Это видно на детях и стариках...
К вам приедут из города, скажут — «домой!» —
Не противиться ж вам, с детьми на руках!

Из Ташкента чиновник едет старшой.
Расположен к вам, якобы, всей он душой,
Вас не будет наказывать за мятеж,
Это,— скажет,— проступок не ваш, чужой.

Вы тогда на меня свалите вину —
Это он, мол, восстанья поднял волну!
Вас, и старых и малых, прощенье ждет,
А уж я без прощенья в сторонку сверну.

Скоро, может быть, вновь увидимся мы;
Может быть, и не позже исхода зимы:
Дело в том, что свободу людям несут
Большевистских вождей сердца и умы.

Дело в том, что вернулся Ленин-батыр:
Он избавил народ от царских секир!
Говорят, что и здесь его можно ждать
И что в честь его будет праздничный пир...»

Веря слову Али, народ ликовал,
Слезы радости, слушая, проливал.
Как велик этот Ленин! — думалось всем, —
Никогда еще мир таких не знал!

Кыргызбай с Нусыпбаем и Алкожа
И с Алжаном Майсап, поводья держа,
Пожелали отправиться за Али,
За вождем Иргайлинского мятежа.

Как сквозь стадо, под звуки воплей сплошных,
Шесть батыров, на чалых и на гнедых,
Проскакали, чтоб стяг большевистский искать,
Сквозь толпу, на просторы далее степных.

Они прискакали в город Верный и остановились
на окраине, у одного из родственников Майсапа.
На них донесли, и дом, где они жили, был окружен
жандармами и солдатами. Началась перестрелка, при
которой погибли Нусыпбай и Майсап. Остальные были
схвачены, избиты и брошены в тюрьму. Следствие,

«розыск» по их делу вел некий Павлов, который оказался под-польным большевиком, чего участники мятежа не знали. Он всеми способами старался оттянуть рассмотрение дела.

Угрюмо батыр Али
Под крепким сидит замком;
Израненный Кыргызбай
С отчаяньем не знаком;
Владеет еще Алжан
Увесистым кулаком,
И всех Алкожа-певец
Былинным бодрит стихом.

Батыры сидят в тюрьме
Под гнетом тяжелой мглы;
Им ноги и руки жмут
Железные кандалы;
Им Павлов чинит допрос,
Вопросы острее иглы;
Али на царскую власть
Не сдерживает хулы
И, зная, что близко смерть,
Он тверже любой скалы.

Али у стола стоит,
По виду совсем больной:
Осунулся он, увял,
Оброс он волос копной;
Вкруг ног у него, вкруг рук —
Волдырь от цепей сплошной...
Допрашивает Али
Нахмуренный розыскной:
«О чем,— говорит,— мечтал?
Мне все,— говорит,— скажи!
Кто сеял, грозя царю,

Народные мятежи?
Не вам ли на благо степь
Дана без всякой межи?
Тебя наказание ждет —
Покайся или дрожи!»

Из горла бунтовщика
Исходит чуть слышный хрип:
«Твой царь у своих рабов
Решимости не отшиб:
Насилие в их быту
Засело, как в теле шип,
Но людям не по душе
Безмолвие жалких рыб!
С тулпаром в родстве скакун,
А коршун — в родстве с орлом.

Не стану теперь скрывать:
Мы слышим великий гром,
И к Ленину в мятеже
Я ринулся напролом!
Хоть я и попал в капкан,
Хоть стал слаборук и хром,
Но скоро бесправный люд
Покончит с великим злом.
Ты карой меня страшишь,
За этим засев столом,
Но горд я, однако, тем,
Что сделано мной в былом».

Тогда розыскной вскочил
И, глядя на волдыри,
С которыми в кандалах
Знакомились бунтари,
«Я цепи,— сказал,— сниму,
Не скажет судья — «умри!»,

Но будет и впредь висеть
Замок на сырой двери:
В тюрьме подождешь, дружок,
Прихода твоей зари...”

Мятежники с лишним год
Промаялись взаперти,
Но знали — друзья придут,
Придут, чтобы их спасти:
Ворота тюремных стен
Сумела толпа снести,
И двинулась вся страна
По ленинскому пути.

Врагов добивать взялись
Али, Кыргызбай, Алжан,
Был с ними и Алкожа,
Шутник, острослов, горлан:
Все, с Павловым заодно,
Влились в ряды партизан.
Отряд их осуществил
Отчаянных много дел,—
Крепчали большевики,
И стяг над ними алел.
Тут сбить с генерала спесь
Товарищам долг велел,
А тот, как отшельник крот,
В норе крепостной сидел
И, вздумай он улизнуть,
Едва ли остался бы цел.
Но двинуться, все же, в путь
Был вынужден генерал:
Замысля в Китай побег,
Он сотню солдат набрал.
Что делать, чтоб главный волк
Действительно не удрал?—

Седлали батыры коней,
А был их отряд немал,
И в черной своей тени
Их лес предгорий скрывал.

С неделю так провели,
И многие мимо них
Пытались пройти тайком,
Пристанищ ища чужих,
Но все это — мелкота,
Чинов не видать больших,
А город, где волк сидел,
Зловеще в те дни притих...
У Павлова и Али
Разведка была чутка,
Но в горло не лез кусок,
Вода казалась горька:
Лишь каждую жадно весть
Ловили издалека.

И вот долгожданный слух
Из города к ним дошел! —
Предутренный иней сел
На каждый древесный ствол,
За каждым стволом сосны
Таился винтовки ствол,
И грозен был их сплошной,
Невидимый, частокол.

Нетронутая, вперед
Прошла головная часть,
На следовавших за ней
Был должен отряд напасть:
Не видела грозных дул
Бегущая горе-власть,
В засаде ж отряд таил

Свою боевую страсть.
В конвойном живом кольце —
Видать, генеральский дух! —
Приблизились тарантас
И синий на нем козух,

А тот, кто страхом томил
Детей, стариков, старух,—
Дрожал в тарантасе сам,
Дрожал, как мокрый петух.

Генерал был со всех сторон
Охраняем ротой солдат.
Был лукав и опытен он:
Пулеметом вооружен,
Чтоб удался ему перегон,
Крепкий выдвинул он заслон,
И своих не боясь затрат
И врагам готовя урон.—
А меж тем угодил в капкан
Тех, кем был он для кары ждан,

Тарантас и синий козух
Взяли тщательно на прицел:
Генеральский терзая слух,
Залп за залпом вдруг прогремел,
И над грудой солдатских тел
Генеральской перины пух
Белой тучей к небу взлетел.
Пулемет, полаяв, умолк.
Конских грив развевая шелк.
Генеральский голос сердит,
Рядом пристав уездный глядит —
Что случилось, не взять им в толк.
На спасенье надежда плоха:
Из-под синего козуха

Их изъяли, как потроха...
И Али в сердцах закричал:
«Вот кого я давно не встречал!
Первым делом по праву могу
Я с уездным счеты свести!
Он давно предо мной в долгу!» —
В сердце пулю всадил он врагу
И, оставив его на снегу,
Второпях повернулся вспять:
Стал он Павлова взором искать.
Что ж он видит? — К шее коня
Золотые кудри склоня,
Обливается кровью друг!..
Павлов ждет участливых рук!

Не мешкал Али-батыр,
Снял Павлова он с коня,

Снял, братней кровью живой
Всю грудь себе кровяня;
Слезу уронил Али,
Хоть был он крепче кремня.
Уняв повязкою кровь
И ложе постлав у пня,
От раненого ушел
Он к первой заботе дня:
Где синий торчал кожух,—
Заканчивалась резня,
Валялась под ним в крови
Правительская родня.
Кончали подсчет потерь,
Чужой пулемет браня:

Отведал в бою Алжан
Пронзающего огня,
И павшим в бою друзьям

Готовилось тридцать ям
При помощи кетменя...
Как сиятся воробьи
Спасть от когтей луны,
Так в чащу ушла от пуль
Разбитая солдатня.
Не спешил покидать ущелье отряд,
Но, лишенья терпя средь горных громад,
В ожиданье подхода советских войск,
Он уже и достигнутому был рад.
Слух о том, как страны меняется лик
И какой генерала конец постиг,
Сделал славными Павлова и Али
И во все уголки немедля проник.

А когда и советские силы пришли —
Словно крылья за спинами отросли:
Большевистский над Верным взметнулся стяг,
Заалел над простором свободной земли.
И спустились тогда партизаны с гор,
Шайкам белых попутно дав дружный отпор,
И нашли меж встречавших их горожан
Жен, детей, стариков своих, братьев, сестер.
От других отделился статный юнец:
По-военному держится молодец,
Он учтиво здоровается с Али,
А себя называть не спешит, хитрец!

Но родного в нем сына Али узнал:
Он Толеу в объятиях долго сжимал,
Гладил первенца нежно по голове
И невольно слезами глаза увлажнял.
Этот мальчик Толеу — вот он каков!—
Взятый в плен, умудрился бежать от врагов;
Он надежды родителей оправдал,
Отличившись в разведке у большевиков.

Видел он, как родная погибла мать:
От нее про Али хотели узнать,
Но она пожелала быть там немой,
Где ей вздумали звери кости ломать.

И сестренка потеряна, Кулипа,
Затерялась навеки ее тропа...
Невеселой беседе сына с отцом
Не мешала, почтительно смолкнув, толпа.

Но Али не хотел ей день омрачать,—
Ведь его так радушно вышли встречать...
Он, на митинг придя, на тысячах лиц
Ликованья и счастья видел печать.

Он глазами впился в советский плакат:
Это Ленин с улыбкой на мир глядит!
Тут же он, на коленях, целует при всех
Алый стяг, что ласково шелестит.

Здесь кончается сказ о храбром Али.
Кто послушает, память о нем продли,
О батыре, которому в трудный час
Только Ленин и партия помочь могли!

Всю страну вдохновляют их имена;
Вся страна их делами озарена;
Если все человечество к ним примкнет,
Невозможна вовеки станет война.

Их, чем дольше живу я, тем больше чту!
Вот шестому десятку подвел черту...
Если станет известной повесть моя,
Значит — в ней воплотил я жизни мечту.

ТУКЕТАЙ И МАНИКЕР

Давно прошли те времена,
Когда народ разрознен был
И только думой о скоте
Ум каждого заполнен был.
В эпоху славного Манаса
Хан Кукетай великий жил,
А возле хана Кукетая
Достоин славы каждый был.
Мерилом счастья был для всех
Дом, полный яств. Седой, как снег,
Там Ер¹ Косай почтенный был,
Сивобородый Алмембет,
Рыжебородый Келмембет,
На закате Акжелек,
На восходе Кокжелек —
Высокочтимым каждый был.

Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати — меньшей,
Ер Тостик могучий был.
И среди этих величин
Кукетай лишь ханом был.
Не обижал он никого,
Уважал его народ.
И слава громкая его
Все росла из года в год.
Справедливой добротой
Отличался Кукетай.
Сал² красавец брат меньшей
У Кукетая — Тукетай.

¹ Ер — муж, отважный.

² Сал — здесь щеголь, франт, приближенный хана.

По сыну каждый брат имел.
И в асыки играть с пеленок
Хватало сыновьям силенок.
Так росли, что будь здоров!
Невеста где? — Жених готов!
Красавиц двух искать повсюду
Снарядился Тукетай.
Казахов земли и киргизов
Объезжает Тукетай.
На сыновей высокородных
И на союз с великим ханом
Небось польстится всякий бай.
Найдет достойных двух невесток —
Доволен будет Кукетай.

В аулах он искал-бродил,
По диким он местам бродил,
И по холмам в степи бродил...
И по озерам он бродил...
И мчался и летел стрелою,
Все оставляя за собою,
Под Тукетаем Маникер.
И все шесть месяцев пути
Конь смог
 за шесть деньков пройти.

Товарищи Тукетай-сала —
Их ровно сорок человек —
Отстали враз и с глаз пропали,
Не выдержав тулпара бег.

Чуть прогнулся Маникер,
Вихрем мчится Маникер.
Ветер? — ветру не догнать.
Птица? — будет отставать.

Вдаль умчавшихся сайгаков
Маникеру раз в два счета,
Раз в два счета обскакать.

От Ер Косая и Манаса,
Аспары, Мерке, Таласа
Едет-мчится Тукетай.
По вершинам Каратау,
По предгорьям Алатау
И по взгорьям Улытау
Едет-мчится Тукетай,
На Маникере Тукетай.
Вниз по Сырдарье он мчится.
Вверх по речке Чу он мчится,
Через Или перескочив,
Через тальник перемахнув,
Перешагнув через Аксу,
Галопом проскакав Коксу,
Низинами-холмами мчится.
И, загребая, переплыл
Через разлившийся Иртыш.
Есиль, Нуру он проскочил —
Прошелестел слегка камыш —
Камчой взмахнул.
В одно мгновенье
Объехал всю Сарыарку —
Невесты не нашел сынку.
И он Казань, Каркаралинск
В часы рассвета оценил,
И всю природу Синегорья
Одним он взглядом охватил.
Играючи прошел тугай

От Тобола до Тургая.
Тукетай на Маникере

До Едиля¹ путь отмерил,
Ночь и день на то затратил
И по вольной он реке
Вверх поднялся налегке.
Орынбор² оставлен справа,
Астрахань осталась слева.
Но опять нигде по нраву
Не нашел невесты-девы.

Быстроногий Маникер
Вдруг как встанет на дыбы,
Признавая власть узды.
Пот с боков его струится,
Конь торопится, ярится,
Вот уже парит, как птица.
Каспий ли, Арал — он с ходу
Грудью мощной режет воду.
В воде копытом рыбу бьет,
С водой смешался его пот.
Вот на Казбеке и Каптау
Он хвост и гриву обсушил
И вновь взлетел что было сил.
Не зря известнейшим конем
У Тукетая-сала был!
И к аулу Акжелека
Тукетай на Маникере
Вольный взор свой устремил.
Умчался он в ночную тьму
Красавиц двух искать в Крыму.
И вот направился под утро
Он к Акжелеку самому.

— Салаумалейкум, Акжелек,
Справедливейший Желек,

¹ Едиль — Волга.

² Орынбор — Оренбург.

Завернул я не случайно,
Помоги мне, Акжелек!
Издалека я примчался,
На коне своем примчался,
Обгоняя птиц, примчался,
Помоги мне, Акжелек.

Ты, как грозный лев, сидишь,
Честь-достоинство хранишь.
Я к тебе с надеждой ехал —
Может, ты мне пособишь?

Отвечает Акжелек:
— О сыночек мой, сынок,
Издалека ты приехал,
На коне своем приехал,
Надев кольчугу, — ты приехал,
Меч тяжелый взяв, приехал.
Я взглянул в твое лицо —
Выглядишь ты молодцом!

На закате ль твой аул,
На восходе ль твой аул,
Твой налево ли аул,
Твой направо ли аул,
Под тобой не конь, а чудо,
Будешь ты, батыр, откуда?

Отвечает Тукетай:
— Издалека я приехал,
На коне своем приехал,
Аспары, Мерке минуя,
Сусамыр, Тянь-Шань минуя,
Каратау, Алатау,
Улытау и Актау.

К аулу твоему с востока
Мчал мой конь быстрее, чем сокол.

На берегу реки Талас
Ер Косай, батыр Манас
Благословили в этот раз.
Земля киргизов и казахов
Под защитою Аллаха.
Там хан великий Кукетай,
Перед тобой здесь — Тукетай.

На восходе Кокжелек
Тебе подобен, Акжелек.
Светлейшие умы аула:
Акжолтай, Кокжал, Барак,
Кобыкты, мой аруах,
Да бабу задарма отдавший
Канкельды, как нар уставший.
Старик Косай, ему сто лет,
В дорогу добрый дал совет.
Их молитвой скот и люд,
Пережив в ауле джут,
Живы будут не помрут.
И тебе приветы шлют.

Из аула я поехал,
Совершив намаз, поехал,
Помолившись на восток,
С Алатау я поехал.
Искать красавиц я поехал,
Найти красавиц двух поехал.
Золото взял под седло
На всякое добро и зло.
Ер Косай, затем Манас,
Ушбурыл, затем Талас

Меня с конем на дальний путь
Благословили: «Целым будь!»
Средь плохого ли хорошего,
Что между небом и землей,
Духом предков отгорожен я
От злого духа надо мной.
Среди киргизов я бродил,
Красавиц я не находил.
Вниз по Сырдарье я мчался,
Вверх по речке Чу я мчался,
Через Или перескочив,
Через тальник перемахнув,
Перешагнув через Аксу,
Галопом проскакав Коксу.
На восходе Кокжелека
Посетил я за Илеком.
Не найдя и там невесток,
Я умчался вслед за эхом.
Вширь разлившийся Иртыш
Переплыл, прошел камыш.
В аул, к Кокжалу, заглянул,
Но без красавиц жил аул.

Снова дальше я поехал,
Есиль, Нуру минуя, ехал.
Вдруг самой страшною из бед —
Бура навстречу, людоед.
Как взревел бура,
Как помчал бура
Вслед за мной. Слюной
Исходил бура.
На край света ускакал,
На Маникере ускакал.
Чтоб не съел меня бура,
Вслед за солнцем я скакал

И до утреннего света
Пред тобою я предстал.

Силы духа — аруаха
Твоего, о Акжелек,
Подо мною Маникер
Испугался, Акжелек.
Моя склонилась голова,
Льются золотом слова.
Старший брат — хан Кукетай,
Я меньшей, звать — Тукетай.
Будь здоровым, Акжелек,
Твоей жизни долгий век!
Не счесть красавиц всех в Крыму.
Себе и брату своему
Ищу невесток. Вот приехал,
Как видишь, к дому твоему.

Издалека я приехал,
От Кукетая я приехал.
У каждого по сыну есть.
Окажи, ата, нам честь.
На востоке не найдя,
К твоим землям подойдя,
Спрашиваю, Акжелек,—
Красавиц нет ли у тебя?

Приветствие его приняв,
Воздух в легкие вобрав,
Отвечает Акжелек:
— Издалека ты приехал,
Уважая нас, приехал.
Привяжи-ка ты коня,
Гостем будешь у меня.
В белой юрте будешь жить,

В ауле не спеша гостить,
Чтоб мое гостеприимство
Смог ты сердцем оценить.
Готова Белая орда
Видеть здесь тебя всегда.
Почему б не угоститься
Мясом серой кобылицы?
Приглашенье принимай,
Пей кумыс, гости-гуляй!
Так было испокон веков
Средь молодых и стариков.
Я в честь хана Кукетая
Угощу сал-Тукетая

— Ладно, — молвит Тукетай,
Буду гостем, принимай!
И в ауле Акжелека
Три-четыре человека
Юрту ставят, режут скот,
Кумыс сбивают наперед.
Акжелек с высокой кручи
Созывает всех на той
Так, что сокол из-под тучи
Грянул оземь — неживой.
Жеребята вострепнулись,
Понеслись и не вернулись.
Лук простой согнут в дугу,
Не уйти от стрел врагу.
Но от крика сами стрелы
Полетели-просвистели.
И у света на краю
Стрелы те достигли цели.
Содрогнулись гор вершины,
Камни — кубарем к низинам.
Выходя из берегов,

Множество залив лугов,
Сырдаря их приняла.
И от каждого аула,
В три широких рукава
Потекла к орде толпа.
Сивобородый Алмембет
На голубом коне приехал,
Рыжебородый Келмембет
На гнедом коне приехал.
И на Шалкуйрука сев,
Снаряжение надев,
Во главе своих батыров
Ер Тостик-батыр приехал.

Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати — меньшей,
Ер Тостик-батыр сказал:
— Старец Акжелек, сказал.
Я братишка твой,— сказал.
Как аксакала уважает
Весь народ тебя,— сказал.
Ты казахов, как гора,
Защищал не раз,— сказал.
Враг внезапно ли напал?
Или зверь, скажи, напал?
Может, выюга, снегопад,
Может, сель иль камнепад?
Отдыхаться конь не может,
Что случилось, Акжелек?
Меч пока хранится в ножнах,
Отвечай мне, Акжелек.
Зря не звал ты никогда,
Зов твой редок был всегда.
Все пришли до одного,
Не осталось никого

В наших юртах. Для чего
Ты батыров всех созвал?

Твой призывный клич услышав,
Я подумал — враг пришел.
Твой призывный клич услышав,
Я к тебе тотчас пришел.
Полонили женщин наших —
Я, спеша к тебе, подумал,
Враг аул твой окружил —
Я, спеша к тебе, подумал.
Ата, народ собрался весь
Из уст твоих услышать весть.
В тревоге конь копытом бьет,
И каждый здесь в тревоге ждет.
В аулах словно мор и джут.
Все жеребята разбрелись,
Не отыскать ни там, ни тут.
Раньше срока разрешилась
Вдруг роженица одна.
И, не зная, что случилось,
Так и померла она.
И в пути все поседели,
Поседели-постарели.
Все бессильные в испуге

Лишь батыры друг за друга.
От Всевышнего посланник,
Справедливейший защитник,
Думающий обо всех,
Звал зачем ты, Акжелек?
Первым приходил в байге,
Жертвовал я ради всех,
Ер Тостик я, Акжелек!
Знаешь ты меня с пеленок.

Стада твоего ягненок,
Я силен, хоть младше всех.
Звал зачем ты, Акжелек?

Молвил это Ер Тостик —
Старец от обиды сник.
Не накличь беды,— сказал.—
То не враг пришел,— сказал.—
Гость приехал к нам,— сказал.
Лучше подойди поближе,
Солнышко, я все скажу,
Почему, зачем созвал.
Если я не прав,— сказал,—
За грудки меня возьми,
Но одно, прошу, пойми:
Некого мне к вам послать,
Чтоб весть о госте передать.
Гость приехал,— он сказал.
Известный родом он,— сказал.
Хочешь знать, ай, Ер Тостик,
Достоин тоя он,— сказал.
Тукетай-сал звать его,
Кукетай-хан брат его,
Защитник многих брат его.
Издалека он приехал,
На коне своем приехал,
На Маникере он приехал.
И к нам по воле мусульман
Его послал Кукетай-хан.
А у гостя Тукетая
В пути-дороге цель такая:
Красавиц отыскать сынам.
Их в Крыму решил найти,
Ночи три, три дня в пути.
В аулах дальних и окрестных

Достойных не нашел невесток.
Он Семиречье все прошел —
И там невесток не нашел.
И через ночи три и дня
Он оказался у меня.

Понапрасну ездил всюду,
Лишь в Крыму, сказал, добуду.
Потому вскричал я: «А-ау!»
Крик дошел до Алатау.
Что ж, уйду, с юнцом не споря.
О одиночество! Вот горе! —
Промолвив это, Акжелек
К дому горестно пошел,
Где остался Тукетай,
Сокрушаясь, он пошел.
От обиды потекли
Слезы в шесть ручьев из глаз.
Хоть в прошлом он батыром был,
Не нужен никому сейчас.
Шел и плакал, опершись
На трость дубовую свою.
С места сбора воротился,
Очень медленно спустился
Вдоль по горному ручью.
Шел он, брел он, одинок,
Чтоб жалеть никто не мог.
Ер Тостик его обидел,
Оттого и занемог.

Так, на посох опершись,
Акжелек пришел домой.
Нет друзей, чтоб поддержали!
Он от горя сам не свой.
В этот миг Тукетай-сал

Акжелека увидал,
Выбежал к нему навстречу,
На лицо взглянув, сказал:
— Лишь Всевышнему известны
Все вершины и низины.
Если аргамак устал,
Кляча первую достигнет,
Перегнав его, достигнет
Им намеченной вершины.
И от братьев иногда
Ждешь подвоха в этой жизни.
Что с тобою, Акжелек?
По себе ль справляешь тризну?
Если правая рука
Вдруг поднимется для драки,
Левая ее удержит,
Силу взяв от аруаха.

В гневе яром лик, ата,
Тяжко дышит грудь, ата,
Что случилось? Расскажи,
Добрый Акжелек-ата.

Издалека я приехал,
Невесток я искать приехал
Себе и хану Кукетаю.
К тебе — известному — заехал.
Скажи, из-за меня небось
Что-то все-таки случилось?
И жало злого языка
В сердце, может быть, вонзилось?
Доверься, не скрывая, мне.
Я — Тукетай! Я — на коне!

Духом Акжелек воспрял,
И, как сокол, он стряхнул

Думы горькие свои.
Трижды тростью постучав,
Тукетаю он сказал: —
Хан минаретом если будет,
Народ защитой ему будет.
Если лодкою хан будет,
Народ морем ему будет.
Беспокойным море будет —
Худосочной рыба будет.
Если сразу обо всем,
Вот что я тебе скажу:
Когда баба скандалистка,
Сын уж точно озорник —
Удваивать, скажи, зачем?
И если старость наступила,
Где силу молодости взять? —
Учетверять, скажи, зачем?
Нет детей. Пуста душа.
Съедает сердце мое ржа —
Ушестерять, скажи, зачем?

Тут вскочил сал Тукетай,
На Маникера мигом сел,
И кольчугу он надел,
Шоталу — топорик взял,
За плечо закинул лук,
Белым соколом взлетел,
Что оперенье поменял.
Отдохнувший Маникер
К месту сбора поскакал.
Не оглянулся Тукетай,
Не думая, что одинок.
Прекрасен был он на коне,
И мчался конь, не чуя ног.
На одинокого его

Народ, взобравшись высоко,
Из-под руки смотрел и ждал,
Кто скачет там, что не похож
Ни на кого из нас?— гадал.
Может, ангел, может, пери,—
Как глазам своим поверить!
Может быть, мираж иль джинн,
Об этом знает бог один.
То не ангел был, не пери —
Тукетай на Маникере.
Сивобородый Алмембет
Ер Тостику подал знак:
Узнать кто это, Ер Тостик,
Тебе поможет аруах!

Кумай¹ подобный Шалкуйрук
С Ер Тостиком ускакал.
Несется птицей Шалкуйрук,
Не раз в байге призы он брал.
«Средь коней самодовольных,—
Мчался-думал Шалкуйрук,—
Я самый быстрый, самый вольный,
Коня сильнее нет вокруг.
Я первым быть не перестану,
Понравлюсь я любому хану,
И раныне поднятой мной пыли
Промчусь, как будто в воду кану.

Переливаясь, как мираж,
Я промелькну, минуя кряж.
И все шесть месяцев пути
За шесть деньков смогу пройти.
А если не спеша, рысцой,
То за семь деньков пройти

¹ Кумай — сказочная птица.

Те шесть месяцев пути.
В гору мчусь я — не слабею,
Вниз спускаюсь — птицей рею.
И на склоне не споткнусь,
Огонь в глазах, когда взметнусь».
Пятнадцатилетний Ер Тостик
Шалкуйруку доверяет.
И, звеня уздою, конь
Оземь камни расшибает,
Промелькнувшую лису
В полприсеста настигает.
Язык знает Шалкуйрук,
Нет, не свой — людской язык;
Если скажут лечь, он ляжет,
Если скажут встать, он встанет.
Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати — меньшей,
Ер Тостик встал на дороге.
Успокоив Шалкуйрука,
Первым подает он руку.
— Добрый путь вам, — он сказал,
Тукетаю он сказал.
Куда спешите, — он сказал.
По предгорьям и равнинам?
Назовите рода имя.

Ер Тостик и Тукетай
Перемолвились словами.
И, приняхиваясь, кони
Подошли друг к другу сами.

И сказал тут Тукетай:
— Человека доброту,
Души и сердца широту,
Его поступков высоту

Не родня, а незнакомец
Только может оценить.
Когда подпруга сильно жмет,
Коня хозяин не поймет
И, отправляясь в дальний путь,
Не знает, что его там ждет.
На снегу, покрывшем землю,
След оставить — одна цель.
А на земле, впитавшей снег,
Оставить след — иная цель.
Вижу, что ты — Ер Тостик,
Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати — меньшей.
Рождается тебе подобный
Лишь от Всевышнего порой.
За народ родной и мать
Жизнь свою готов отдать
С сердцем пламенным батыр.
От тебя, гонец, зависит,
Буду другом ли тебе
Иль врагом в твоей судьбе,
От тебя, батыр, зависит.
Видел Рим я, видел Крым,
Когда, как ты,
был молодым.
Батыра имя будет вечным,
Переходя из рода в род.
Тулпара слава будет вечной,
Коль к жеребцу она придет.

Я приехал к Акжелеку,
Известному всем человеку.
Плохая, зная, черта-примета,
Коль обижают Акжелека.
На двух пегих если сядешь,

Раннего пути не будет.
А на двух каурых сядешь —
Вообще пути не будет.
Одетый в шубу не замерзнет,
Сокол по земле не ходит.
Пока край света не увидит,
Человек все взглядом бродит.
Послушай, мальчик Ер Тостик,
С великим будущим Тостик,
Старшего не уважая,
Опозоришься, Тостик!

Рассмеялся Ер Тостик,
Повернул коня Тостик
И приветствовать народ
Просит гостя Ер Тостик...
С Маникера Тукетай
Спешился и молча ждет —
Ер Тостик народ зовет,
К Акжелеку всех ведет,
Впереди других идет.

Шестьдесят людей идут,
Шесть иноходцев в дар ведут
В акжелековский аул.
Шестьдесят гостей бредут,
Как будто ветер завернул
И с горы их мигом сдул.

Впереди всех Ер Тостик
Держит голову в поклоне.
К Акжелеку он спешит,
Будто тот сидит на троне...

И начался той,
Разгулялся той.

Ночи три и дня
Продолжался той.

Сидит на торе Тукетай.
Со всеми он кричит «Айхай!»,
Но о цели своей кровной
Не забывает Тукетай.
Ему на помощь Ер Тостик
Сбор красавиц объявляет.
И смотрины начинает
Тукетай в гостях у них.
Золота все шесть батпанов¹
И шесть батпанов серебра
Готов отдать по воле хана
Родителям, чья дочь добра,
Лицом красива и стройна,
И нареченному верна
Так, как пишется в дастанах.
Чтоб не было наоборот,
Избавь, Всевышний, ханский род!

Красавицы играли, пели,
Наряды поменять успели.
Украдкою на Тукетая
Многие из них глядели.
Проплывали почти рядом,
Обжигали гостя взглядом.
И Тукетай решил, что здесь
Бесценные невесты есть.
Лучше всех две девы были:
Одну звали Айнакоз,
А другую — Каракоз.

Тут решил сал Тукетай:
Сдвинул бог земную ось,

¹ Батпан — мера веса, колебавшаяся в разных местах от 3 до 14 кг.

Не почернеет хана кость.
Из золотых монет шашу¹
Раскидал сал Тукетай.
О родителях спросил
У красавиц Тукетай.
Айнакоз и Каракоз
С кротким видом отвечали.
Печень и куйрук бараний
Для торжеств приготавливали.
И выяснил сал Тукетай
То, что Айнакоз-бикеш²
Была дочкой Елемеса,
Достойной дочкой Елемеса.
На устах большого Рима,
На устах родного Крыма
Ее лишь только красота.
И об этом говорить,
И об этом говорить,
И об этом говорить
Не устанут всем уста.
Выяснил сал Тукетай
То, что Каракоз-бикеш
Дочкой бедняка была,
Без родителей жила.
Нет отца, мать померла.

Одинока-одинока,
Одинешенька она.
Но батыру Ер Тостику
Свояченица она.
В конце этих вот смотрин
Берет слово Ер Тостик,
Близкий родич двух невест

¹ По старинному обычаю невесту осыпали монетами и сладостями.

² Бикеш — здесь красавица.

Среди прочих-остальных:
— Когда большая есть родня,
Беды не будет никогда.
Тридцать братьев у меня,
Отец кедей¹ был у меня.
И до восьмидесяти лет
Дожил он и этот свет
Бросил, долю не кляня.
Айнакоз одна средь нас.
Такой же мать была у нас.
Равноценной по красе
Нет другой сейчас у нас.
Дочь ведь тоже для народа,
Продолженья жизни рода,—
Вдохновленный Ер Тостик
Продолжал речь до восхода.
— Почетным гостем вы сидите,
Вам Аллах в затылок дунул.
Чтобы плохое люд не думал,
Мы прятать девушку должны
До самого до сватовства
От сорока домов подальше.
В ауле завтра я глава.
Не польщусь я — Ер Тостик —
На золото шести батпанов.
И на родство с великим ханом
Не польщусь я — Ер Тостик.
Вот что, слушай, Тукетай,
Обряда ты не нарушай.
Чтоб женихов к нам привезти,
В аул родной свой поезжай.
Увидеть лучше, чем услышать.
Убедиться мы должны:
Вправду ль девушек достойны

¹ Кедей — бедняк.

Ваши ханские сыны.
Кто кумыс в степи не пьет?
Что девушку в степи не ждет?
Под языком ведь жало есть,
Женихи здесь тоже есть.
Без жениха кто отправляет,
Обряд-обычай нарушает.
А меня молва тревожит,
В народе скажут, я-то знаю,
«Женихов и нет, быть может»,
Потому не отправляю.
Душа девиц темней потемок,
Хоть чистый взгляд и голос звонок.
Нрав девичий, нрав джигита
Различаются с пеленок.
И жаворонка счастье ждет.
Когда он счастье обретет,
Тогда и сам орел могучий
К нему прислуживать идет.
А если счастье воробью
Вдруг выпадет из чьих-то рук,
То к нему спешит с поклоном
И птица вещая Самрук.
Когда рабыням и рабам
Все тяжелей из года в год,
То и падишаха трон
Пошатнется, упадет.
Вот что я хочу сказать,
На тебя подняв глаза,
Не из ханских я кровей,
Родом из простых людей.
Отец бедняк, и молод я.
Простой аул взрастил меня.
Но душу я готов отдать
За родного человека.

И жизнь свою готов отдать
За того же человека.
На смерть джигитом движет честь,
Трусом движут страх и спесь.
На Маникере ты приехал,
Издалека ты приехал.
На Шалкуйрыке я сию,
Вот что я тебе скажу:
У тебя брат Кукетай,
Известный миру Кукетай.
На конях посостязаться! —
Вот мой вызов, Тукетай.
Пусть один уйдет вперед,
А другой наоборот,
На бугре судью поставим,
Справедливого поставим.
Вот мой вызов, Тукетай,
Согласен или нет? — решай.
— Ладно,— молвит Тукетай.—
Будет в помощь мне кудай¹.
Ближе, чем родной отец,
Он мне в жизни, так и знай.

Народ толпой собрался весь —
Так что некуда присесть
Лицезреть батыров скачку
И хвалы воздать в их честь.
Ер Тостик тогда сказал,
Тукетаю он сказал:
— Что ты ставишь на победу
Иль на проигрыш? — сказал.

Отвечает Тукетай:
— Маникер не подведет.

¹ Кудай — бог.

Если первым Шалкуйрык
В этих скачках вдруг придет,
Не останусь я в долгу:
Все мое к тебе уйдет.
Не спеши, как мальчик, ты.
Средь киргизов и казахов
Маникер без аруаха
Первым достигал черты.
Не зная схватки той исход,
Не хвались ты наперед.
Не ведаешь, не знаешь ты,
Чей аргамак вперед придет.
Золото все шесть батпанов
Ставлю, — Тукетай сказал.
И впридачу Маникера
Ставлю,— Тукетай сказал.
Если только победишь
В этих скачках,— он сказал.
Если проиграешь ты,
Айнакоз и Каракоз
Увезу с собой,— сказал.
Три месяца в один конец,
Скакать мы будем,— он сказал.
Три месяца в другой конец,
Скакать мы будем,— он сказал.
Уркер и месяц, время сдвинув,
Не остановятся,— сказал.
Два батыра, не поспоря,
Не остановятся,— сказал.
И два тулпара без байги
Не остановятся,— сказал.
Без схватки яростной два льва
Не остановятся,— сказал.

Два батыра тут сошлись.
Вскачь тулпары понеслись

И под плетью богатырской,
Словно птицы, взвились ввысь.
В разгаре спора каждый конь
Разгорячен был — только тронь!
Под яркими лучами солнца
Метались гривы, как огонь.
И, защищая честь свою,
Батыры так вцепились в повод,
Что ветер в уши — улюлю! —
Пел, свистел, гудел, как овод.
Батыров мощные тела
Разгорячиться не успели,
Под ними кони не вспотели
И, как лавина мчится с гор,
Неслись вперед к заветной цели.
Длиною в месяц первый путь,
Птицей мчась, они проходят.
И пустыню Кербалу
За семь дней они проходят.
Земли Жидели Байсына
За два дня они проходят.
И пески Бетпак-Далы
За шесть дней они проходят.
И высокие хребты
За полдня они проходят.
Избы русские, деревни
За пробужденья миг проходят.
По степной земле ногаев
Без труда они проходят.
И по земле каракалпаков
Играючи они проходят.
Степь широкую калмыков
В одно мгновение проходят.
Вверх по Едилю и Жаику
Кони их в разгаре спора

Разгоряченные проходят.
Только здесь передохнули,
За Урал перемахнули.
Ну а после на Кавказ
Искрой канули-мелькнули.

Море Черное и Каспий
Батыры на конях проплыли,
Как ножи прорезав воду,
Копытом кони рыбу били.
И по бокам коней горячих
Батыры плетками лупили.
Чуть прогнулся Маникер,
Шею выгнул Маникер.
На песчаный берег моря
Первым вышел Маникер.
Лишь солнцем заалел восток,
Конь снова вскачь, не чуя ног.
Не подвел он Тукетая,
Хоть до костей насквозь промок.
И Ер Тостику Тукетай,
Рукой махнув, сказал:— Бывай!
На будущее мой совет:
Ты старшего не обгоняй.
У Тукетая клич «Косай!»,
Не подвел, Маникер-ай!
Теперь, обратно повернув,
Шаг быстроходный не сбавляй.

А Ер Тостика зло взяло.
Толкнуло в спину, понесло.
— О духи предков, поддержите
И легким сделайте седло!
И бьет камчой он Шалкуйрука,
Хлестать коня устали руки.

Взметнулся конь и снова вскачь,—
Знать, поддержали в скачке духи.
И взбилась грива, и огонь,
Сверкая взглядом, высек конь.
Не отставал он никогда
И уходил от всех погонь.
Стал Маникера догонять
И Тукетая доставать.
А Ер Тостик молил коня
Безумный бег свой продолжать...
Лес заиграл во все свирели,
Как тетива, звенели ели,
Стволы берез, как даулпаз¹,
От топота копыт гудели.
Остался день всего пути,
Чтоб победителем прийти
Иль опозоренным вконец
Из состязания уйти.
Народ толпой собрался весь —
Так, что и некуда присесть —
Улицезреть, кто первым будет,
Кому — достоинство и честь.
— Как предсказал Есим-баксы²,—
Святые молвили отцы,—
Вместе два коня приходят,
Ай да батыры — молодцы!
Копытами прибит ковыль,
Конями поднятая пыль
Завесой плотною стоит,
И камни вверх из-под копыт
Взлетают к небу, твердь пробив,
Несутся вниз, толпу прибив.
Вверх-вниз взлетают вновь и вновь.

¹ Даулпаз — барабан.

² Баксы — шаман.

И — стоны, крики, ржанье, кровь.
Тут вырвался вперед на шею
Конь Маникер. И свирепея,
Вслед Ер Тостик на Шалкуйруке.
Шайтан вошел, должно быть, в руки,
Соилом вдруг, чуть отставая,
В висок ударил Тукетая.
Тот рухнул, не издав ни звука.
Взбесился, что ли, Ер Тостик!
— За что?!— был Акжелека крик.
А Ер Тостик над Тукетаем
Стоял и страшен был в тот миг.
Одним ударом он убил,
Сал-Тукетая он убил,
Так до конца не осознав,
Кого он в ярости убил.
— Берите золото, коня! —
Раздался возглас среди дня.
Не удержал их Акжелек,
Отца их каждого кляня.
Над Тукетаем Маникер,
Осиротелый Маникер,
Ог горя словно обезумев,
Стоял, как одичалый зверь...
Народ стал окружать коня.
Метался конь быстрее огня,
Взвивался, на дыбы вставая,
Копытом тяжким угрожая,
Всех разогнал, уздой звеня,
И гнев и ярость извергая,
Не подпуская к Тукетаю,
Над телом павшего застыл
И голову склонил, рыдая.
Батыра — всадника его
Народ не тронул оттого,

Что, охраняя, Маникер
Не подпустил ни одного.
И, придержав двумя ногами,
Схватил хозяина зубами,
С размаху на седло взвалил,
Взметнулся на восток, как пламя.
И тут отпрянула толпа,
Рассыпалась вокруг толпа,
Подобно жадной саранче,
Честь потерявшая толпа.
Конь примером стал для них —
Для трусливых, жадных, злых.
— О жануар, о жануар! —
Все было на устах у них.
В коня стрела не попадет,
Коня и пика не проткнет,
Такого скакуна лихого
И меч булатный не возьмет!
Уносил к родному краю
Маникер сал-Тукетая.

А Ер Тостик, камчу взяв в руки,
Унесся вскачь на Шалкуйруке...

ОДИНОКИЙ ГУСЬ

Прекрасно жить на свете ханше с ханом.
Воссядет властелин за дастарханом
И верные визири — сорок их —
Сидят пред ним в одеждах дорогих.

Богатством ханский славится престол,
Знать, оттого всегда обилен стол.
Халва и мед, казы-карта, инжир
Зовут гостей начать скорее пир.

Доволен хан красавицей женой,
Друзьями и несметною казной.
Но взор невольно обратил он вдруг,
Как серый гусь пронесся, сделав круг.

Гусь к озеру направил свой полет
И не спеша поплыл по глади вод.
Маяча пред глазами, точно тень,
Гогочет громко уж который день.

И молвил хан с нахмуренным челом,
И для визирей речь его как гром:
Семь дней даю — узнает каждый пусть
О чем гогочет одинокий гусь.

Все знать хочу: зачем он прилетел,
Что гоготом поведать мне хотел.
И если в срок не будет дан ответ,
Прощайтесь с головой — пощады нет.

Визири перед ханом пали ниц,
Им не знаком язык свободных птиц.
Верней бежать куда глаза глядят,
Чем ждать, покуда головы слетят.

Из них любой сейчас наверняка
Завидует лохмотьям бедняка.
Но что для хана их мольба и стон,
От слов своих не отречется он.

В отчаянье от ханского стола
Толпа визирей тихо побрела.
А хан опять над яствами склонен,
Вослед ушедшим смотрит грозно он.

Визири же, судьбу свою кляня,
Глядят вперед —
 в рассвет седьмого дня.

И неразгаданный гусиный крик
Их приближает к смерти каждый миг.
Ну что семь дней, тут и семи-то лет
Не хватит, чтобы отыскать ответ.

Проходит день, другой... шестой прошел,
Никто из них разгадки не нашел.
Отчаянье не в силах превозмочь,
Идут средь гор встречать седьмую ночь.

Им все одно теперь, что блеск луча,
Что острая секира палача.
Но что это? Не топот ли коней?
Дочь ханская и свита вместе с ней!

Как знать, быть может, встреча принесет
Визирям избавленье от невзгод?
Всегда была к ним девушка добра
И ласкова, как младшая сестра.
Но ярость ханскую познав сполна,
Давно в горах скитается она.

— Скажите, братья старшие, что с вами?
Погасли очи, не горит в них пламя.
Здоровье как родителей моих?
Где и когда оставили вы их?
Измучены вы, нет на вас лица.
Иль терпите обиду от отца?

Поведали визири ей тогда,
Какая их подстерегла беда.
— Живыми нас родные и не ждут,
Готовит хан нам небывалый суд.

И слезы льют, оттаяв на мгновенье,
И объясняют с жаром и волнением:
— Отчаянье в душе у нас и грусть.
Всему виною одинокий гусь.
О чем гогочет он — нам невдомек,
И значит, близок нашей казни срок.

В ответ им дева:
— Братья дорогие,
Поверьте, для меня вы не чужие.
Затем был ханом дан такой указ,
Чтоб навсегда избавиться от вас.

И я беды своей от вас не скрою:
Хан и меня не признает родною.
Но ваше горе тяжелей вдвойне...
Повадки птицы опишите мне.

И тот, кому пришлось ответ держать,
Сумел повадки птичьи описать.
И стал просить придумать что-нибудь,
Чтоб не прервался жизненный их путь.

Где горы стыли с четырех сторон,
Взметнулся ввысь сорокаустый стон.
Дочь хана, к небу обратив свой лик,
Сказала: — Птицы мне знаком язык.

Не гусь слетел с небесной высоты,
А девушка волшебной красоты.
Владыки темной силы дочь она
И безответно в хана влюблена.

Про то, что я сказала вам сейчас,
Ни слова хану, это мой наказ.

— Да лучше пусть отсохнет наш язык,
Воскликнули визири в тот же миг.

И вот все с изумлением глядят,
Как зеркальце достала Каракат,
И буквы в нем колеблются, струясь,
Арабскую напоминая вязь.

Сияньем неземным окружена,
Вот что тогда промолвила она:

«Хорошая жена — опора мужу,
Плохая в счастье обернется стужей!»
Так истолкуйте хану крик гусыни,
И он не станет мучить вас отныне.

...Визирей во дворце застал рассвет.
Хан удивился, выслушав ответ:
— Все верно, одного я не пойму —
За помощью вы ездили к кому?

Ему поклясться каждый был готов:
— Мы разгадали сами тайну слов.
Седьмой ночи рассеивалась мгла,
Когда заря надежду нам дала.

Рассерженный властитель с трона встал
И громко палачей своих позвал.
Собой напоминая черных сов,
Явились смерти вестники на зов.

Понятен им владыки грозный взгляд,
И вскоре встали виселицы в ряд.
И не смогли стоящие под ними
Сокрыть своей спасительницы имя.

Внезапно к ним судьба переменялась —
Смягчен властитель, гнев сменив на милость.
Но все ж в душе его бушует ярость
И к дочери любви в нем не осталось.

«Ах, тварь неблагодарная! Как быть?
Как наказать и справедливым слыть?»
В покоях хан сидит один, невесел.
Он мысленно продумал все и взвесил.

И издает указ. Во все концы
Несут его послушные гонцы:
Пусть во дворец спешат бедняк и бек.
Всех примет хан, особенно калек.

Со всех сторон стекается народ,
И каждый вести с нетерпением ждет.
Дочь хана несравненной красоты
На них взирает молча с высоты.

Вскричал владыка: — Нынче дочь мою,
Красавицу — я замуж отдаю.
Урода выбрать я решил, не скрою.
Ему пусть будет верною женою.

Застыл в надежде многоликий сброд.
Быть может, счастье их не обойдет?
Хромой, слепой... кого тут только нет,
Калеками заполнен белый свет.

На одного, что был страшнее всех,
Хан указал, сдержать не в силах смех.
То был урод, раздувшийся как шар.
— Вот, дочь моя, прими супруга в дар!
С губ жениха срывался тихий лепет,
Но вид его внушал народу трепет.

Да, он один у старого отца,
Познавшего невзгоды до конца.
Все нажито в дому его трудом,
Хоть небогат, но все же крепок дом.

Арба и лошадь, два вола, корова,—
Они и служат для семьи основой.
Но грянула беда: седьмой уж год,
Как младший сын с постели не встает.

Однажды так сказала хана дочь:
— Я знаю средство, что могло б помочь.
Найдите кобылицу, мой совет,
Что оставалась яловой семь лет.

Запали в душу старикам слова:
— Невестка-то, пожалуй что, права.
И если сына вылечить поможет,
То этим счастье их семьи умножит.

Им, старым, пережить пришлось немало,
Ведь сыновей десятерых не стало.
Последний сын, надежда и оплот,
Семь лет на свете неживым живет.

Округу обошли, как говорится,
Но яловой нигде нет кобылицы.
Прошли в расспросах месяцы и дни,
Увы, совсем замучились они.

Блуждают старики, едва не плача,
И вдруг пришла желанная удача.
Нашли то, что искали, наконец
За двух верблюдов, пятьдесят овец.

Собрали скот со всех дворов, раз надо,
Гудит аул, покупке люди рады.
Счастливым, верят, должен быть исход,
Не зря ушел на поиски весь год.

Вот как дитя спеленатый — джигит
В кобылей шкуре недвижим лежит.
Лишь голова видна, чтоб мог дышать.
Следят за ним отец, невеста, мать.

На небо глядя, не встают с колен.
Семь дней прошло, не видно перемен.
И наконец джигита слышен стон.
Открыв глаза, речь внятно держит он.
И пред очами близких не урод,
А статный муж с улыбкой предстает.

Надежды оправдались во сто крат.
Невестку старики благодарят.
Их нарекают мужем и женой,
В честь молодых устроив шумный той.

Любима Каракат простым народом.
Ее за мудрость славят год от года.
... Аулы будоража, как-то раз
Жестокий хан вновь издает указ.

Его опять гусиный крик тревожит,
Измучила любовь и сердце гложет.
Осанки нет былой, потерял лоск,
Страдает, тает медленно, как воск.

И если птицу кто-нибудь поймает,
Того награда хана ожидает.
Не пожалеет для него добра,
Сполна насыплет злата, серебра.

На быстрых скакунах со всех концов
Стекается народ на ханский зов.
И просят: — Боже, помоги хоть малость,
Чтоб наконец победа нам досталась!

Вот хан глядит, глазам своим не веря:
Красавица, отбросив птичьи перья,
Спешит купаться к озеру скорей,
И хана страсть сжигает все сильней.

Не день, не месяц, третий год подряд
Гоняется за птицей стар и млад.
Не рая, нужно взять ее живой,
Иначе — распростишься с головой.

Верхом на аргамаках, иноходцах
В погоне все, сторонних не найдется.
Людская не смолкает суета,
Манит джигитов яркая мечта.

И как-то на Турсуна бросив взгляд,
Промолвила однажды Каракат:
— Что загрустил, встряхнись скорей, как знать,
Не нам ли птицу суждено поймать!?

Желание свое в груди не прячь,
Достань скорее шесть худющих кляч.
У чабана отцовского есть конь,
Чубарый, в нем особенный огонь.
Добудь его... — с улыбкой как-то раз
Турсуну Каракат дала наказ.

Турсун стремлений самых светлых полный,
Слова жены тогда точь-в-точь исполнил.
Кляч исхудавших, чуть живых, не старых
Он, не торгуясь, приобрел с базара.

Что ж, шли дела удачливо пока —
Табунщика задобрил, старика.
И преподнес, в душе наказ храня,
Взамен ему отменного коня.

Видать, чубарый выбран неспроста,
Хоть куцый он, без гривы и хвоста.
Заботой окружен и на свободе
Пасется вместе с клячами два года.

Уж клячи резво скачут, так и есть,
Откормлены, лоснится жиром шерсть.
Копытами бьют неустанно оземь
И вид у них нетерпелив и грозен.

Теперь пора гаданье начинать.
Что внутренности могут рассказать,
Дадут надежду иль ее лишат?
За счастьем кто же мчится наугад!

Вот мясо, костный жир особой меркой
Подвергла Каракат своей проверке.
И видит: никакого в них изъяна,
Чубарый в форме, все идет по плану.

Она сама заботится о нем
И не водою, поит молоком.
Не ведая ни отдыха, ни сна
Готовит мужу чудо-скакуна.

Вручая мужу золотой платок,
— Скачи, — сказала, — наступил твой срок.
Но прежде я тебе открою суть,
Покуда ты еще не начал путь.

Когда ли птицей пустишься ты вслед,
Знай, что в пути грозит немало бед.
Увидишь в беге поразивших многих
Прославленных тулпаров быстроногих.

Так не забудь, коня пуская вскачь,
Поглубже шаль от посторонних спрячь.
В стремительной ликующей погоне
Чубарого и ветер не догонит.

Над холмами, над крутизной обрыва
Он пролетит без устали, игриво.
От удивленья вспыхнув ярким светом,
Лишь пери-девушка заметит это.

Блеск золота вмиг птицу одурманит,
Она тогда кружить с мольбою станет
И молвит: «Неужель, агай, вам жаль
Дать мне взглянуть на золотую шаль?!»

А ты коня гони еще быстрее,
Размахивая шалью перед нею.
Коль дашь взглянуть, то след ее простынет,
Старанья все окажутся пустыми.

Поймать ее желанием горя,
Два года люди мучаются зря.
За аргамаком скачет аргамак,
А все удачи не видать никак.

... Охваченный нетерпеливым жаром,
Турсун за птицей мчится на чубаром.
И, словно бы твердя: а вот и я,
Гогочет гусь, насмешки не тая.

И верховые разом в нетерпенье
Летят лавиной. Вспышкой мгновенье!
Как сладок, светел ты, азарт погони,
В одном дыханье слиты люди, кони.

Пора, пора! Неудержимо вот
Стрелой чубарый вырвался вперед.
Шумит народ: «Какой чудесный конь,
Подобен ветру и в крови огонь!»

Гусь и чубарый от людского взора
Совсем исчезли, удалившись скоро.
Тогда-то, гуся поманив рукой,
Шаль поднял вверх Турсун над головой.
А пери что же? Так поражена,
Летит на блеск с волнением она
И, опустившись с высоты чуть-чуть,
Джигита просит: можно ли взглянуть?

Но отказал Турсун. Невольно птица
К нему, рыдая, на руку садится.
Законам и желаниям людей
Теперь придется подчиняться ей.

... Не сладко хану, извела любовь,
Не пьет, не ест, хладеет в жилах кровь.
Ему, бедняге, по ночам не спится,
В глазах бессонных — пери, чудо-птица.

Но, право, благосклонная судьба
Жалеет будто своего раба.
Не рвется сердце ханское на части —
Ему Турсун приносит птицу счастья.

Ликует хан. Вновь светел, ясен день.
Готовит свадьбу, прочь отринув лень.
На радостях скорей сзывает всех
Невиданный отпраздновать успех.

Джигиту хан за помощь благодарен,
Готов отдать, что ни попросит, даром.
Кто ты и как зовут тебя, джигит? —
Довольный, повелитель говорит. —

Дам золота, отказывать не гоже,
Надеюсь, унести его ты сможешь...
Иль оставайся при дворце моем,
Народом править будем мы вдвоем.

— Меня зовут Турсун, — джигит в ответ, —
Трудом я славен, не богатством, нет.
Трудом и правдой жизнь моя красна,
Есть свой очаг, красавица жена.

Чужого мне не надобно добра,
Ни злата не хочу, ни серебра.
И потому вас приглашаю просто
Приехать к нам и быть желанным гостем.

Воскликнул хан: — Уважил ты меня!
Во мне пока нет прежнего огня,
Окрепнуть должен, видишь это сам.
Приеду в гости через месяц к вам.

Турсун уехал, молвив: «Мы вас ждем!»
Жене, вернувшись, сообщил о том.
С утра до ночи не смолкает гул,
Встречать гостей готовится аул.
Взялись за дело дружно сотни рук,
Здесь варят-жарят, там — коптят чужук.

Сгоняют в круг откормленных овец,
Казаны ставят из конца в конец.
Струится небо шелком голубым,
И ввысь восходит над аулом дым.

Хан прибыл важно, он со всех сторон
Толпой и пышной свитой окружен.
Визири с ним, акыны и певцы,
Сородичи, почтенные отцы.

И погруженный в сумрак ханский трон
Улыбкой смуглой пери озарен.
Гостей проводят в светлые шатры,
Им преподносят яства и дары.

А Каракат, вся изменившись вмиг,
Проворно прячет под накидкой лик.
Гостям сама прислуживать идет,
С поклоном блюдо хану подает.

Ступает плавно и плывет, как пава,
Движения легки и величавы.
Стройна, прекрасна, не видать изъяна,
Встает — вся совершенство — перед ханом.
Хан до конца хозяйкой восхищен,
Влюбленных глаз с нее не сводит он.

«Ей быть женою бедняка не гоже,
С властителем делить достойна ложе.
Иметь такую надобно жену,
Коль так, ее насильно умыкну!» —
Решает хан. Он мысли этой рад,
И зреет в нем коварства горький яд...

Три дня уже пируют за столом,
Едою сыты гости и вином.

Хан на прощанье приглашает вдруг
В шатер к себе достойных, верных слуг. Те ждут.
Вот-вот сигнал им будет дан,
Готов свершить насилие злобный хан.

Но тут вперед шагнула Каракат,
Глаза ее, как яхонты, горят.
В упор с усмешкой глядя на отца,
Рывком накидку сбросила с лица.

Вскричала ханша, увидавши дочь,
Хан задохнулся, потемнев, как ночь.
Визири же, сгорая от стыда,
Девать себя не ведают куда...
И зажили, теплом невзгоды скрасив,
Турсун и Каракат с тех пор в согласье.
По праву прославляет их народ
И почести с любовью воздаст.

«Хорошая жена плохому мужу
Опорой и поддержкой будет в стужу,
Свет доброты и счастья в ней хранится!»
Не зря теперь в народе говорится.

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

(Раздумье)

Песню заслышу — душа вострепнется,
Детство вернется и юность вернется,
Все, что осталось в былом, за холмами,
Сладкою болью в душе отзовется.

Вспомню друзей своих четвероногих,
Так же, как я, на земле одиноких,

Всюду, куда я ни двинусь — за мною
Козочка, кошка и песик в дороге.

Белку ли, зайца гоню, а за мною
Козочка, кошка и песик гурьбою,
И ни на шаг не отстанут в погоне,
А на привале уткнется в ладони

Козочка белая — мягкой травую
Я покормлю ее,— и головою
Вертит она, и поводит ушами,
Благодарит, и все ходит за мною.

Пестрый мой котик, глаза закрывая,
Тихо мурлыкает, сон навевая,
Пес,— тот приляжет на камень покатый
И не уснет, наш покой охраняя.

Время прошло, как всегда, без возврата.
Козочка выросла,— блеют козлята,
Ходит за ними мой пес постаревший,
Щурит глаза свои подслеповато.

В те времена мы кочевье меняли,
Юрты снимали, скarb собирали,
На лошадей всем аулом садились
И на другое джайляу скакали.

Помню я — были овраги глубоки,
Баи вредны, жены их толстобоки,
Лишь бедняки и бедняцкие дети
Были худы и всегда одиноки...

Обосновалось кочевье меж горных
Рек, между скал неприкаянных, черных.
Все опасались за малых детишек
И за овец расшалившихся, вздорных.

Только лишь птицы меж круч пролетали,
Беркуты к тучам с утесов взмывали...
Я уходил и садился на камни,
Слушая как соловьи напевали.

Той на джайляу у баев за тоем,
Пьют, наслаждаясь теплом и покоем,
А бедняки в стороне, как сироты,
Душу свою услаждают тоскою.

Я в стороне остаюсь, с ними вместе,
Нету коня, есть унылые песни,
Вот и горланю их целые сутки,
Нету спасенья от этой болезни.

Я от обиды прилягу на травы,
Песни пою — нет сильнее отравы,
С песней уснешь и проснешься от песни,
Ахнешь — куда задевалась отара?

Бедный отец чуть не плачет, вздыхая:
«Горе, сынок, ведь отара чужая,
Бай не простит даже малой потраты,
Все отберет, нет пощады от бая!..»

Просит муллу, чтоб за нас помолился,
Я же под ноги ему повалился,
Слушая темные те причитанья
Не понимал ничего, только злился.

Мулл не любил, врачей бестолковых,
Смысла не видя в речах их бредовых,
Если ж акын Сарыбас навещал нас,—
Сколько я песен заучивал новых!

Нет, не возьмешь со святоши примера,
Есть у народа в певцов своих вера...

Как-то под вечер гляжу — возле юрты —
Сабля сверкнувшая аткаминера¹.

Вижу — народ, кто куда разбежался,
Вижу — отец мой гонца испугался,
Ну а гонец расседлался с дороги
И не спеша в нашу юрту собрался.

Эй, Азербай — он сказал у порога —
Сына зови, собирай-ка в дорогу...
Сына? Зачем тебе сын мой, послушай,
Пусть подрастет он еще хоть немного!

— Э-э, Азеке, ты не думай плохое,
То Еркебай приглашает с собою,
Гостем берет молодого акына,
Пусть он споет, отличится на тое.

Едем мы нынче дорогою дальней
В гости к киргизам, на ас поминальный,
Сорок акынов везем мы с собою,
Пусть же и сын твой поспорит с судьбою..

Это услышав, заплакал отец мой:
— Сын, да минует судьба твоя бедствий.
Благословенье мое на удачу —
Это ведь все, что имеешь в наследство!..

Сел на коня я вослед за Ибраем,
Песня звенит в моем сердце, играет,
Хоть и в поношенной, ветхой шубенке
Еду цветущим и радостным краем.

Сам Еркебай меня встретил с подарком:
Баню Ибрай нынче вытопил жарко

¹ Аткаминер — вооруженный всадник.

И показал мне подарки-обновы,
Как они вспыхнули празднично, ярко!

Тут я впервые увидел кирпичный
Домик квадратный, такой непривычный:
Крыша над домом, труба еще выше,
Вьется дымок над трубой и над крышей.

Конь отдыхал утомившийся, пыльный,
Сена Ибрай ему сунул навильник.
В домик вошли — свет в глаза мне ударил,
Так я впервые увидел светильник.

— Ну, раздевайся,— Ибрай засмеялся —
Что нам тут медлить?.. А я испугался:
Душно от пара, и страшно, и жарко,—
Даже не помню, как я искупался.

Помню, Ибрая просил — отпустите,
Дымом горячим меня не коптите,
Голым рванулся из бани на свежий
Воздух — Ибрай меня за руку держит.

Спину он тер мне, сбежать не давая,
Ноги распаривал... Грязь вековая
Медленно таяла — он лишь смеялся,
В новое платье меня одевая...

... Сам Еркебай сиротою родился,
Бедствовал всласть, в бедняки подрядился,
Тут волостной его взял в услуженье —
Русскому он у него обучился.

Стал толмачом, стали звать его к тою.
Зная отца, все следил он за мною:

«Мальчик поэтом растет, — говорил он, —
Верно, судьба его будет иною».

Ох уж и праздник сегодня он сделал:
Конь подо мною со звездочкой белой,
Шанбай-батыр едет рядом, как с равным,
Рядом акыны компанией целой.

Лучших наездников триста, наверно,
Движутся бай, качаются мерно, —
Те, что когда-то меня избивали
И обзывали с насмешкою скверной.

Ласковы нынче со мною, кивают,
Вежливо так — Кененжан — называют:
— «Это тот мальчик, чью песнь о пропаже
Наших овец там и тут напевают...»

К полдню добрались уже до Курдая.
До Сулутора затем. Вырастая,
Холм за холмом составляют цепочку
Ту, что связала два родственных края.

Весело едут лихие джигиты,
Скачут, земли не коснутся копыта,
Рдеют поля от цветущего мака...
Чу перешли. Добрались до Токмака.

Встреча гостей превзошла ожиданье:
Вверх по теченью разбили заране
Юрт белокошменных целых пять тысяч —
До Кишикебина дым тянет утрами!

Шабден-батыр у киргизов прославлен:
Целых шесть раз он царю был представлен,
Он рассказал о киргизах, казахах
В первопрестольном дворце православных.

Флаги семи волостей развевая,
Ветер гуляет от края до края,
Ловкие бии о тое хлопочут,
Ас по всем правилам подготавливая.

Пять дней утощают киргизы соседей,
Гостей — сорок тысяч на званом обеде,
Сто тысяч рублей принесли в жертву аса —
Многим запомнились пиршества эти!

Сколько коней и овец заложили
В черный казан, как молитвы служили,
Как по усам та сорпа¹ растекалась,
Помню я плохо. Другое осталось.

Крикнул киргиз Калмырза, взяв бумагу:
— Мы испытали джигитов отвагу,
Ну а теперь назовите батыров,
Песен дарующих крепкую брагу!

Дал Еркебай среди всех знаменитых
Старых акынов, и тертых, и битых,
Имя мое — расхвалив не по чину, —
К недоумению взглядов сердитых.

Все, что я видел — всего не расскажешь,
Все, что я слышал — к ушам не привяжешь:
Вызвал меня Еркебай на средину,
Спой-ка, сынок, нам, — промолвил, как сыну.

На этом тое я пел песню «Пайыз»:
«Я Кенен, посланец племени Дулат,
Молод я, судите — дан ли мне талант,
Не богат я, беден, я простой койшы².

¹ Сорпа — мясной бульон.

² Койшы — чабан.

Никогда не видел я таких палат!
Столько я акынов не видел никогда,
Беден я — за это нет во мне стыда,
Потому что песня — вот мое богатство,
Имя Сарыбаса — вот моя звезда.

Он мне дал в наследство звонкую домбру,
Я ее, лаская, на руки беру,
Валуном лежал я под шестью уыками¹.
А теперь очнулся — слушайте игру...»

Песню я пел — все в округе молчали,
Кончил я песню — и все закричали,
Звали еще, чтобы пенье продолжил,
Долго потом поздравленья звучали.

Счастье звенело во мне, разливалось,
Сердце копытом в груди отдавалось,
Светлые слезы глаза застилали,
Кони, народ и холмы — все смешалось.

Помню с акыном Джамбулом я встречи,
Руку он жал, слушал я его речи,
Песни его растекались рекою
За перевал, по аулам, далече...

Взял с того аса я вышитый пояс,
Скромностью дара не беспокоясь,
Стал талисманом тот пояс отныне —
Память немалое значит в акыне.

Слух долетел до родного аула,
Весть эта плечи отцу разогнула.
Сын победитель в байге средь акынов!—
Весть эта юность на время вернула.

¹ Уыки — продольные жерди остова юрты.

Все приходили к отцу, поздравляя,
Силы, здоровья, богатства желая,
Скот для соседей отец мой зарезал,
Праздник бедняцкий прошел, как у бая.

Имя Кенен стало славным в народе,
Жизнь закрутилась как в водовороте,
Свадьба ли, той ли, — меня приглашают,
Ждут, на почетное место сажают.

К этой поре мы вконец обеднели,
Скот, что имели, на праздниках съели,
Тут-то мое пригодились искусство —
Песни на выручку нам полетели.

Стукнуло мне девятнадцать в то время.
Бремя долгов — это страшное бремя,
Хоть приносили мне песни доходы,
Все же частенько почесывал темя.

Стар стал отец, голова поседела,
Выбрать жену мне пора подоспела,
Как прокормить их — томила забота,
Ночью и днем надо мной тяготела.

В юности все тебе вроде прощают,
Годы с лихвой наверстать обещают,
Что прогулял.
Только пить да валяться —
Это не дело. Не будет пощады.

Жизнь покарает лентяя и плута,
Жулика, пьяницу и баламута,
Как ни скрывайся, народ все узнает,
Слухи доходят легко почему-то.

Четырехкрылую юрту поставишь,
Ложь с женой молодою расправишь,
А залежался немного — лентяем
Сам же себя по округе ославишь.

Я молодым не успел нагуляться,
Некогда было мне спать и валяться —
Дети рождались, семья вырастала,
Жить было нужно, хоть как-то справляться.

На Кокшолоке своим и с домброю
Целыми днями бродил я, не скрою,
Возле стоянок чужих и аулов,
Тешил народ вдохновенной игрою.

Кто-то даст рубль, а кто-то монету,
В юртах пою, где и мелочи нету,
Мясо, одежду, пшеницу и просо —
Кто что имеет — давали поэту.

Кто даст овечку, а кто-то козленка,
Прсят одно, чтоб домбра пела звонко,
Бродит за мной молодежь, подпевая,
Только долгам не видать еще края.

Не обойденным с домброю-подругой
Так не остался никто по округе,
Масла давали хозяйки и хлеба,
Куртом рассыпчатым полнились руки.
Все-таки стали мы сыты, одеты...
Тяжкой работою живы поэты!
С юности я зарабатывал песней,
Музыки, слов постигая секреты.

Слава уже закрепилась за мною,
Песни летели дорогой степною,

Пели казахи и пели киргизы
Все, что моей прозвенело струною.

Любит народ сокровенную песню,
С песней работать и жить интересней,
Всюду, куда ни приеду — приветят,
Счастливы встречей с акыном известным.

Счастлив и я — люди песням внимают,
Шутку, намек хорошо понимают,
В юрте моей наилучшее место
Вкруг дастархана друзья занимают.

С детства к поэзии я пристрастился,
К людям всегда лишь с добром относился,
Беден я был — появился недостаток,
Баем же быть так и не научился.

Баю пристала тупая надменность,
Толстый живот, беспробудная лень.
На недоверие, глупость и чванство
Я не сумел променять откровенность.

Старый отец мой с внучком поводился,
Хоть напоследок судьбой насладился,
«Стал человеком мой сын», — молвил тихо
И, не скорбя, в мир иной удалился.

Был одиноким очаг мой когда-то,
Жили мы бедно, зажили богато —
Гости и ночью, и днем... Кто виновен?
Песня? Да разве она виновата?

Нет, благодарность моя бесконечна,
Люди ведь слушают песню сердечно,

Значит, и сердце мое меж сердцами
Будет стучать, пока слушают, вечно.

Про одаренных недаром поется:
«Ливень на них благодатный прольется».
Жизнь ведь сама их перстом помечает,
Песня не всем в этом мире дается.

Будет дана тебе песня, возможно,—
С даром своим поступай осторожно,
Больше учись, пестуй слух и вниманье,
Званье акына — высокое званье.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мухамеджан Каратаев. ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ</i>	<i>3</i>
<i>«ДОРОГОЙ КЕНЕН-АГА!.....</i>	<i>15</i>

СТИХИ

<i>ПРО МЕНЯ, КОНЯ И ТОЙ. Перевод О. Юровской.....</i>	<i>17</i>
<i>ПРИ ВСТРЕЧЕ С БАЛУАН ШОЛАКОМ. Перевод Н. Касеновой ...</i>	<i>24</i>
<i>МОИ НАСТАВНИКИ. Перевод Т. Фроловской</i>	<i>24</i>
<i>ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД. Перевод Т. Фроловской</i>	<i>25</i>
<i>ВОССТАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОГО ГОДА. Перевод Т. Фроловской</i>	<i>27</i>
<i>БЕДНЫЙ МОЙ КРАЙ. Перевод Н. Касеновой.....</i>	<i>28</i>
<i>КИРГИЗСКОМУ БРАТУ. Перевод Т. Фроловской</i>	<i>29</i>
<i>ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД. Перевод О. Юровской.....</i>	<i>29</i>
<i>ИЗБРАЛИ В РЕВКОМ! Перевод О. Юровской.....</i>	<i>30</i>
<i>КРАСНОРЕЧИВЫЙ ЯЗЫК. Перевод Н. Черновой</i>	<i>31</i>
<i>ДОМБРА. Перевод Н. Черновой.....</i>	<i>32</i>
<i>ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЬСКОМУ ПРАЗДНИКУ.</i>	
<i>Перевод Т. Фроловской.....</i>	<i>33</i>
<i>БАЗАР И НАЗАР. Перевод Н. Черновой</i>	<i>34</i>
<i>КАК БУДТО АЛАТАУ С НЕБОМ ГОВОРИТ.</i>	
<i>Перевод Н. Касеновой.....</i>	<i>36</i>
<i>МОЙ СТАЛЬНОКОПЫТНЫЙ ТУЛПАР. Перевод Т. Фроловской.</i>	<i>38</i>
<i>КАЗАХСТАН. Перевод Т. Фроловской</i>	<i>39</i>
<i>ПРАЗДНИЧНЫЕ ПЕСНИ. Перевод Н. Касеновой.....</i>	<i>39</i>
<i>ЧЕТЫРЕ ПОРЫ. Перевод А. Соловьева.....</i>	<i>40</i>
<i>ВЫРОС МОЙ КРАЙ. Перевод Н. Касеновой</i>	<i>41</i>

ПРОЕКТУ КОНСТИТУЦИИ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	42
СВЕТ ИДЕЙ ЛЕНИНА. <i>Перевод А. Соловьева</i>	43
ВПЕРВЫЕ В САМОЛЕТЕ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	44
БАЛХАШ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	47
КОГДА ПРИЕДЕТ ДЖАМБУЛ? <i>Перевод А. Соловьева</i>	48
К ЮБИЛЕЮ ШОТА РУСТАВЕЛИ. <i>Перевод Н. Касеновой</i>	49
ГОВОРИ, ЯЗЫК! <i>Перевод О. Юровской</i>	51
ПИСЬМО НА КАМНЕ. <i>Перевод О. Юровской</i>	52
МЫСЛИ, РОЖДЕННЫЕ НА ВЫСТАВКЕ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	52
ДОМБРА И ПОЭТ. <i>Перевод А. Брагина</i>	54
ГОЛУБЬ. <i>Перевод Н. Черновой</i>	55
МАКСИМУ ГОРЬКОМУ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	56
МОЕМУ КРАСНОЗНАМЕННОМУ КОЛХОЗУ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	57
ЧЕСТЬ ДОБЫВАЮТ ТРУДОМ. <i>Перевод А. Брагина</i>	57
СЛОВО К ЮНЫМ. <i>Перевод О. Юровской</i>	58
ОТМЩЕНИЕ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	59
ЧЕТЫРЕМ ГЕРОЯМ. <i>Перевод Н. Черновой</i>	60
РОДНИК. <i>Перевод А. Брагина</i>	62
ПИСЬМО НА ФРОНТ. <i>Перевод Н. Неизвестного</i>	63
ВОТ В ЧЕМ ЧИСТОТА! <i>Перевод А. Соловьева</i>	64
СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ДЖАМБУЛУ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	65
БУДЕТ ТАК. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	66
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК Я ЗАБЛУДИЛСЯ В МОСКВЕ. <i>Перевод А. Брагина</i>	66

БУДЬ ПОХОЖИМ НА БАТЫРА МАЛИКА.

Перевод Т. Фроловской..... 68

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ. *Перевод О. Юровской* 69

МЫ ПОБЕДИМ! *Перевод А. Соловьева* 70

ДЖАМБУЛУ, ПРОЖИВШЕМУ СТО ЛЕТ.

Перевод Н. Черновой 72

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ИЗ АУЛА ЛЮБИМОЙ.

Перевод Н. Черновой 73

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДЫ. *Перевод Т. Фроловской* 74

КОГО НЕ РАДУЕТ ВЕСНА. *Перевод Н. Касеновой*..... 76

ПЕСНЯ ВЕСНЫ. *Перевод Н. Касеновой* 76

К СЛОВУ. *Перевод Н. Черновой*..... 78

СЛОВО О ПЕСНЕ. *Перевод Н. Черновой*..... 78

БЫЛИ РАЗНЫЕ ПОЭТЫ. *Перевод Вл. Савельева*..... 79

БЫТЬ ПОХОЖИМ. *Перевод О. Юровской*..... 81

НАЗИДАНИЯ. *Перевод Н. Черновой* 83

ДЕТИ, УВАЖАЙТЕ РОДИТЕЛЕЙ! *Перевод Т. Кузовлевой* 87

КОГДА ВЫДАВАЛИ ЗАМУЖ ТОРТКЕН. *Перевод А. Соловьева*.. 88

НАЗИДАНИЕ МОЛОДЫМ. *Перевод Н. Черновой*..... 89

Я ЗДОРОВ. *Перевод П. Вегина* 90

ПУТЕШЕСТВИЕ В САРЫАРКУ. *Перевод А. Брагина* 91

ЦЕЛИНЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ СТРОКИ. *Перевод Т. Фроловской* ... 94

КУЛЯШ. *Перевод О. Юровской* 96

СЕРЫЙ СКАКУН. *Перевод Т. Фроловской*..... 97

АЛАТАУ. *Перевод Н. Касеновой*..... 98

В ГОСТЯХ. *Перевод О. Юровской* 98

ЗЕРКАЛО АЛАТАУ. <i>Перевод О. Юровской</i>	99
ПУСТЬ БУДЕТ ВАШ ПОРОГ БЛАГОСЛОВЕННЫМ.	
<i>Перевод Т. Фроловской</i>	100
ПЛОХИЕ РОДСТВЕННИКИ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	101
СКРОМЕН ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК.	
<i>Перевод Т. Фроловской</i>	101
КИРГИЗСКИМ ДРУЗЬЯМ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	102
РАЗМЫШЛЕНИЯ. <i>Перевод Н. Касеновой</i>	103
МУХТАРУ АУЭЗОВУ. <i>Перевод О. Юровской</i>	104
ДЕВЯТЬ КОРЖУНОВ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	105
ОМАРУ ШИПИНУ. <i>Перевод П. Вегина</i>	106
МОИ ДРУЗЬЯ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	106
ВСЕГО СИЛЬНЕЕ ТРУД. <i>Перевод А. Соловьева</i>	108
КАРГАЛЫ. <i>Перевод П. Вегина</i>	109
ПЕРИОДЫ ВОЗРАСТА. <i>Перевод Т. Шаханова</i>	110
СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	111
В ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ОБНОВЛЯЕТСЯ КРАЙ.	
<i>Перевод Н. Касеновой</i>	111
ВРАГ И ДРУГ. <i>Перевод Н. Черновой</i>	113
ХОРОШИЙ КОНЬ И ХОРОШАЯ ЖЕНА. <i>Перевод Н. Черновой</i> . 114	
БИТЬ ПО КАРМАНУ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	115
СПУТНИЦА ДУШИ — ДОМБРА. <i>Перевод Н. Черновой</i>	116
ПОВТОРЯЮ С ЛЮБОВЬЮ. <i>Перевод В. Бернадского</i>	117
ДЕД МОРОЗ. <i>Перевод Н. Касеновой</i>	119
ГДЕ ТЫ, ВРЕМЯ ЮНОСТИ? <i>Перевод Т. Фроловской</i>	120
СТАРОСТЬ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	121

МОИ ЛЕТА. <i>Перевод О. Юровской</i>	121
НЕЗАБВЕННЫЙ ТАИР. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	123
ЧТО ПРОКУ? <i>Перевод Н. Черновой</i>	124
УТРО НАСТАЛО, ВЗОШЛО СОЛНЦЕ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	125
НИ О ЧЕМ Я БОГАТЫХ НЕ УМОЛЯЛ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	126
ГАБИТУ МУСРЕПОВУ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	127
В ГОРЫ ПОЙДЕШЬ — КРАСОТА. <i>Перевод Н. Касеновой</i>	128
ПУСТЬ НЕ БУДЕТ ТЕПЕРЬ ВОЙНЫ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	129
СЕСТРЕ УКРАИНЕ. <i>Перевод А. Брагина</i>	131
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. <i>Перевод О. Юровской</i>	133
О ХОРОШЕЙ И ПЛОХОЙ ЖЕНЕ. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	134
ГОТОВЬТЕСЬ К ЗИМЕ. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	134
ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	135
ОТ ИМЕНИ СТАРЫХ АКЫНОВ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	136
ПЕСНЯ ВДОХНОВЕНИЯ. <i>Перевод А. Соловьева</i>	137
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. <i>Перевод Вл. Савельева</i>	138
КОЕ-КТО. <i>Перевод Вл. Савельева</i>	139
МЫРЗАГУЛ. <i>Перевод Вл. Савельева</i>	140
О ВОДЕ. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	141
МОЙ КАЗАХСТАН. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	141
ПРОЩАЙ, САБИТ! <i>Перевод О. Дмитриева</i>	142
ВОТ И МНЕ ДЕВЯНОСТО ИСПОЛНИЛОСЬ ЛЕТ. <i>Перевод Н. Касеновой</i>	143
К РОДИНЕ. <i>Перевод В. Краковского</i>	144

ПЕСНИ.

СИРОТА. Перевод А. Жовтиса	145
О ЖАВОРОНОК! Перевод А. Жовтиса	146
ЛЮДИ, ВЫ ПОСЛУШАЙТЕ МЕНЯ. Перевод А. Жовтиса	147
В КЗЫЛКАЙНАРЕ И ШУЛЬКАЙЫНЕ. Перевод А. Жовтиса	147
СИВЫЙ МЕРИНОК. Перевод А. Жовтиса	148
ГДЕ ТЫ, ЗЕМЛЯ ОТЦОВ? Перевод А. Жовтиса	149
ШОЛПАНКУЛ, ПО ТЕБЕ ТОСКУЮ. Перевод А. Жовтиса	149
В СВОЙ АУЛ ПРИШЛА МОЛОДЕЖЬ. Перевод А. Жовтиса	150

АЙТЫСЫ

АЙТЫС КЕНЕНА С ШАЛИПОЙ. Перевод О. Жанайдарова	151
АЙТЫС КЕНЕНА С ЛАТИПОЙ. Перевод О. Жанайдарова	153
ШУТОЧНЫЙ АЙТЫС КЕНЕНА С ДВУМЯ ЖЕНГЕ — ЖЕНАМИ СТАРШИХ БРАТЬЕВ — БОДЕНЕ И ШАЙНЕК. Перевод О. Жанайдарова	157
АЙТЫС КЕНЕНА С КЕНЖЕКОЖОЙ. Перевод О. Жанайдарова	158
КЕНЕН И БОПИНА. Перевод О. Жанайдарова	163

ПОЭМЫ

АЛИ-БАТЫР. Перевод М. Тарловского	166
ТУКЕТАЙ И МАНИКЕР. Перевод Б. Канапьянова	198
ОДИНОКИЙ ГУСЬ. Перевод Л. Степановой и Т. Шаханова	227
ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ. Перевод В. Киктенко	242

Кенен АЗЕРБАЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Пятитомник

Том 5

ПЕСНИ ГОР И СТЕПЕЙ

Редактор **Алсеит ОСПАН**

Корректор **Талшын КУЛПЕИС**

Компьютерная верстка **Дана ҚАЙЫРШАЕВА**

Технический редактор **Нуркен СУЙЕУБЕК**

ISBN 978-601-03-0491-8

ИБ№21

Подписано в печать г. Формат 60/90 ¹/₁₆.
Шрифт «Times/Kazakh» Объем 16,25 усл.п.л.
Тарих 5000. Заказ №31

Типография издательской корпорации «ҚАЗАқпарат»